

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1913.

№ 7.

АПРѢЛЬ—книжка первая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

Отношеніе логическаго анализа истинъ вѣры къ интенсивности религіознаго чувства. Ивана Степанова	1—13
О религіозномъ опытѣ. (Окон). Иеромонаха Серапіона	14—26
Христіанство въ Кіевской Руси при Ярополкѣ, братѣ Владиміра Святого. Пархоменка	27—35
Къ спекулятивному обоснованію религіозной вѣры. П. Нечаева	36—54
Рѣшеніе вопроса о страданіяхъ въ русской литературѣ съ христіанской точки зрѣнія. А. Н. Ершова	55—84
Факты и воспоминанія изъ жизни герцеговинца на службѣ по духовно-учебному вѣдомству. (Продолж.). Прот. І. Пичеты	85—104

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

1. Предложеніе Его Высокопреосвященства Харьковской Духовной Консисторіи о созывѣ Епархіальнаго съѣзда духовенства въ текущемъ году.—Правила о сборѣ пожертвованій на построеніе во имя Св. Николая Мурликійскаго Храма и странноприимнаго дома.—Отъ Экзаменаціонной комиссіи при Харьковской Духовной Семинаріи.—Епархіальныя извѣщенія.—Отчетъ о состояніи Харьков. Епарх. женск. училища. (Окончаніе). Отъ Совѣта Харьковского Епархіальнаго женскаго училища.—Отчетъ Братства св. Амросія Медиоланскаго. (Отд. приложеніе).—II. Христосъ Воскресе! *Свят. Василія Григоревичи*.—О пользѣ монастырей вообще и въ частности о епархіально-филантропическихъ учрежденіяхъ при монастыряхъ Харьковской епархіи. (Окончаніе). *Архимандрита Иоансія*.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Библиографія.—Объявленія.—(Стр. 105—142).

ХАРЬКОВЪ.

«Епархіальная Типографія», Каплуновская ул., д. № 2.

1913.

ЖУРНАЛЪ

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЪ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи.

Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются излѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годичное изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за границу 12 р. съ пересылкою.

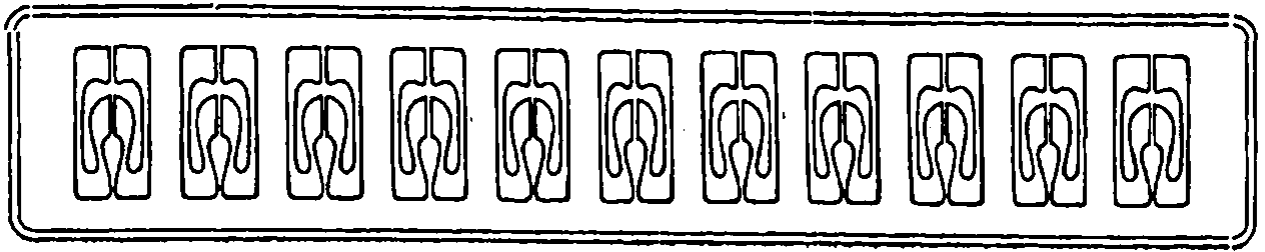
Разсрочка въ уплатѣ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **Харьковѣ:** въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ Харьковскихъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостиный дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1912 г. за **8 руб.** съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобрѣтаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РЪЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. ЦѢНА за 8 книгъ **8 рублей** съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“.

Т. II. №№ журнала 7—12.

За 1913 годъ.

Отношеніе логическаго анализа истинъ вѣры къ интенсивности религіознаго чувства. **Ивана Степанова**, стр. 1—13.

О религіозномъ опытѣ. **Иеромонаха Серапіона**, стр. 14—26.

Христіанство въ Кіевской Руси. **Пархоменко**, стр. 27—35.

Къ спекулятивному обоснованію религіозной вѣры. **Н. Нечаева**, стр. 36—54, 220—233, 368—383.

Рѣшеніе вопроса о страданіяхъ въ русской литературѣ съ христіанской точки зрѣнія. **А. Н. Ершова**, стр. 55—78, 186—205.

Факты и воспоминанія изъ жизни герцоговинца на службѣ по духовно-учебному вѣдомству. **Прот. І. Пичеты**, стр. 75—104, 234—258 *).

Опытъ Нравственнаго Православнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи. **Профес.-Прот. Н. Стеллецкаго**, стр. 143—177, 330—356, 479—513, 595—635, 746—772 *).

Начало христіанства на территоріи нынѣшней Россіи. **В. Пархоменко**, стр. 178—185.

Протестантство въ Россіи. **Профес.-Прот. Т. И. Бутневича**, стр. 287—319, 445—478, 577—594, 719—745 *).

*) См. сл. т.

Одинъ изъ опытовъ современнаго богословія на западѣ.
Е. Н., стр. 357—367, 636—647, 792—808.

Библиографическая замѣтка. **С. Н. Л.**, стр. 384—388.

Рѣчь, при открытіи Епархіальнаго Церковно-Археологическаго Общества и Музея при немъ 19 мая 1913 года.
Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, стр. I—IV.

Значеніе физики и математики въ вопросахъ религіозно-философскаго порядка. **Профес.-Прот. І. Галахова**, стр. 439—444.

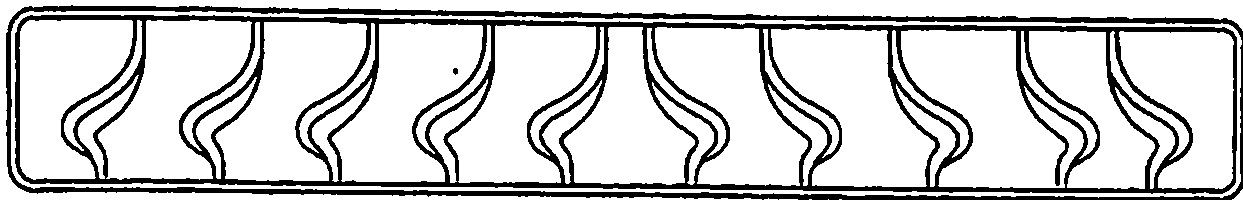
Первая сѣмена христіанства у Руси въ IX в. **В. Пархоменко**, стр. 514—524.

Юридическое положеніе христіанъ въ Римской имперіи въ правленіе императора Коммода. **Іеромонаха Іоасафа**, стр. 659—678.

Жизнь или смерть? **Свящ. І. Артинскаго**, стр. 773—791 *).

*) См. сл. т.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,

содержащихся въ „Извѣстіяхъ и Замѣткахъ по Харьковской епархіи“, №№ 7—12, за 1913 годъ.

I.

Оффиціальныи отдѣлъ.

Предложеніе Его Высокопреосвященства, Харьковской Духовной Консисторіи о созывѣ Епархіальнаго Съѣзда духовенства въ текущемъ году, стр. 105.

Правила о сборѣ пожертвованій на построеніе во имя Св. Николая Мурликійскаго храма и страннопріимнаго дома, стр. 105—106.

Отъ Экзаменаціонной Комиссіи при Харьковской Духовной Семинаріи, стр. 106.

Епархіальныя извѣщенія, стр. 107—108, 260—261, 540—546, 681—683, 839—841.

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, стр. 108—122.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, стр. 122.

Пріемъ должностныхъ лицъ, у Его Высокопреосвященства, стр. 259.

Для свѣдѣнія и исполненія духовенства епархіи, стр. 389—391.

Для свѣдѣнія духовенства, 392, 680—681.

Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища, стр. 393.

Маршрутъ паломничества съ чудотворнымъ образомъ Песчанской Божіей Матери, стр. 393—396.

Высочайшія награды, стр. 525.

Архипастырское распоряженіе, стр. 529—530.

- Отъ Организаціоннаго Комитета, стр. 530—532.
 Положеніе о климатической колоніи, стр. 532—535.
 Правила приѣма учителей и учительницъ, стр. 535—538.
 Правила для пользующихся климатической колоніей,
 стр. 538—540.
 Списокъ лицъ, служащихъ въ Сумскомъ духовномъ
 училищѣ, стр. 546—548.
 Извѣщеніе, стр. 549.
 Архипастырская рецензія, стр. 679—680.
 Отъ Харьковской Духовной Консисторіи, стр. 681.
 Росписаніе пастырско-миссіонер. собраній, стр. 681—686.
 Списокъ лицъ, служащихъ при Хар. дух. учил., стр.
 686—688.
 Отъ Сватово-Луцкой второкл. учит. школы, стр. 688.
 Отношеніе члена Государственной Думы, стр. 809—810.
 Списокъ воспитанниковъ въ Хар. Дух. Сем., стр. 811—817.
 Росписаніе переэкзаменовокъ, стр. 817.
 Отъ Правленія Хар. Дух. Семинаріи, стр. 817—819.
 Списокъ воспитанницъ Харьков. Епархіальнаго жен.
 учил., стр. 819—835.
 Разрядной списокъ воспитанниковъ Сумскаго дух. учил.,
 стр. 832—835.
 Отъ Правленія Сумскаго дух. учил., стр. 835—837.
 Отъ Славянской второклас. учительской школы, стр.
 837—838.
 Отъ Дергачевской второкл. школы, стр. 838—839.
 Отъ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“, стр. 839.

II.

Статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго содер- жанія и другія.

- Христось Воскресе! **Свящ. В. Григоревича**, стр. 123—124.
 О пользѣ монастырей. **Архим. Аванасія**, стр. 125—129.
 Слово на 2-й день Свѣтлаго Христова Воскресенія.
Свящ. Н. Загоровскаго, стр. 261—266.
 Ахтырскій Свято-Троицкій монастырь. **Свящ. А. Красно-
 нутскаго**, стр. 267—275, 400—413.
 Монахъ Стефанъ Подгорный и его послѣдователи.
В. Сулимы, стр. 275—280, 413—420.
 Слово у Плащаницы. **Архим. Арсенія**, ст. 396—400.

Святитель Ермогенъ, Патріархъ Всероссійскій. **В. Шингарева**, стр. 549—556.

Къ предстоящему паломничеству въ Бѣлгородъ. **Архим. Арсенія**, стр. 556—560.

Планы для миссіонерскихъ бесѣдъ. **Мис.-Свящ. В. Сулимы**, стр. 689—699 *).

Рѣчь, Члена Государственной Думы. **Прот. А. Станиславскаго**, стр. 841—842.

Рѣчь, депутата отъ Хар. губ. **Прот. А. Станиславскаго**, стр. 843—849.

Статистическія работы Училищнаго Совѣта. **П. Луппова**, стр. 849—872.

III.

Епархіальная хроника.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Дух. Семинаріи, стр. 129—130.

25-лѣтіе священства прот. **І. Х. Пичеты**, стр. 131—133.

Церковно-приходская женская профессиональная школа, стр. 280.

Открытіе Харьковскаго Епархіальнаго Церковно-Археологическаго Общества и Музея при немъ. **Свящ. Н. Загоровскаго**, стр. 560—573.

Закладка новаго храма въ с. Козельномъ, Лебед. у. **Свящ.**, стр. 699—700.

Протоіерей о. **Василій Петровскій**, стр. 701—707.

Годичный актъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ. **Прот. І. Котова**, стр. 873—879.

IV.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Архипастырское воззваніе, стр. 133—135.

Иезуитская организація, стр. 135—136.

Христіанское содружество, стр. 136—137.

Петербургскіе сатанисты, стр. 281—282.

Разрѣшеніе употреблять церковныя деньги, стр. 282.

Лекціи Архіепископа **Антонія Волынскаго**, стр. 421—422.

Объ учрежденіи въ Минской епархіи должности Епарх. юрисъ-консульта, стр. 422.

*) См. сл. т.

- Уставъ Проповѣдническаго кружка, стр. 423—424.
 Въ Палестинскомъ Обществѣ, стр. 573.
 Всероссійскій праздникъ трезвости, стр. 574.
 Изъ журналовъ Нижегородскаго епархіального съѣзда,
 стр. 879—881.
 Листки для учащихся, стр. 881.

V.

Разныя извѣстія и замѣтки.

- Къ 300-лѣтію Дома Романовыхъ, стр. 138.
 Сила Евангелія, стр. 139.
 Библиографія, стр. 139—142, 717.
 Аѳонъ и его монастыри, стр. 282—285.
 Романовская выставка, стр. 424—425.
 Памяти архіепископа японскаго Николая, стр. 425—427.
 Къ вопросу о безсмертіи человѣка, стр. 427—428.
 У мощей Св. Николая, стр. 574—576.
 Предложеніе архіепископа херсонскаго Назарія, стр.
 707—708.
 Высочанское приходское Братство, стр. 708—709.
 Чтеніе о трезвости въ г. Кіевѣ, стр. 709.
 Святитель Ермогенъ въ новомъ изображеніи, стр. 710.
 Нѣкоторыя изъ чудесъ Святителя Ермогена, стр. 711—712.
 О производствѣ работъ, стр. 712—716.
 Божію благодатію и силой народа, стр. 882—884.
 Въ чемъ счастье, стр. 884—886.

Вѣра и Разумъ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1913.

№ 7.

АПРѢЛЬ—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

ХАРЬКОВЪ.
„Епархіальная Типографія“, Каплуновская ул., д. № 2.
1913.

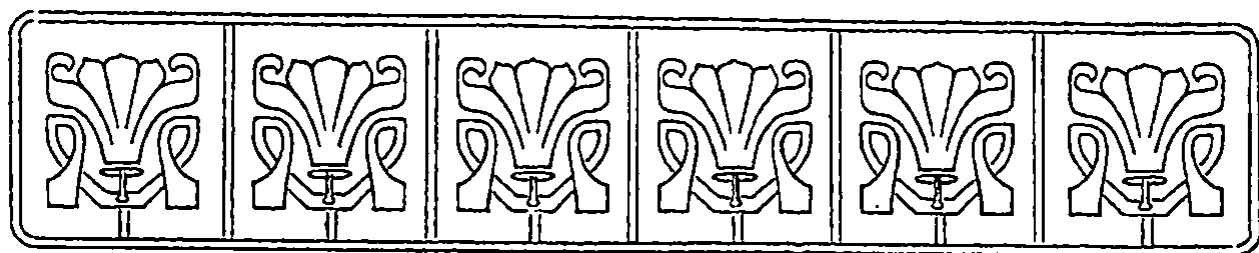
Πίσται υβώμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Харьковъ. Дозволено цензурою, 15 Апрѣля 1913 года.

Цензоръ Протоіерей Петръ Толмачъ.

Отношеніе логическаго анализа истинъ вѣры къ интенсивности религіознаго чувства.

Есть слово, которое объединяетъ и обозначаетъ собою все, къ чему стремятся и чего такъ ищутъ умъ и сердце человѣка, что удовлетворяетъ его жаждѣ знанія и чудесно возвышаетъ все близкое его сердцу, и гдѣ находитъ себѣ столь обильную пищу его любовь къ истинѣ и свѣту, жизни и блаженству. Есть такое слово—единственное, великое, священное слово, которое обозначаетъ собою все, что такъ глубоко и могущественно проникаетъ и объемлетъ каждого человѣка, начиная отъ неопытнаго еще ребенка и оканчивая вполне развившимся мыслителемъ, подвизающимся на поприщѣ высшаго знанія. Это слово—религія. Съ самыхъ древнихъ временъ, съ перваго момента своего существованія человѣчество уже испытывало голодъ духовный,— оно алкало и жаждало чего-то высшаго, животворнаго, искало Того, Кто является началомъ всего—и въ исканіи этомъ выражалось религіозное чувство и потребность человѣчества, выражалась жажда къ ея удовлетворенію. И тѣло чувствуетъ голодъ, и для утоленія этого голода есть пища, которая можетъ удовлетворить его, и которой нельзя лишать его, такъ какъ тѣло живетъ пищею. Все человѣчество тоже испытываетъ голодъ—оно алчетъ и желаетъ себѣ Бога, поэтому должна быть такая пища, которая способна насытить человѣчество и которой нельзя его лишить. Но гдѣ взять ему этой пищи? Оно алчетъ и не можетъ само достать ее, оно страдаетъ въ своемъ безсиліи и голодѣ. Но Богъ милосердъ и сострадателенъ. Видитъ Онъ—Милосердный—страданія

человѣчества и спѣшитъ помочь ему, спѣшитъ дать ему необходимую духовную пищу и по Своему безконечному величію оказываетъ ему безконечно великое состраданіе. Что же это за пища? Это божественная истина, дарованная человѣку Богомъ въ Своемъ откровеніи. И человѣкъ преклоняется предъ величіемъ этой истины, онъ находитъ въ ней удовлетвореніе, въ его сердцѣ становится спокойно, настаетъ полное безмятежіе—человѣкъ вѣритъ въ истину божественную, данную въ откровеніи, и вѣра эта становится живительнымъ началомъ его жизни. Человѣкъ вѣритъ. Но спрашивается: одна ли вѣра должна удовлетворять духовнаго человѣка, она ли одна должна наполнять его душу? Спрашивается—не имѣетъ ли какого отношенія къ религіозной потребности души человѣческой и другая ея потребность—потребность знанія, свойство мысли и разума? И если допустить разумъ и разсудокъ въ соприкосновеніе съ религіозною областью, допустить участіе ихъ въ этой области, то не повредитъ ли оно—это участіе, это соприкосновеніе—самой религіи, не ослабитъ ли въ человѣкѣ первоначальную глубину вѣры, первоначальную силу религіознаго чувства? Такіе вопросы, вопросы о взаимномъ отношеніи разума и откровенія, разсудка и религіознаго чувства человѣческаго издавна слышались въ принявшемъ отъ Господа откровеніе человѣчествѣ и находили себѣ разнообразныя рѣшенія. Уже съ самыхъ первыхъ временъ распространенія въ человѣчествѣ вѣры христіанской всякія научныя изысканія, научныя изслѣдованія о предметахъ вѣры многимъ казались излишними. Вѣдь для испытующаго, для изслѣдователя, думали и думаютъ нѣкоторые мыслители, истина есть искомое; напротивъ для вѣрующаго истина есть данное. И отцы церкви, по ихъ мнѣнію, различіе между христіанскимъ вѣроученіемъ и греческой философіей опредѣляли въ томъ именно смыслѣ, что тогда какъ греческіе философы истину постигали только отчасти, и притомъ не ясно, какъ бы только предугадывали, и познавали ее не въ чистомъ видѣ, а смѣшанною съ заблужденіями, для христіанъ эта самая истина открыта черезъ вѣру во всей полнотѣ—всецѣло. А потому, заключали они, для чего же и нужны безплодныя попытки разума въ области религіи?—онѣ не нужны, а излишни, бессмысленны—разума, который, вторгаясь въ чуждую ему область религіи,

не помогаетъ нашей вѣрѣ, не укрѣпляетъ ее, а только ослабляетъ, понижаетъ, только вредитъ религіозному чувству. Такіе мыслители указывали и указываютъ основанія для своего убѣжденія и, какъ на наглядный примѣръ въ подтвержденіе своей мысли, прежде всего указывали и указываютъ на тѣхъ самонадѣянныхъ философовъ, на тѣхъ неразумныхъ ученыхъ, которые, нахватавши поверхностныхъ знаній, съ неосторожностью примѣняли свои знанія, прилагали свою ученость къ изслѣдованію религіозной области и въ самонадѣянности своей приходили къ сомнѣнію и даже полному невѣрію. Дѣйствительно такіе примѣры не рѣдки были въ исторіи мысли и вѣры.

Многіе, полагаясь исключительно на свои силы, на свои ограниченныя способности и не сознавая своей ограниченности, приходили къ сомнѣнію; многіе и навсегда оставались въ такомъ несчастномъ колебаніи между вѣрою и невѣріемъ. Для того, чтобы сохранить дѣтскую—смиренно—благочестивую вѣру, при свѣтѣ которой и совершать свои ученія изслѣдованія, они слишкомъ горды своими знаніями. Но чтобы дойти до глубокаго, всесторонняго—на философскомъ и историческомъ изученіи основаннаго—религіознаго убѣжденія, въ которомъ душа находитъ твердую и полную утѣшеній опору и при которомъ всегда въ состояніи дать отчетъ въ своей надеждѣ,—для этого у нихъ недостаетъ всѣхъ необходимыхъ къ тому условій—истинной науки, или даже стремленія къ ней, серьезности мысли и самоотверженной любви къ истинѣ. Они забываютъ, что безъ труда и напряженія нельзя понять истины, потому что всѣ люди—грѣшники и осуждены въ потѣ лица пріобрѣтать хлѣбъ, какъ хлѣбъ тѣлесный, такъ и тѣмъ болѣе хлѣбъ духовный. „Что есть истина“? спрашиваютъ они, вторгаясь въ религіозную область, спрашиваютъ съ видомъ человѣка, который все изслѣдовалъ, обо всемъ передумалъ и, какъ римскій судья, отворачиваются прочь, не дождавшись отвѣта. И не понимаютъ такіе люди, и не хотятъ понять, что есть что-то великое въ религіи, что тѣ, которые не даютъ себѣ труда ближе изучить ее, справедливо исключаются ею. Только такое то вотъ невѣжество, такое равнодушіе и лѣность мысли, тупость ума, которая такъ часто любитъ украшаться пышнымъ именемъ философскаго образованія, и можетъ вредитъ

религiи, можетъ поколебать вѣру. Но истинное знанiе, истинное неутомимое разумное изслѣдованiе религiозныхъ истинъ, истинъ богооткровенной религiи—никогда не должно представляться вреднымъ, бессмысленнымъ, гибельнымъ. Юще Бэконъ Верулемскiй—этотъ великiй философъ и мыслитель своего времени—справедливо сказалъ, что наука есть сила, что полужнанiе отвращаетъ отъ Бога, а истинное и въ собственномъ смыслѣ научное изслѣдованiе опять приводитъ къ Нему. Нужно внимать словамъ великаго мыслителя и помнить ихъ, нужно знать, что разумъ и вѣра *не должны идти параллельно другъ другу*, не соединяясь между собою, тѣмъ болѣе не должны расходиться въ разныя стороны, такъ какъ, развиваясь односторонне, они представляютъ двѣ крупныхъ формы человѣческаго заблужденiя и болѣзненныхъ состоянiй духа—скептицизмъ и фанатизмъ, которые всегда являются, какъ въ исторiи всего человѣчества, такъ и въ каждомъ человѣкѣ, когда нормальная жизнь духа задерживается различными неблагоприятными влiянiями и естественный побѣгъ выражается въ дикiй наростъ.

Съ другой стороны—не можетъ и разумъ подчиняться откровению, равнымъ образомъ—и откровение оставаться въ подчиненiи разуму. Но какъ разумъ, такъ и откровение, какъ вѣра, такъ и разсудокъ—должны находиться въ тѣсномъ единенiи между собою, образуя никогда неизмѣнный, совмѣстный органъ человѣческаго знанiя истины. Знанiе и вѣра, вѣра въ религiозныя истины и ихъ разумное изслѣдованiе—одинаково составляютъ потребность человѣческаго духа и, гармонически соединяясь и дѣйствуя другъ на друга, образуютъ и завершаютъ природу человѣка, обуславливая въ немъ то равновѣсiе всѣхъ его внутреннихъ силъ и дѣятельностей, на которомъ основывается всякая здоровая жизнь, все истинное и прекрасное въ жизни. Если мы обратимся къ откровению, то найдемъ, что такое отношенiе между разумнымъ изслѣдованiемъ и чувствомъ религiознымъ нисколько не чуждо откровению. Напротивъ, если, съ одной стороны, откровение потребовало прежде всего вѣры,—то, съ другой стороны, оно прежде всего призвало къ участию и разумъ. Христіанство съ перваго дня, какъ обратилось къ человѣчеству, побуждаетъ, увлекаетъ, движетъ духъ къ испытанiю, къ строгому изслѣдованiю права, на которомъ

основывается его значеніе и его требованія въ отношеніи къ человѣческому духу. Самъ Божественный Спаситель, Который первый призвалъ къ вѣрѣ, требовалъ чтобы Его ученіе было испытываемо разумомъ. „Испытайте“—говоритъ Господь. Онъ хочетъ, Онъ требуетъ, Онъ проситъ только одного—испытанія, убѣждающаго мыслящій духъ въ достовѣрности Его откровенія. Точно такъ же и Апостолъ и проповѣдникъ вѣры между язычниками требуетъ не рабскаго какого-нибудь подчиненія, не совершенно слѣпой вѣры, потому что, кто скоро вѣритъ, тотъ легкокъ сердцемъ (Сир. XIX, 4),—но желаетъ разумной преданности нашего духа, разумной вѣры (Рим. XII, 1), которая хорошо сознаетъ основанія, по которымъ вѣруетъ, въ состояніи дать отчетъ о нашемъ упованіи и опровергнуть возраженія противника (Тит. I, 9). Въ возвышенномъ ученіи самого апостола Павла объ искупленіи, оправданіи, о нравственной свободѣ мы видимъ соединеніе съ откровеннымъ ученіемъ богопросвѣщеннаго ума. Въ постоянномъ приглашеніи къ строгому, безпристрастному, внимательному испытанію заключается отличительное свойство христіанства. Говорилъ ли когда-нибудь языческой жрецъ: испытайте. Язычнику римлянину, точно такъ же, какъ и магометанину, неизвѣстно это слово. Жрецъ языческой разсѣкаетъ всякое противорѣчіе остриемъ меча; онъ взываетъ: вѣруйте, не думайте! Другое дѣло—Христова Церковь.

Она обращается къ мыслящимъ людямъ, указываетъ имъ на признаки, нравственно убѣждающіе въ божественности откровенія, свидѣтельствующіе о его достовѣрности, такъ что вѣра въ него есть, въ полномъ смыслѣ—разумная вѣра, т. е. оправдывается основаніемъ разума. Поэтому то, несмотря на то, что въ мірѣ христіанскомъ истина открыта и сообщена людямъ Самимъ Богомъ и распространена была въ человѣчествѣ мужами, въ которыхъ дѣйствовалъ Духъ Божій, такъ что для принятія открытой истины требовалась только вѣра, не смотря на это, трудъ логическаго изслѣдованія никогда вполне не прекращался, да и по существу дѣла никогда не можетъ упраздниться. Между вѣрою, какъ принятіемъ готовой, открытой истины, и изслѣдованіемъ, имѣющимъ цѣлью познаніе той же истины, хотя и есть различіе, но различіе это не абсолютное, а только относитель-

ное. Это видно изъ того, что, по словамъ апостола Павла, и для вѣрующихъ христіанъ истина все же не вполне открыта, такъ какъ нынѣ она не познается лицомъ къ лицу—въ актѣ непосредственнаго созерцанія, а только не прямо, какъ бы отраженною въ зеркалѣ. Такое познаніе святой апостолъ Павелъ называетъ гадательнымъ, т. е. предуготовительнымъ, а не окончательнымъ и вполне совершеннымъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, если бы дано было совершенное и полное познаніе истины, то и самая вѣра была бы излишнею. Но вѣра—главное начало религіозной жизни. Она необходима и всегда соединяется съ надеждою. А надежда есть ожиданіе восполненія и завершенія того, чѣмъ мы обладаемъ не вполне и несовершенно. Такое восполненіе, такое сравнительное достиженіе и раскрытіе истины можетъ дать только разумъ въ союзѣ съ вѣрою. Судьба христіанства во времена послѣапостольскія свидѣтельствуется объ этомъ. Во времена отеческія, тогда, когда особенно развивалась вѣра, когда чувство религіозное—чистое, глубокое, возвышенное—заставляло христіанъ терпѣть мученія, страданія и даже самую смерть, мы видимъ вѣру и разумъ соединенными между собою, видимъ, что разумъ изслѣдованіями своими нисколько не ослаблялъ, а—напротивъ—укрѣплялъ вѣру, находимъ, что тамъ, гдѣ особенно напрягался разумъ, тамъ возвышалась и вѣра. Лучшее всего свидѣтельствуется о соединеніи вѣры съ разумомъ та печальная въ исторіи церкви сторона, которая называется исторіею ересей. Ереси первыхъ вѣковъ христіанства, особенно IV и V, представляютъ чрезвычайное напряженіе ума человѣческаго. Сами по себѣ онѣ представляютъ усиліе анализировать ученіе вѣры. Но это усиліе оказывалось несостоятельнымъ и не выдерживало до конца,—а напряженіе разума отъ натуги, такъ сказать, падало. Для усиленной, напряженной дѣятельности, дѣятельности, которая была бы доведена до конца и принесла желаемые результаты, у разума было мало силъ, у него не было и свѣдѣній, которыми онъ могъ бы вооружиться для анализа. Если познакомиться съ еретическими ученіями, съ ученіемъ аріанъ напр., несторіанъ, монофизитовъ, моноелитовъ и другихъ еретиковъ, то нельзя не видѣть, съ одной стороны—чрезвычайнаго напряженія ума, съ которымъ онъ хочетъ завоевать область вѣры, область, раскрытую Богомъ въ Своемъ откровеніи; съ другой

стороны—нельзя не видѣть и слабости разума. Аріій представляет наглядный примѣръ этого. Стремленіе его, поставленная имъ задача для себя—изслѣдовать одинъ изъ высочайшихъ догматовъ христіанства: о божествѣ Господа Іисуса Христа—обнаруживаетъ его нелогичность и скудный запасъ свѣдѣній. Его толкованія истинъ свящ. Писанія неосновательныя, легкомысленныя, иногда прямо ребяческія. Положительныхъ свѣдѣній, какими онъ могъ бы вооружиться, у него не было почти никакихъ. Словомъ,—его стремленія обнаружили —напряженіе, не соответствующее силамъ и крѣпости ума. Зато, если мы, убѣдившись въ тѣхъ губельныхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ приводятъ попытки и усилія разума, не сообразующагося съ своими силами и состояніемъ, но самонадѣяннаго разума, оставимъ ереси и обратимся къ другой сторонѣ, той, которая дѣйствовала противъ ересей, мы увидимъ тутъ единеніе вѣры и разума, видимъ при этомъ единеніи развитіе религіознаго чувства и знанія въ самой возвышенной степени, до которой только могутъ доходить вѣра и разумъ. Высшіе умы—Аѳанасій Александрійскій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ и другіе—не столько старались опровергать ереси ученіемъ положительнымъ, сколько изъ разума. Они дѣлали истинны религіозныя предметомъ научнаго изслѣдованія, подвергали ихъ анализу и суду разума, убѣждая и опровергая противниковъ, содѣйствуя своей собственной и безъ того твердой вѣрѣ. Во всей дѣятельности этихъ великихъ мужей, во всѣхъ трудахъ ихъ—высказался полный запасъ современныхъ имъ философскихъ свѣдѣній и сила уметвеннаго напряженія, до которой только можетъ достигать разумъ. Читая сочиненія Аѳанасія Великаго, Григорія Богослова, читая творенія Іоанна Златоуста, Василія Великаго, невольно удивляешься напряженности разума, напряженности, до которой можетъ только дойти разумъ. Здѣсь—въ этихъ твореніяхъ и трудахъ—открывается единеніе вѣры и разума, и открывается въ то время, когда и вѣра должна защищать свои высочайшіе догматы, и разумъ, во что бы то ни стало, долженъ достигнуть постиженія и уразумѣнія вѣры и откровенія. Тутъ то и убѣждаемся мы, какъ благотворно и живительно бываетъ въ религіозной области единеніе вѣры и разума, убѣждаемся, какъ неправильно судятъ тѣ, которымъ трудъ

религіознаго изслѣдованія, трудъ логическаго анализа религіозныхъ истинъ самъ по себѣ, въ чемъ бы ни состоялъ и какъ бы ни былъ направленъ, изъ какихъ бы побужденій ни исходилъ, представляется опаснымъ для вѣры. Мы не язычники, говорятъ иные, чтобы трудиться надъ изысканіемъ истины, какъ будто истина намъ не дана, не открыта. Изслѣдованіе потому именно представляется сомнительнымъ и опаснымъ для вѣры само по себѣ, что въ немъ необходимымъ дѣятелемъ является разумъ; значить, думаютъ такъ, если самое изслѣдованіе не есть раціонализмъ, то легко можетъ приводить къ раціонализму, который колеблеть и подавляетъ вѣру, который не признаетъ ничего таинственнаго въ области религіи, подлежащаго непосредственной вѣрѣ.— Можетъ, конечно, но можетъ также приводить и къ оправданію вѣры, къ возвышенію ея и укрѣпленію. Конечно, правда то, что, кто довѣряется исключительно своему разуму, не сообразуясь съ его силами, можетъ впасть въ заблужденіе. Такъ неужели же лучше совсѣмъ лишиться разума и быть неразумными, чѣмъ обладать дѣятельнымъ и испытующимъ разумомъ? Кто спитъ, тотъ не грѣшитъ; стало быть—лучше ничего не дѣлать и предаться сну? Вообще жизнь человѣческая подвержена многимъ и постоянно угрожающимъ ей опасностямъ. Но можетъ ли у нормальнаго человѣка мнительность дойти до того, чтобы ради избѣжанія опасностей, онъ захотѣлъ лучше совсѣмъ не жить, чѣмъ жить съ болѣзью, и борьбѣ за существованіе предпочесть бы прекращеніе своего существованія? Конечно, нѣтъ. Такъ точно бываетъ и съ разумомъ. Разумное изслѣдованіе только тогда можетъ повредить вѣрѣ, когда разумъ, предоставленный самому себѣ, своимъ собственнымъ силамъ, идетъ по ложному пути; но тогда, когда изслѣдованіе это производится разумомъ при свѣтѣ возвышеннаго чувства, при содѣйствіи вѣры глубокой, тогда, когда разумъ идетъ, не уклоняясь съ пути истины,—тогда оно не вредно и не губительно въ дѣлѣ религіи, а благотворно и благополезно. Мало того—оно необходимо въ дѣлѣ самой вѣры. „Человѣкъ, говоритъ Тома Аквинатъ, не вѣровалъ бы, если бы не видѣлъ явно и очевидно, что онъ долженъ вѣровать ради очевидности признаковъ“. И слова великаго учителя вполне справедливы. Вѣдь недостаточно одного принятія христіанскаго

вѣроученія, недостаточно вѣры въ то, что это ученіе истинно; необходимо и усвоеніе этого ученія, и притомъ усвоеніе по возможности всѣми силами духа. Разумное изслѣдованіе необходимо, какъ путь къ усвоенію истинъ вѣры, какъ средство, укрѣпляющее и просвѣтляющее вѣру истинную. Обыкновенно на долю разума при усвоеніи истинъ вѣры отводится одна только формальная сторона, а самое содержаніе должно оставаться при этомъ для разума неприкосновеннымъ. Но если теоретически и допустимо такое раздѣленіе формы и содержанія вѣроученія, то на практикѣ раздѣленіе это не осуществимо—цѣльность и единство духа, взаимная связь и гармонія всѣхъ душевныхъ свойствъ человѣка—есть важнѣйшая, отличительная черта христіанскаго вѣроученія. Даже самое простое, буквальное пониманіе истинъ вѣры требуетъ нѣкотораго умственного усилія. Возможно при этомъ сомнѣніе, правильно ли понято то или иное положеніе, сомнѣніе побуждаетъ нашу умъ къ размысленію, и для устраненія подобнаго рода сомнѣній необходимо различное видоизмѣненіе, дополненіе и распространеніе словесной формы той или иной христіанской истины. А все это есть уже нѣкотораго рода изслѣдованіе, нѣкотораго рода анализъ. Подобныя изслѣдованія, состоящія въ уподобленіяхъ, переложеніяхъ, распространеніяхъ и дополненіяхъ, мы въ изобиліи находимъ и у представителей церкви христіанской—въ твореніяхъ и трудахъ отцовъ и учителей ея, которые такимъ образомъ, какъ мы уже и видѣли, вовсе не чуждались духа изслѣдованія; напротивъ—съ величайшимъ усердіемъ предавались этому достохвальному дѣлу. Поэтому неправильно поступаютъ тѣ, которые, основываясь на принятомъ дѣленіи способностей души человѣка на различныя области и забывая при этомъ, что такое раздѣленіе имѣетъ чисто теоретическое значеніе, именно—дѣлается для удобства аналитическаго разсмотрѣнія душевныхъ явленій, совершенно ложно пытаются и вѣру религіозную основать главнымъ образомъ на одномъ изъ свойствъ душевной жизни, между тѣмъ, какъ въ тоже время твердятъ, что религіозная жизнь обнимаетъ всѣ силы души, проникаетъ собою и преобразуетъ всего человѣка. Разумно ли послѣ этого признавать главнымъ и основнымъ органомъ религіозности сердце, направляемое волею, а къ уму и вообще разуму относиться съ пренебреженіемъ?

Правда, что умъ рождаетъ иногда сомнѣніе, но вѣдь сомнѣніе то и ведетъ человѣка къ размышленію, заставляеть его подумать надъ тѣмъ, что возбудило въ немъ это сомнѣніе,—размышленію, которое приводитъ его къ истинѣ,—главному основанію вѣры. А если такъ, то отметить умъ, какъ вещь негодную, для того только, чтобы устранить возможность сомнѣнія,—это средство не можетъ казаться благоразумнымъ. Не умъ нужно отметить, не отъ него отрекаться, а отметить сомнѣніе, бороться противъ него и въ этой борьбѣ находить все большее и большее укрѣпленіе своей вѣры. Но борьба съ сомнѣніемъ возможна только путемъ размышленія, путемъ логическаго анализа тѣхъ положеній,—относительно которыхъ возникло въ умѣ человѣческомъ сомнѣніе. Усумнитесь, напр., человѣкъ, въ божественности откровенія христіанскаго—одной изъ главныхъ истинъ христіанской религіи и, если человѣкъ этотъ не лишенъ строгой воли, не лишенъ нравственнаго стремленія, высокаго чувства истины, то вѣра его не поколеблется. Онъ не остановится долго въ своемъ колебаніи, въ своемъ сомнѣніи, не будетъ онъ подобенъ и тому человѣку, который, осиливъ природную лѣнь, вдается въ изслѣдованіе отличительныхъ признаковъ христіанства и найдетъ тутъ тысячу средствъ и путей обойти ихъ доказательную силу, приискать противъ каждаго довода противоположный доводъ,—человѣку, котораго высшій интересъ не въ томъ, чтобы истина была доказана, а въ томъ, чтобы ему она не была доказана, такъ какъ для него она горька и тягостна,—котораго духъ, подобно продажному судьѣ, будетъ всячески отыскивать противные доводы, поднимать возраженія, заниматься ими по преимуществу, а настоящихъ доказательствъ или совсѣмъ не оцѣнить, или познакомится съ ними только поверхностно и съ предубѣжденіемъ. Нѣтъ! Человѣкъ высоко нравственный, жаждущій истины, одной только истины, найдетъ выходъ изъ своего сомнѣнія и придетъ не къ отрицанію, а утверженію, придетъ не къ невѣрію, а твердой, обоснованной вѣры, къ которой приведетъ его разумное размышленіе и изслѣдованіе,—придетъ онъ къ вѣрѣ разумной, на необходимость которой указывалъ еще Сварезій, говоря: „Для того, чтобы какой-нибудь предметъ вѣры представлялся достойнымъ вѣры, для этого вовсе не достаточно простой вѣроятности,—но для этого онъ долженъ

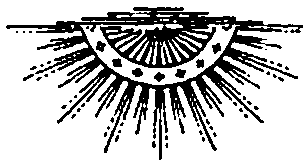
быть до очевидности вѣроятнымъ, какъ изреченный Богомъ, а потому не ложный, ибо сужденіе, побуждающее волю къ вѣрѣ, должно быть вѣрно и очевидно, должно быть основано на очевидности вѣроятія, а такую очевидность можетъ дать только разумное изслѣдованіе¹⁾. Нѣтъ нужды, что божественное откровеніе есть явленіе сверхъестественное. И не будучи естественнымъ, откровеніе встаки можетъ сдѣлаться очевидно достовѣрнымъ посредствомъ чудесъ и другихъ вышнихъ средствъ, которыя признаетъ и естественный разумъ. И дѣйствительно—„христіанское откровеніе, говоритъ Тома Аквинатъ,—засвидѣтельствовано такъ основательно, такъ многократно и неопровержимо, что, взвѣсивши всѣ мотивы, доказывающіе его божественное происхожденіе, всякій долженъ убѣдиться въ его божественности“. Конечно, нельзя отрицать того, что слабый разумъ можетъ ошибаться, можетъ производить свои логическія изслѣдованія путемъ неправильнымъ—и этою неправильностью и ошибкою вредитъ религіи. Подобное можетъ случиться. Можетъ случиться и то, что, какъ умъ то познаетъ истину, то впадаетъ въ заблужденіе, подобно тому и сердце и воля либо прилѣпляются къ добру, либо увлечены бываютъ чѣмъ-либо худымъ. Но вѣдь неправильное не исключаетъ правильнаго, ошибочное изслѣдованіе не исключаетъ изслѣдованія истиннаго. Истинное же изслѣдованіе никогда не можетъ повредить религіи, ибо путь правильный, путь прямой, если только изберегъ его разумъ, можетъ привести только къ истинѣ. А такой результатъ не ослабитъ религіозное чувство,—а наоборотъ—укрѣпитъ и возвыситъ его. Ибо человѣкъ, сознавая, конечно, непостижимость самой сущности богооткровенныхъ тайнъ и истинъ религіи и въ то же время нашедши основаніе ихъ несомнѣнной истинности посредствомъ разума, не только не уклонится отъ вѣры, а еще болѣе прилѣпится къ ней;—онъ весь проникнется чувствомъ религіознымъ,—религія—стремленіе къ Единому Богу, къ Тому; Кто является виновникомъ всего, Кто основалъ вселенную, Кто далъ жизнь и бытіе человѣку, вдунулъ въ него безсмертную душу—образъ и подобіе Свое, стремленіе къ безконечному всесовершенному Идеалу, и жажда удовлетворенія этого стремленія—объем-

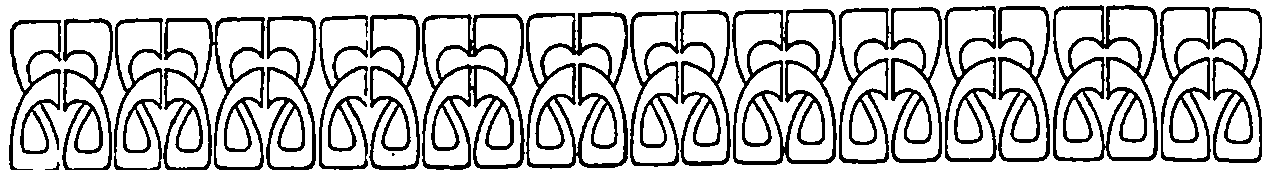
¹⁾ „De fide“, disput IV, 2.

летъ всего человѣка, проникнуть всю его душу, охватить и побудить къ дѣятельности всѣ силы его богоподобнаго духа. Если отцы Церкви и придавали главное значеніе въ дѣлѣ вѣры и нравственности сердцу, то потому только, что, смотря на сердце, какъ на средоточіе, центръ душевной жизни, полагали въ немъ объединеніе всѣхъ силъ души, слѣдовательно—не исключали и умъ, а требовали только согласія, единенія его съ другими душевными силами. Такого единенія, такого согласія, разумъ несомнѣнно можетъ достигать, если только сохранить истинное направленіе и не увлечется идеями своей самостоятельности. Нужно только не полагаться человеку на свои собственные силы, а надѣяться на Того, Который далъ людямъ Свое Божественное Слово, нужно предаться разумному мудрому изслѣдованію, когда обметъ сомнѣніе и колебаніе, и взывать, умолять Господа: „Господи! Я вѣрую; помоги моему невѣрію“.—Таковъ долженъ быть голосъ всего человѣчества. Признаніе достовѣрности, готовность къ разумной вѣрѣ,—вотъ что можетъ, вотъ что долженъ сдѣлать человѣкъ, чтобы еще болѣе укрѣпить вѣру—это сокровище, которое онъ носитъ въ своей груди, чтобы къ вѣрѣ присоединить и знаніе, хотя и неясное, но имѣющее проблески святой истины, человѣческое знаніе истинъ вѣры. Самъ апостолъ языковъ говоритъ намъ, что вѣра человѣческая должна перейти въ состояніе вѣдѣнія—въ это состояніе перейдетъ она въ будущей жизни. Но нельзя, разумѣется, думать, чтобы нынѣшняя жизнь не имѣла никакого значенія и отношенія къ будущей—она есть приготовленіе къ этому состоянію. Человѣчество, восходя здѣсь отъ одной степени совершенства къ другой, возвышая постепенно, укрѣпляя путемъ истиннаго разумаго изслѣдованія, просвѣтляя свою вѣру, дойдетъ, наконецъ, до той степени, съ которой можетъ перейти въ состояніе видѣнія. Эту степень можно назвать степенью разума богопросвѣщеннаго, степенью, которая составляетъ нашъ будущій идеаль. Тогда то совершенно просвѣтится наша вѣра, тогда мы будемъ вѣдать то, во что теперь только вѣруемъ, достигнемъ возможности созерцанія вѣчной истины, которую нынѣ видимъ лишь зеркаломъ въ гаданіи, тогда то наша вѣра дойдетъ до совершеннаго вѣдѣнія, которое должно будетъ переступить черту видимаго міра, и которому ни предѣловъ, ни конца уже не будетъ.

Если же настоящая жизнь имѣетъ отношеніе къ жизни будущей, что, конечно, нельзя отрицать, если приготовленіе къ будущему блаженному, богопросвѣщенному, свѣтлому состоянію нашей вѣры мы можемъ получить еще въ семъ мірѣ, то, конечно, нельзя согласиться съ тѣми мыслителями, которые, отвергая всякое значеніе участія разума въ дѣлѣ религіи, участія, выражающагося въ логическомъ изслѣдованіи и обоснованіи религіозныхъ истинъ, говорятъ, что такое участіе не благополезно и благотворно, а вредно и губительно для нашей вѣры, что оно понижаетъ силу религіознаго чувства и такимъ образомъ вредитъ религіи.

Иванъ Степановъ.

О РЕЛИГИОЗНОМЪ ОПЫТѢ

(Съ гносеологической точки зрѣнія).

(Окончаніе *).

Богъ есть существо безконечное и совершенное, можно ли поэтому провѣрять ограниченнымъ разумомъ Существо высочайшее, можно ли оцѣнивать низшимъ высшее?! Это все равно, какъ, еслибъ человекъ, обладающій элементарнымъ знаніемъ математики, сталъ претендовать на критику извилистыхъ и сложныхъ дифференціальныхъ исчисленій; или же, съ другой стороны, еслибы кто захотѣлъ цѣнность и истинность научныхъ открытій измѣрить количествомъ сѣдѣннаго ученымъ изобрѣтателемъ хлѣба, кофе и т. д., строеніемъ его черепа, состояньемъ печени и т. п. Съ точки зрѣнія позитивной науки, въ данномъ случаѣ психофизиологіи и психіатріи, мистическія состоянія—это состоянія патологическія; мистическія видѣнія—это идеи, достигающія живости образовъ, (аналогія съ галлюцинаціями); мистическій экстазъ—это состояніе сосредоточеннаго вниманія, иногда доходящее до полнаго моноидеизма¹⁾. Но развѣ такія или подобныя состоянія бываютъ только при религиозныхъ переживаніяхъ? Развѣ „нормальны“ научные или художественные экстазы²⁾. Почему же эти послѣдніе допустимы, непредосудительны, а разъ дѣло касается религиозной области, то тутъ сейчасъ же появляется на сцену и безнадежное маханіе руками и многозначительное перешептываніе насчетъ психіатрическихъ лечебницъ или домовъ умалишенныхъ. Конечно,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 6 за 1913 г.

¹⁾ Или иначе это—*инертрофія* вниманія.

²⁾ Да и самый фактъ вниманія, по Рибо, есть ненормальность. (Психол. вним. стр. 15).

бываютъ несомнѣнныя помѣшательства на религіозной почвѣ, но вѣдь и отъ занятій науками и искусствами иногда съ ума сходятъ.

Не всякая патологія и не всякій неврозъ приносятъ вредъ человѣку; меланхолія, естественная или религіозная, можетъ разрушить личность человѣка, а можетъ и спасти его, и въ буквальный и переносномъ смыслѣ; пессимистически относясь къ радостямъ жизни, онъ отдаетъ все свои силы на служеніе высокимъ, идеальнымъ задачамъ чело-вѣчества.

Геніальность какая бы то ни была, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, очень близко граничитъ съ помѣшательствомъ. „Геніальность,—говоритъ д-ръ Ломброзо,—это симптомъ наследственной дегенераци“. Но можно ли на этомъ основаніи оспаривать цѣнность самыхъ произведеній генія? Здѣсь почти непримѣнны экзистенціальныя сужденія, но сужденія по цѣнности.

Стоя на этой точкѣ зрѣнія, извѣстный психологъ Джемсъ выдвигаетъ слѣдующіе критеріи: непосредственная увѣренность, философская разумность и нравственная плодотворность¹⁾. Первый самъ собою разумѣется. Второй условенъ и опять таки мало приложимъ, по сказанному выше²⁾ Лучше замѣнить его *религіозно-философскою* разумностью; я назвалъ бы его, если только допустимо такое словосочетаніе, имманентнымъ критеріемъ: онъ входитъ основною частью въ свято-отеческую религіозную методологію. Въ этой послѣдней важнѣйшее мѣсто занимаетъ третій родъ критерія, указаннаго Джемсомъ: нравственная плодотворность. Пользоваться этимъ критеріемъ заповѣдалъ намъ Самъ Христосъ Спаситель: „по плодамъ ихъ узнаете ихъ“.

Но тѣ результаты, къ которымъ приходитъ Джемсъ, пользуясь этими критеріями, находятся въ достаточномъ противорѣчьи со взглядами православныхъ мистиковъ и онъ нисколько не коснулся восточныхъ, православныхъ. А западные мистики, хотя и имѣли нерѣдко цѣнныя переживанія, но все же большею частью стояли на ложной дорогѣ, ведущей къ самообольщенію и подлиннымъ галлюцинаціямъ, безъ примѣси чего либо объективно-реального. И

¹⁾ В. Джемсъ, „Многообразіе религіознаго опыта“ стр. 15.

²⁾ См. стр. 21. 22.

хотя они искренно старались различать откровенія и опытъ, которые были дѣйствительно божественнымъ чудомъ, отъ темныхъ поддѣлокъ, ввергавшихъ человѣка въ адъ, но, не имѣя у себя надежной твердой почвы православнаго міропониманія и не пользуясь богатой сокровищницей святоотеческаго аскетическаго опыта, плохо различали истину отъ лжи, нервно-физиологическія явленія или обманчивыя внушенія считали за подлинныя откровенія Божества, находясь въ т. наз. „прелести темной силы“.

Это прельщеніе, положимъ, мы находимъ и въ средѣ православнаго монашества; ему подвергался тѣ, которые подвизались самочино, не считаясь съ завѣтами святыхъ и духовосныхъ отцовъ своихъ. Религіозное познаніе—это наука изъ наукъ, какъ опредѣлили ее святые отцы,—очень тонко и глубоко. И поскольку мистицизмъ есть явленіе не только обще-христіанское, но и общечеловѣческое, то можно здѣсь легко ошибиться, принявъ внѣшнее сходство за внутреннее и, остановившись на первыхъ ступеняхъ, считать свои безблагодатныя состоянія за христіанскія. Такъ напр. смѣшиваютъ индійскую мистику съ христіанской, на основаніи значительнаго сходства въ подготовительномъ или отрицательномъ пути (*via negationis*) мистическаго созерцанія.

Но индійскіе подвижники въ концѣ этого пути достигали „нирваны“, вѣчнаго покоя, въ которомъ, какъ говоритъ одинъ нашъ философъ, „теряли и себя и Бога и вселенную“¹⁾. Христіанскіе же, преимущественно истинные, православные, восходили отъ силы въ силу, пріобрѣтали полноту вѣдѣнія и творческія силы, становясь едино духъ съ Божествомъ, не уничтожая своей личности.

Въ отношеніи неоплатонизма и въ нѣдрахъ самаго христіанскаго мистицизма существуютъ болѣе тонкія различія; они подчасъ прямо таки неумовимы съ внѣшней словесной стороны; ихъ нужно какъ бы учуять. Какъ у знатоковъ винъ или чаевъ, благодаря навыку, образуется удивительно тонкая восприимчивость къ малѣйшему измѣненію во вкусѣ или запахѣ опредѣленнаго сорта товара, такъ и у людей, мистически настроенныхъ и притомъ облагодатствованныхъ,

¹⁾ Кн. С. Н. Трубецкой.

развивается навыкъ къ распознанію мистическихъ суррогатовъ. Пусть и Плотинъ и Тереза въ экстазѣ созерцаютъ Божество въ видѣ свѣта; но развѣ не чувствуется¹⁾, что ихъ свѣтъ не тотъ же, о которомъ говорятъ св. Макарій Великій и Симеонъ Новый Богословъ. Ужъ по тому одному не тотъ же, что исходная философская и психологическая т. зрѣнія Плотина и святыхъ отцовъ не одна и та же. Ученіе Плотина проникнуто интеллектуализмомъ: центръ души Плотинъ видитъ въ теоретической, познавательной способности ея: сторону же чувствованія и воли онъ почти игнорируетъ. Но вѣдь чувства и воля тѣсно связаны съ представленіями и могутъ быть отдѣлены отъ нихъ только въ нашей психологической абстракціи. „Человѣкъ живетъ скорѣе сердцемъ, чѣмъ головою. Оно—источникъ всѣхъ прочныхъ ассоціацій, религіозныхъ, политическихъ, профессиональных“²⁾.

Что же понимать подъ „сердцемъ“? „У всѣхъ народовъ этимъ словомъ обозначается процессъ чувствованій; вѣроятно потому, что всякое чувствованіе дѣйствуетъ на кровообращеніе и даже прямо на сердце черезъ посредство т. наз. блуждающаго нерва и вызываетъ особаго рода ощущение, которое локализируется въ области сердца“³⁾.

Отцы подвижники стояли на вѣрной психологической или даже психо-физиологической точкѣ зрѣнія, имѣющей основу себѣ и въ Евангеліи: „изъ сердца исходятъ помышленія злая и благая“ (Мѡ. 15, 19). „Сердце есть корень. Но если корень святъ, то и вѣтви святы т. е. если сердце доводится до чистоты, то ясно, что очищаются всѣ чувства“⁴⁾. Но сердце, дополнимъ, не есть только нѣчто физиологическое, без-умное, низшее, чѣмъ умъ.

Дѣятельность ума можно понимать, какъ состоящую въ мысляхъ и разумѣніяхъ; а можно: и какъ производящую эти послѣднія *Силу*, которая и называется иногда въ Писаніи сердцемъ.

Неоплатоники не знали еще вѣрнаго пути къ Богу; у нихъ не было истинной молитвы, а былъ т. наз. Симеономъ

¹⁾ Или не читается между строкъ.

²⁾ Рибо. цит. соч. стр. 176.

³⁾ Снегиревъ. Психологія стр. 370.

⁴⁾ Св. Исаакъ Сиринъ.

⁵⁾ Ср. твор. св. Григорія Паламы. Доброт. т. 5 стр. 326.

Новымъ Богословомъ, 2-й образъ молитвы умно-головной. Состоитъ онъ въ чисто головной работѣ собиранія помысловъ своихъ, чтобы они не скитались по суетнымъ вещамъ міра сего, а между тѣмъ какъ происходитъ это броженіе въ головѣ, сердце идетъ своимъ чередомъ, его никто не блюдетъ, и на него нападаютъ заботы и страстныя движенія. Тогда умъ себя забываетъ и убѣгаетъ къ предметамъ заботъ и страстей и развѣ когда-то когда опомнится¹⁾. По св. Нилу²⁾, не всякій, дажа уллучившій безстрастіе, уже и молится истинно; ибо таковой можетъ еще занять быть простыми помышленіями (о вещахъ, безъ страстныхъ при томъ движеній) и развлекаться исторіями ихъ и далеко отстать отъ Бога. Но и когда умъ не коснеть въ простыхъ помышленіяхъ о вещахъ, не значить еще, что онъ достигъ уже и мѣста молитвы, ибо онъ можетъ быть занять (философскимъ) умозрѣніемъ о сихъ вещахъ и углубляться въ причинныя ихъ отношенія. Хотя все сіе суть отвлеченности, но какъ онѣ суть умозрѣнія о вещахъ, то печатлѣютъ въ умѣ образы ихъ и далеко отводятъ его отъ Бога. Умъ философствуетъ, но не молится: состояніе ученыхъ“.

Въ подобномъ состояніи находился и Плотинъ; и если онъ и видѣлъ свѣтъ, то этотъ свѣтъ былъ, вѣроятно, вещественный, можетъ быть утонченная матерія, всегда свѣтящаяся, напр. радіоактивныя тѣла. Элекрическія явленія, пусть даже еще нѣчто бѣльшее, интеллигибельное, но... это лишь „первое небо“. Это положеніе трудно обосновать, ибо о свѣтѣ и Плотинъ и св. Макарій и пр. Симеонъ Нов. Бог. говорятъ почти въ однѣхъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Здѣсь еще бѣльшая трудность, чѣмъ въ различеніи до-христіанскаго понятія о Логосѣ и христіанскаго. Вотъ слова Плотина: „Должно вѣрить, что душа тогда видитъ Бога, когда ее внезапно озаряетъ свѣтъ, ибо этотъ свѣтъ отъ Него исходитъ и есть Онъ Самъ“³⁾. У Симеона Нов. Бог. читаемъ: „Богъ есть свѣтъ, и тѣ, которые сподобляются узрѣть Его, всѣ видятъ Его, какъ свѣтъ, и безъ свѣта Ему невозможно явить себя“⁴⁾.

1) Еп. Теофанъ. Письма о духов. жизни стр. 172.

2) Ниль Синайскій—Доброт. т. 5 гл. 52—53.

3) Проф. Поповъ Мистич. оправданіе аскетизма у Макарія Вел. стр. 36.

4) Ibid.

Мнѣ думается, что разница между Платиномъ и пр. Симеономъ та, что первый считаетъ свѣтъ самою сущностью Божества; пр. Симеонъ же говоритъ что „безъ свѣта невозможно Богу *явить* Себя“ т. е. свѣтъ это одно изъ высшихъ откровеній Божества (интеллектуально-зрительный аспектъ для человѣка), но не сущность Его, которая вообще, по святоотеческому ученію, для человѣка непостижима¹⁾. Хотя, съ другой стороны, Платинъ училъ о непознаваемости Божества и опасался даже приписывать Ему атрибуты разума, а называлъ Его сверх-разумнымъ. Въ этомъ онъ сходится съ Діонисіемъ Ареопагитомъ, который говоритъ, что „причина всѣхъ вещей не есть душа или разумъ; у нея нѣтъ ни воображенія, ни мысли, ни разума, ни пониманія“²⁾, „когда мы видимъ Бога,—говоритъ Платинъ, то видимъ его не разумомъ, а чѣмъ то высшимъ, чѣмъ разумъ“. И по Симеону Нов. Бог. Богъ не можетъ быть постигнутъ разумомъ. Но слѣдуетъ ли отсюда *полное* сходство этихъ мистиковъ?

Никакъ! Несмотря на то, что св. о. о. учили о неисчерпаемости Божества нашими терминами, все же у нихъ не было такой безнадежности въ познаніи Его; они не упирались ни въ пустоту (какъ индусы), ни „поглощались“ Божествомъ (какъ Платинъ), ни „разливались“ въ Немъ (Бѣме). Св. отцы *зрѣли* „тамошнія (небесныя) красоты и чудеса“, но только не могли ихъ выразить точно въ нашихъ дебелыхъ образахъ и считали это малополезнымъ, ибо „кто можетъ объяснить сладость мѣда не вкушавшимъ его“³⁾. Черезъ свойства свои: благость, праведность, святость и т. д. Богъ *реально* открывался имъ. Сущность же Его они *и* не дерзали постичь, ибо для этого надо сдѣлаться самимъ Богомъ, какъ явно подсказываетъ намъ гносеологія. Они не самообольщались и не думали, что сущность Божественная это „нирвана“ или „ничто“, а съ другой стороны она не являлась для нихъ въ такихъ грубыхъ формахъ, какъ у Западныхъ мистиковъ, большая часть видѣній которыхъ носитъ отпечатокъ крайней чувственности. Напр. „святая“ Гертруда рассказываетъ, что однажды во время молитвы Сынъ Божій склонился надъ ней подобно самому нѣжному воз-

1) Сравн. выше нашу гносеологію.

2) Джемсъ. Цит. соч. ст. 2. 405.

3) Св. Макарій Вел. гл. 17.

любленному и запечатлѣлъ на ея душѣ сладостный поцѣлуй¹⁾. Другая „святая“ описываетъ поразительную красоту *рукъ* Господа.

М—те Гюйонъ не различала вліянія ея возлюбленнаго патера де-ля-Комба отъ вліянія Бога. У одной сектантки изъ „Братства новой жизни“ мистическая радость локализируется не въ сердцѣ, а въ похоти²⁾. Подобныя мистическія переживанія имѣютъ явно-эротическую (въ низшемъ смыслѣ слова) подкладку. Къ слову, и у нашихъ русскихъ сектантовъ часто встрѣчаются аналогичныя явленія. Поэтому радостно, безъ особыхъ трудовъ подвижническихъ, переходятъ они, водимые слѣпотю своею и гордостью, съ ложа любви скотоподобной на ложе любви болѣе преступной, господствующей въ блудилищѣ духовъ отверженныхъ³⁾. Такое самообольщеніе происходитъ отъ мечтательности, которой были подвержены почти всѣ Западные мистики.

Нѣкоторымъ исключеніемъ изъ нихъ являются св. Тереза, Іоаннъ де-ля-Круа и еще двое-трое, наперечетъ. Тереза учитъ сдерживать свое воображеніе въ должныхъ границахъ. І. де-ля-Круа совѣтуетъ не пристращаться „къ какимъ-то внутреннимъ словамъ и чувственнымъ феноменамъ и думать, что они могутъ быть подлиннѣйшими знаками союза души съ Богомъ; ибо отъ этого люди часто впадаютъ въ великое сумасбродство“⁴⁾. Западные мистики не умѣли молиться; у нихъ способъ молиться совпадаетъ съ тѣмъ несовершеннымъ, который пр. Симеонъ Н. Б. называетъ 1-мъ образомъ молитвы. Состоитъ онъ въ пареніи или летаніи ума въ небесныхъ областяхъ и по связи сердца съ воображеніемъ, въ разблаженіи чувствъ и вытекающаго отсюда самомнѣнія о своемъ совершенствѣ и близости къ небожителямъ. Идя такимъ путемъ „многіе прельстились, видя свѣтъ и сіяніе очами тѣлесными, обонняя благоуханіе обоняніемъ своимъ, слыша гласы ушами своими и т. п. Иные изъ нихъ повреждались въ умѣ и переходили съ мѣста на мѣсто, какъ помѣшанные. Иные, принявъ духа тьмы—являвшася имъ

¹⁾ Джемсъ. Цит. соч. стр. 336.

²⁾ Leuba. Les tendances des chrctiens mystiques. Revue philos. 1902. dec. стр. 462.

³⁾ Еп. Игнатій Бранчан. т. I. Стр. 253.

⁴⁾ Ioli. Psychologie des Saints. Стр. 135.

въ образѣ свѣтлаго ангела, до того утверждались въ прелести, что до конца оставались неисправимыми и не принимали совѣта ни отъ одного брата, иные, по внушенію бѣсовскому, сами себя убивали, низвергались съ стремнины и удавливались“¹⁾.

Видѣнія, конечно, бываютъ и истинныя. Но „такъ какъ требуется большая опытность, чтобы различить ихъ отъ порожденія своего воображенія, то поставлено (св. отцами) вообще закономъ не принимать никакихъ видѣній и не довѣряться имъ“.²⁾ „Если увидишь свѣтъ, пишетъ Григорій Синаитъ, или огонь внѣ себя или внутри, или образъ какой Христа напр. или ангела или иного кого, не принимай того, чтобы не потерпѣть вреда. Держись внутри и совершай дѣло вниманія къ Богу безъ всякихъ образовъ“. Изъ этихъ наставленій Григорія Синаита о явленіяхъ свѣта, а равно изъ вышеприведенныхъ словъ Симеона Нов. Бог. о видѣніи свѣта тѣлесными очами видно, что тотъ свѣтъ, который созерцали Симеонъ Н. Б., Макарій Вел. и другіе, былъ безусловно невещественный. „Есть очи,—говоритъ св. Макарій,—которыя внутренне сихъ очей“. Онъ различаетъ видѣнія отъ созерцаній или озареній; послѣднимъ всегда присуща несомнѣнность, ибо пока видѣніе локализовано въ органахъ зрѣнія и объектъ его представляется чѣмъ то виѣшнимъ, въ реальности его можно сомнѣваться. Можно подозрѣвать, что это видѣніе есть не болѣе, какъ иллюзія или призракъ, произведенный демонами. Когда же все сознание охвачено однимъ безраздѣльно господствующимъ въ немъ представленіемъ или созерцаніемъ свѣта, сомнѣніе въ реальности этого состоянія становится невозможнымъ³⁾.

Есть свѣтъ божественный, а есть и иной, естественный и еще дьявольскій. Вотъ какой критерій для распознаванія даетъ одинъ подвижникъ, преблаженный Павелъ Латрекій: „свѣтъ силы вражеской,—пишетъ онъ: очевидно, дымовать и подобенъ чувственному огню: и когда душа, обуздавшая страсти и очистившаяся отъ нихъ, увидитъ его, съ непріятностью относится къ нему и гнушается имъ; свѣтъ же Духа

¹⁾ Еп. Теофанъ. Письма о духовной жизни. Стр. 146. Слово Симеона. Н. Б.

²⁾ Ibid. 146.

³⁾ Проф. Поповъ. Цит. соч. стр. 31.

благаго благъ и радостотворенъ и чистъ и, приближаясь, освящаетъ свѣтомъ, радостью и тихостью исполняетъ душу и дѣлаетъ ее кроткою и челоуѣколюбивою“ *) 1).

Но помимо ложныхъ видѣній у Западныхъ мистиковъ бывали и абстрактно-экстатическія состоянія. По Іоанну де-Кроссѣ „мистическое познаніе Бога не облекается ни въ одинъ изъ тѣхъ образовъ, ни въ одно изъ тѣхъ чувственныхъ представленій, какими пользуется обычно нашъ разумъ“ 2). Одинъ швейцарецъ свидѣтельствуетъ, что „въ его экстазѣ Богъ не имѣлъ ни формы, ни цвѣта, ни запаха, ни вкуса, иначе говоря, чувство присутствія Его не было никакъ локализовано“ 3).

Еп. Теофанъ полагаетъ, что такое состояніе Западныхъ мистиковъ было не что иное, какъ „совершенное безсмысліе, погруженное въ какую-то пустоту“ 4). Правда, у Западныхъ мистиковъ можно найти даже это слово: „пустота“. Вотъ напр. Рюисброкъ, описывая свое экстатическое состояніе, пишетъ: „душа проста, чиста и свободна отъ всего и въ этой чистой пустотѣ Отецъ показываетъ свое божественное сіяніе“. А вотъ и графъ Сперанскій, православный, но находившійся подъ вліяніемъ Западнаго мистицизма, говоритъ, что форма его созерцанія всегда была *пустотою*, отсутствіемъ всякаго образца и всякой мысли 5). Еп. Теофанъ, критикуя Сперанскаго, говоритъ, что такое совершенное безсмысліе чуждо св. отцамъ; они-де, говоря, что надобно прогонять всякую мысль, всегда прибавляютъ: постороннюю (мысль) 6).

Но такъ ли это? По общему смыслу ученія св. Марка подвижника для осуществленія истиннаго созерцанія челоуѣкъ долженъ отрѣшиться не только отъ всякаго содержанія мышленія, но и отъ самаго *процесса* мышленія 7). „Сердце чистое,—говоритъ онъ—есть то, которое предоставило Богу память совершенно безвидную (чистую отъ впечатлѣній) и

*) Здѣсь совмѣщаются и имманентный критерій и критерій цѣнности.

1) Добротолюбіе т. 5. Инокъ Каллиста и Игнатія стр. 413.

2) Джемсъ цит. соч. стр. 396.

3) Ibid.

4) Leuba. цит. соч. стр. 479.

5) Еп. Теофанъ. Письма о духовной жизни стр. 225.

6) Ibid. стр. 228.

7) Заринъ. „Аскетизмъ“ т. II, стр. 437.

не имѣющую образовъ и готово принять одни напечатлѣнія Божіи, отъ которыхъ оно обыкновенно дѣлается свѣтлымъ“¹⁾. Еп. Теофанъ говоритъ самъ далѣе: „въ это время (время „умной“ молитвы или созерцаія) останавливаются обычныя *душевныя* движенія, но не дѣйствія духовныя. Тутъ духъ въ силѣ, а онъ и самъ по себѣ не пусть и предстоить Богу, Который есть все. Углубившись въ предстояніи Богу, умъ Бога созерцаетъ, Ему поклоняется и Его Божія свойства и дѣйствія исповѣдуетъ“²⁾. Но вѣдь свойства Божіи открываются созерцателямъ совсѣмъ инымъ образомъ, чѣмъ обыкновенно; разъ душевныя движенія прекращаются, то и умъ отрѣшается отъ свойственныхъ ему обычно категорій. „Принимаются *напечатлѣнія Божіи*“... „Чистый умъ, по св. Максиму Исповѣднику,—это тотъ, который, избывъ отъ невѣдѣнія, осіявается божественнымъ свѣтомъ“³⁾. „Если кто хочетъ видѣть умъ въ настоящемъ его состояніи,—пишетъ св. Ниль, пусть упразднитъ его отъ всѣхъ помышленій, тогда увидитъ его подобнымъ сапфиру или небесному цвѣту“⁴⁾. Если съ этой точки зрѣнія посмотрѣть на видѣнія Терезы, которая, находясь въ экстазѣ (на самой высшей, 7-й ступени) созерцала Божество въ видѣ чрезвычайно чистаго и прозрачнаго алмаза, много бѣльшаго видимаго міра, то можно предположить, что она видѣла *только* свой чистый умъ. И это показываетъ, что она находилась не въ такомъ опасномъ состояніи—„прелести духовной“, какъ это думаетъ еп. Теофанъ. Да и на прочихъ западныхъ мистиковъ нельзя такъ безнадежно смотрѣть, какъ на безусловно находящихся въ „прелести“. „Ибо кто изъ человѣковъ знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ“. (1 кор. 2, 11). „И если Богъ далъ имъ такой же даръ, какъ и намъ, увѣровавшимъ въ Господа Иисуса Христа, то кто же я, чтобы могъ воспрепятствовать Богу“ (Дѣянія ап. 11, 17). Правда, у нихъ нѣтъ той полноты истины и явленій духа и силы, какъ у православныхъ подвижниковъ. Ибо: не „крестились“ еще! Но и то цѣнно, что имѣютъ они. Многіе изъ нихъ въ озареніи разгадывали смыслъ жизни, перемѣняли

¹⁾ Добротол. т. I, стр. 78.

²⁾ Письма о духов. жизни стр. 251.

³⁾ Доброт. т. V Инокъ Каллиста и Игнатія ст. 415.

⁴⁾ Ibid. Григорія Паламы стр. 301.

свои убѣжденія, отставали отъ грѣховныхъ привычекъ, проникались любовью ко всему человѣчеству, постигали интуитивно то, что для будничнаго сознанія сокрыто. Вотъ напр. какъ одинъ „обращенный“ Джонатанъ Эдуардсъ описываетъ свои переживанія по озареніи: „...мое чувство божественныхъ реальностей стало понемногу возрастать, дѣлалось все живѣе и живѣе, все болѣе проникалось внутренней сладостью. Все измѣнило свой видъ; на каждой вещи засіялъ тихій и благостный отсвѣтъ Божіей славы. Совершенство Бога, Его мудрость, Его чистота, Его любовь, казались разлитыми во все“¹⁾. Или вотъ еще свидѣтельство одной женщины: „я какъ бы вошла въ иной міръ, въ новое бытіе. Все предметы вокругъ меня сверкали новизной, мой духовный взоръ такъ прояснился, что я видѣла красоту въ каждомъ матеріальномъ предметѣ вселенной, лѣса издавали шумъ, подобный небесной музыкѣ; душа моя торжествовала отъ полноты любви къ Господу, и я хотѣла въ каждаго человѣка вселить свою радость“²⁾.

Индуисты, неоплатоники, суфисты, христіанскіе мистики—все они искренно желали возвратиться въ домъ Отчій, и какъ бы несовершенны были ихъ попытки, все же онѣ цѣнились, чѣмъ упорное желаніе ползати на „четверенькахъ“, по рецептамъ Геккеля, Маха, Авенариуса и К³⁾.

Однако, чтобы на религіозномъ пути не застрять на пол-дорогѣ, на воображеніи или умно-головномъ дѣланіи, или не провалиться въ „старое небо“, перейдя легко отъ экзальтированнаго мистицизма къ крайнему сатанизму (см. прим. у Пшибышевскаго и Гюисманса), нужно узнать истинный и совершенный способъ богообщенія. Это и есть такъ наз. по Симеону Нов. Бог. 3-ій образъ вниманія и молитвы, который состоитъ въ томъ, что умъ пребываетъ неизходно внутри сердца и оттуда т. е. изъ глубины сердца возсылаетъ молитвы къ Богу. Когда вкусить онъ потомъ изъ среды сердца, яко благовъ Господь и усладится тѣмъ, тогда не станетъ уже болѣе исходить изъ мѣста сердечнаго, а, наслаждаясь сладостью, взывать будетъ вмѣстѣ съ ап. Павломъ: „кто ны разлучитъ отъ любви Божіей“ (Рим. 8, 35)³⁾. Но чтобы войти въ это Святое Святыхъ, нужно пройти первыя ступ-

¹⁾ Джемсъ. Цит. соч. стр. 236.

²⁾ Ibid. стр. 237.

³⁾ Еп. Теофанъ. Цит. соч. стр. 176.

пени, именно сначала подвизаться въ укрощеніи и умаленіи страстей, потомъ упражняться въ молитвѣ устной, далѣе молиться умно и наконецъ уже получить возможность восходить въ видѣнія. „Молитвѣ надо учиться, надо приобрѣтать навыкъ къ молитвеннымъ оборотамъ мыслей и движеніямъ чувствъ, по чужимъ молитвамъ, какъ учатся иностраннымъ языкамъ по печатнымъ разговорамъ. По мѣрѣ того, какъ станешь навывать молиться, какъ слѣдуетъ, по чужимъ молитвамъ, начнутся возбуждаться и свои молитвенныя къ Богу обращенія и воззванія“¹⁾. Самая дѣйственная молитва это Иисусова или умная, переходящая черезъ нѣкоторое время въ умно-сердечную. Дѣло молитвы сей, — шипеть св. Теофанъ, — просто: стань умомъ въ сердцѣ предъ лицомъ Господа и взывай: Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго“²⁾. Чтобы скорѣе срастворилась она съ сознаниемъ, о.о. подвижники, на основаніи опыта, установили нѣкоторыя правила при ея произнесеніи именно относительно позы и дыханія. Нужно сѣсть на маломъ узкомъ сидѣніи, низвести умъ свой изъ головы въ сердце и, до боли напрягаясь отъ преклопеннаго и согбеннаго положенія шеи и туловища, вывать умносердечно: „Господи І. Х., помилуй мя“³⁾. Ритмъ дыханія долженъ способствовать сосредоточенію вниманія; для этого его нужно замедлять и соразмѣрять съ произнесеніемъ Иисусовой молитвы: вдыханіе вмѣстѣ со словами: „Иисусе Христе“ фиксировать въ сердцѣ; и притомъ въ опредѣленномъ мѣстѣ сердца, именно въ верхней половинѣ его, гдѣ находится сосокъ (лѣвый), а не въ нижней, и никакъ уже не въ желудочной или вазомоторной областяхъ. Разумность этихъ правилъ ясно видна. Болѣзненность подвига необходима для того, чтобы тѣло было порабощено духу, который только при страданіяхъ получаетъ свободу. При напряженномъ состояніи груди укрѣпляется воля (опытъ!) „Умъ низводится въ сердце“ — это, какъ мы и говорили выше, потому, что сердце дастъ импульсы новымъ ассоціациямъ; разъ сердце будетъ тосковать, жаждать Господа, то никакіе другіе образы не будутъ имѣть силы. По показанію науки „дыхательная гимнастика лучшее средство для регулированія умственной ра-

¹⁾ Еп. Теофанъ. Цит. соч. стр. 207.

²⁾ Еп. Теофанъ. Отвѣты на вопросы инока о молитвѣ. стр. 30.

³⁾ Григорій Синаитъ. Въ соч. Паисія Величковскаго стр. 195.

боты и вниманія“¹⁾). Но между тѣмъ, какъ у насъ эти научные выводы остаются, большею частью, безъ приложенія къ жизни, о.о. подвижники на собственномъ опытѣ дознали это и получили богатые плоды.

Понятно намъ,—и нисколько не смѣшно, какъ нѣкоторымъ, вульгарно думающимъ объ аскетизмѣ, и наставленія о.о. о фиксаціи вниманія (мысли) именно „въ сердцѣ, а не на иномъ органѣ нашей природы“, ибо подсердечная область посредствомъ нервныхъ нитей и кровообращенія (т. наз. большой кругъ, захватывающій собою нижнюю часть туловища) тѣсно связана съ половою сферою, поэтому при неправильной локализациі молитвенныхъ переживаній происходятъ половые эксцессы, какъ это наблюдается часто у западныхъ мистиковъ и у нашихъ сектантовъ. Многіе естественную теплоту, происходящую отъ напряженія, считаютъ за благодатную и развиваютъ въ себѣ „сластолюбіе духовное“. Это случается часто отъ того, что все упованіе свое возлагаютъ на приемы, на естество. „Изъ молитвы Иисусовой,—пишетъ еп. Теофанъ,—не знать что сдѣлали. Думаютъ, что какъ только сталъ кто творить сію молитву, то этимъ однимъ уже все сдѣлалъ. Молитва сія стала у нихъ, какъ заговоръ какой: твори ее, приложивъ къ сему и тѣ тѣлесныя положенія, о коихъ иногда говорится, и все получишь. Вотъ и мурлычатъ, а сердце остается пусто, и мысли бродятъ, даже и срамныя движенія приходятъ“²⁾).

И если мы выше старались оразумить аскетическую методологію, то это не значитъ вовсе, что мы благодатныя состоянія, божественныя озаренія сводили на-нѣтъ, разлагая ихъ на психическіе элементы.

Мы говорили только о естественныхъ факторахъ религіознаго опыта. „Сверхъестественное же привходитъ въ умъ путемъ, превышающимъ его естественные способы и силы“³⁾. Желать же посредствомъ изслѣдованія и разспросовъ, безъ собственнаго опыта, дознавать таковыя тайны есть, по св. Исааку Сирину, неразуміе души⁴⁾.

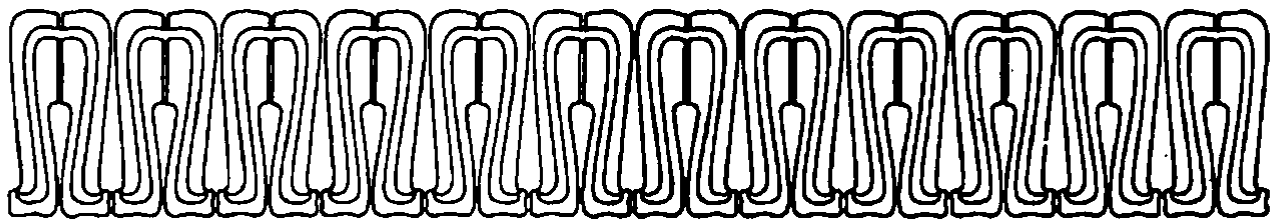
Иеромонахъ Серапіонъ.

¹⁾ Проф. Сикорскій. Психологія съ фізіогномикой, стр. 121, 257.

²⁾ Еп. Теофанъ. „Отвѣты“... стр. 30.

³⁾ См. выше стр. 2.

⁴⁾ Св. Исаакъ Сиринъ, сл. 55-е.

Христiанство въ Кiевской Руси при Ярополкѣ, братѣ Владимiра Святого.

Послѣ преданнаго началамъ языческой старины Святослава въ Кiевѣ опять наступилъ моментъ, благопрiятный для христiанства. Сѣвшiй на Кiевскомъ престолѣ старшiй сынъ Святослава—Ярополкъ былъ человекъ молодой, вѣроятно, находившiйся въ ранней молодости, въ отсутствiе изъ Кiева Святослава, нѣкоторое время подъ влiянiемъ своей бабки, христiанки—Ольги; по характеру своему это былъ, можно думать, юноша мягкiй, благодушный ¹⁾ и даже нѣсколько слабохарактерный, способный легко поддаваться чужому влiянiю ²⁾. Въ сторону христiанства въ такомъ случаѣ легко могла повлiять на Ярополка жена его—плѣнная греческая монахиня. Возможность благотворнаго влiянiя на Ярополка его жены—гречанки тѣмъ правдоподобнѣе, что исторически извѣстенъ рядъ случаевъ подобнаго воздѣйствiя женъ—христiанокъ на своихъ мужей—князей языческихъ. По словамъ Иоакимовской лѣтописи, Ярополкъ былъ весьма расположенъ къ христiанамъ и покровительствовалъ имъ, чѣмъ заслужилъ враждебное отношенiе къ себѣ сильной языческой партiи въ Кiевѣ ³⁾.

Однако есть рядъ фактовъ, способныхъ склонить насъ къ принятiю большаго, чѣмъ одно только расположенiе Ярополка къ христiанству.

¹⁾ См. выводы изъ лѣтописныхъ данныхъ преосв. Макарія Булгакова—см. 269—270 стр. 2 изд. уц.—„Исторiя христiанства въ Россiи до Владимiра Св.“, проф. В. Г. Ляскоронскаго „О мѣстоположенiи лѣтописнаго города Родни“. Ж. М. Н. П. 1904 г. iуньск. кн. и отд.

²⁾ На это указываетъ неоднократно лѣтопись, говоря о влiянiи Свѣнсьльда и Блуда на него.

³⁾ Въ упом. 1 ч. 1 кн. Татищева стр. 37.

Мы замѣчаемъ въ Ярополкѣ несомнѣнное тяготѣніе къ Западной Европѣ. Такъ Западная лѣтопись“ „Lamberti Hersfeldensis Annales“ упоминаетъ о присутствіи пословъ отъ Руси съ дарами—очевидно, отъ Ярополка—въ Кведлинбургѣ, резиденціи императора Германскаго Оттона, въ 973 г.¹⁾

Затѣмъ наша Никоновская лѣтопись говоритъ о приходѣ въ Кіевъ къ Ярополку въ 979 г. (по лѣтописному, быть можетъ, нѣсколько неточному счету) пословъ изъ Рима отъ папы²⁾,

Оба эти извѣстія—отрывочны и случайны, но они за собою, думается, скрываютъ цѣлую, особую главу въ исторіи начальнаго распространенія и утвержденія христіанства на Руси. Это явно бросающееся въ глаза стремленіе Ярополка на Западъ и сношенія его съ западными властелинами, по всей вѣроятности, стояли въ связи съ добрососѣдскими отношеніями Ярополка къ ближайшему западному сосѣду—Польскому князю Мѣшко или Мечиславу, жившему какъ разъ на перепутьи изъ Кіевской Руси въ Западную Европу. Какъ близкій сосѣдь Ярополка, Мечиславъ имѣлъ нужду въ его дружбѣ вслѣдствіе затруднительности своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ³⁾; съ другой же стороны онъ стоялъ обычно въ добрыхъ и при томъ ленныхъ отношеніяхъ къ Германскому императору⁴⁾, и поэтому скорѣе всего могъ явиться посредникомъ въ сношеніяхъ нашего Ярополка съ Западомъ. Возможность и вѣроятность подобныхъ сношеній Ярополка и Мѣшка косвенно подтверждается частыми столкновеніями и оживленными сношеніями Руси съ Польшей и родственными связями княжескихъ династій

¹⁾ См. „Scriptores rerum Germanicarum“ „Lamberti Hersfeldensis Annales“, изд. G. H. Perz, Hannoverae, 1843 г. стр. 19.

²⁾ Въ изд. Никоновской лѣтописи 1862 г. стр. 39. При враждѣ греческаго духовенства къ Риму и при господствѣ этого духовенства и его взглядовъ въ древней Руси, странно было-бы это и подобныя случайно уцѣлѣвшія извѣстія считать позднѣйшей выдумкой; наоборотъ изслѣдователи правильно утверждаютъ, что о сношеніяхъ съ Западомъ лѣтопись наша систематически замалчиваетъ. (Голубинскій, Коробка).

³⁾ См. напримѣръ, „первыя Славянскія монархіи на сѣверозападѣ“ О. И. Успенскаго, СІБ., 1872 г., стр. 155 и др., „Очеркъ исторіи Польши“ М. Бобржинскаго, переводъ Н. П. Карѣева, т. 1 СІБ. 1888 г., стр. 67—68 и др.

⁴⁾ Ibidem.

этихъ странъ, вслѣдъ затѣмъ при Владимірѣ Святѣмъ и Святѣполкѣ¹⁾, имѣвшими, конечно, прецеденты, и въ частности войной Владиміра съ Польшей непосредственно за смертью Ярополка (по лѣтописи въ 981 г.)²⁾.

Принявъ самъ недавно—всего лишь въ 966 году крещеніе, польскій князь не только передалъ Руси „очередь“ въ принятіи христіанства³⁾, докатившагося съ Запада такимъ образомъ уже непосредственно до Руси, но и оказалъ, вѣроятно, и соотвѣтствующее воздѣйствіе на самого русскаго князя Ярополка—въ смыслѣ склоненія его къ христіанству; подобная допускаемая миссіонерская роль новообращеннаго польскаго князя по отношенію къ сосѣдней Руси стояла-бы въ полномъ согласіи съ общимъ характеромъ католической пропаганды⁴⁾. Въ данномъ случаѣ воздѣйствіе на Ярополка шло, впрочемъ, не только отъ Польскаго князя, но,—вѣроятно, черезъ его посредство,—по имѣющимся даннымъ,—и отъ Германскаго императора,—въ это время—въ лицѣ Оттона I и его преемниковъ—дѣятельно насаждавшаго христіанство среди Славянскихъ народовъ вообще и не могшаго не обратить вниманія на извѣстную ему со времени Ольги Русь,—а также со стороны Римскаго папы.

Нѣкоторое проинкновеніе Ярополка заимствованными съ Запада христіанско-монархическими идеями можно видѣть въ приписываемомъ Длугошемъ Ярополку стремленіи расширить свою власть⁵⁾, сказавшемся въ извѣстной борьбѣ его съ братьями и временномъ установленіи имъ нѣкотораго единовластія на Руси; въ даномъ случаѣ нельзя не

¹⁾ См. въ изслѣдованіи проф. П. А. Линниченко „Взаимныя отношенія Руси съ Польшей до половины XIV ст.“, ч. I, Кіевъ, 1884 г., стр. 45—53 и др.

²⁾ О торговыхъ сношеніяхъ Руси и Польши въ эту эпоху говоритъ еврейскій путешественникъ 2 половины X в. Ибрагимъ Ибн-Якубъ, см. въ 32 т. „Записокъ Имп. Акад. Наукъ“, Спб. 1879 г., приложеніе № 2 „Извѣстія Ал-Берки и др. о Руси и Славянахъ“, ч. I.

³⁾ См. еоображенія Гулубинскаго по поводу крещенія, впрочемъ, уже Владиміра въ I кн. I т. „Исторіи Русской церкви“, во 2 изданіи стр. 156.

⁴⁾ См. напримѣръ въ упом. изсл. Линниченко „Взаимныя отношенія Руси и Польши“, стр. 202.

⁵⁾ См. напримѣръ въ „Разысканіяхъ“ Шахматова стр. 349, 353—354.

видѣть нѣкотораго подражанія Польшѣ и Чехіи того времени¹⁾.

Съ другой стороны изъ разсказа лѣтописи объ отношеніи Ярополка къ гибели его врага—брата Олега, при сравненіи съ описаніемъ гибели впослѣдствіи самого Ярополка и отношенія къ этому факту брата-же Владиміра, можно усматривать проникновеніе Ярополка практическими началами христіанской морали.

При наличности ряда прямыхъ и косвенныхъ указаній на связи Ярополка съ христіанскимъ Западомъ²⁾, мы не можемъ совершенно отрицательно отнестись къ разсказамъ западныхъ писателей—Петра Даміани, написавшаго житіе Св. Ромуальда около 1040 г., и интерполятора хроники Адемаровой—половины XII в.,—говорящихъ о первоначальномъ крещеніи Руси латинскими миссіонерами, но допускаемъ возможность связать ихъ съ эпохой Ярополка. За выключеніемъ сильнаго легендарнаго элемента, котораго исполнены эти сказанія, у перваго изъ нихъ, близкаго по времени къ данной эпохѣ, правдоподобно передаются главнѣйшія черты историческихъ событій времени Ярополка: убіеніе тогдашнимъ „королемъ“ Руси „(rex Russiae)“, который принялъ къ себѣ латинскаго миссіонера,—очевидно, самимъ Ярополкомъ—своего брата—въ данномъ случаѣ Олега; наличность у этого „короля“ другого брата—конечно, Владиміра, котораго не трудно узнать въ словахъ сказанія о томъ, что онъ—„жилъ отдѣльно отъ короля“,—соотвѣтственно княженію его въ отдаленномъ Новгородѣ,—и „не хотѣлъ слушать словъ“ латинскаго миссіонера, что соотвѣтствуетъ извѣстной пре-

¹⁾ См. напримѣръ въ упом. кн. Линниченко „Взаимныя отношенія Руси и Польши“, стр. 84, прим.

²⁾ Предположенія объ этихъ связяхъ Ярополка съ Западомъ и западнымъ христіанствомъ не уничтожаетъ лѣтописный разсказъ о приѣмѣ Владиміромъ Святымъ Нѣмецкихъ пословъ и сказанныя имъ при томъ слова: „Отці наши сего не прияли суть“ (въ упом. изд. Лаврентьевской лѣтописи стр. 83). Какъ будетъ видно ниже, посольства о вѣрѣ при Владимірѣ вообще носятъ легендарный характеръ, а слова Владиміра Святого, будто-бы сказанныя имъ латинско-нѣмецкимъ проповѣдникамъ-посламъ, явно носятъ слѣды позднѣйшаго греческаго вліянія и вставлены, очевидно, во второй половинѣ XI в. съ опредѣленной, распространенной тогда, антилатинской тенденціей.

данности Владиміра въ это время язычеству“¹⁾. При наличности другихъ соотвѣтственныхъ, упоминавшихся уже, данныхъ, подобное сказаніе, идущее съ Запада, трудно представлять какъ сплошную, рѣшительно не имѣющую никакой реальной подкладки, „*ria fraus*“; очевидно, это сказаніе со-здалось въ связи съ дѣйствительными событіями княженія Ярополка, стоявшаго близко къ Западной Европѣ. Видно, дѣятельныя сношенія и связи съ Западомъ Ярополка не были безрезультатны, но закончились его крещеніемъ отъ Западныхъ миссіонеровъ. При этомъ, вѣроятно же всего, Ярополкъ и поддерживавшая его партія Кіевлянъ плохо разбирались въ догматическо-обрядовыхъ разностяхъ церкви Западной отъ Восточной, къ тому-же еще и не раздѣлившихся окончательно, а просто вошли въ духовную связь съ первой потому, что съ Западомъ въ это время поддерживались дѣятельныя сношенія, а противъ Византіи, послѣ войнъ Свято-слава, должно было существовать нѣкоторое предубѣжденіе на Руси.

Нужно думать, что крещеніе Ярополка отъ западныхъ миссіонеровъ было отмѣчено въ нашихъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ записяхъ, но исчезло отсюда во второй половинѣ XI вѣка вслѣдствіе усилившагося въ это время на Руси византійскаго вліянія,—уцѣлѣла изъ этой записи случайно лишь одна фраза въ „Никоновской лѣтописи“ о приходѣ къ Ярополку пословъ изъ Рима.

Въ числѣ этихъ пословъ, присланныхъ Римскимъ папой въ Кіевъ, былъ, вѣроятно, и епископъ (подобно тому, какъ посылался епископъ и раньше—къ Ольгѣ). По всей вѣроятности, крещеніе Ярополка произошло въ самомъ концѣ его княженія—за годъ приблизительно до его смерти—со-отвѣтственно съ указаніемъ лѣтописи о времени прихода

¹⁾ См. „*Patrologiae cursus completus*“, series secunda, изд. I.—P. Migne, въ т. 144, 1853 г., „*S. Petri Damiani*“ t. 1, гл. 27—„*De Bonifacio martyre*“, 977—979 стр.; изъ русскихъ приведено у Голубинскаго въ 1 п. 1 т. его „Исторіи“, а также въ ст. „Доминиканецъ Яцекъ Одровонжъ, мнимый апостоль земли русской“ И. И. Малышевскаго въ „Тр. Кіев. Духовн. Ак.“ 1867 г. октябр. кн., у Д. Воронова—„О латинскихъ проповѣдникахъ на Руси Кіевской въ X и XI в.в.“ въ 1 кн. „Чт. въ Истор. общ. Нестора Лѣтоп.“, въ 2 кн. этихъ-же „Чтеній“ Ф. Я. Фортинскаго „Крещеніе князя Владиміра и Руси по западнымъ извѣстіямъ“—и др.

пословъ изъ Рима и потому сколько-нибудь значительной роли въ жизни Кіевской Руси не имѣло.

Къ этому моменту кратковременнаго торжества польско-католическаго начала въ Кіевѣ естественнѣе всего отнести появленіе здѣсь—уцѣлѣвшаго доселѣ въ отрывкахъ—западно-христіанскаго богослужебнаго чина на славянскомъ языкѣ, написаннаго глаголическими шесъменами, по всей видимости, въ Польшѣ писцомъ—полякомъ¹⁾.

Самая наличность польско-католическаго глаголическаго богослужебнаго чина въ Кіевѣ есть одно изъ косвенныхъ доказательствъ вѣрности нашей мысли: именно, она говоритъ о существованіи момента господства польскаго католицизма въ Кіевѣ, а таковымъ только и могло быть правленіе Ярополка²⁾.

Попытка Ярополка утвердить христіанство на Руси вызвала сильное недовольство въ Кіевѣ, а также, вѣроятно, она-же, въ связи съ проникновеніемъ Ярополка заимствованными съ запада монархическими принципами, была ближайшимъ поводомъ бѣгства Владиміра изъ Новгорода къ Норманамъ за помощью для борьбы съ Ярополкомъ. Съ помощью язычниковъ Нормановъ язычникъ-Владиміръ изъ

¹⁾ См. въ „Вѣстникъ Археологій и Исторій“, выпускъ X. СІВ., 1898 г. ст. А. П. Соболевскаго—„Гдѣ написаны Кіевскіе глаголическіе отрывки“ и его-же ст. „Къ хронологіи древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятниковъ“—„извѣстія отд. русск. яз. и слав.“ 1906 г. т. XI. кн. 2; Соболевскій принимаетъ польское происхожденіе этихъ отрывковъ, относитъ его къ X—XI вв. и допускаетъ, что въ Палестину, гдѣ они найдены, они могли попасть именно изъ юго-западной Руси; время появленія вообще католическаго чина глаголическими шесъменами Соболевскій относитъ къ эпохѣ конца IX—X в.; Ягичъ относитъ появленіе его также къ концу IX в.—къ эпохѣ св. Меодія; на иной точкѣ зрѣнія стоитъ, напр., А. Михайловъ, относящій начало глаголическаго миссала не ранѣе XI в. (см. его „Къ вопросу о литературномъ наслѣдіи свв. Кирилла и Меодія въ глаголическомъ хорват. миссалахъ и бревіаріяхъ“, Варшава, 1904 года), но онъ базируется на довольно невѣрномъ основаніи, будто на Западѣ на различіе обрядовъ съ Востокомъ обратили вниманіе лишь съ XI вѣка (см. стр. 34),—въ дѣйствительности это произошло значительно раньше.

²⁾ Отнести это къ эпохѣ Святополка и Рейнберна труднѣе: глаголица въ Кіевѣ могла найти себѣ распространеніе лишь прежде утвержденія кириллицы, имѣвшаго мѣсто при Владимірѣ,—да и время тогда было такое, что вниманіе Святополка и его польскихъ друзей всецѣло поглощено было острой политической борьбой.

языческаго Новгорода предпринялъ большой походъ противъ зарождавшагося въ Кіевѣ христіанства и его идей, выступивъ на защиту старыхъ принциповъ-язычества, народовластія и личности волостей. Такъ Норманы еще разъ сыграли роль могущественной антихристіанской силы, благодаря которой снова христіанство уступило силѣ язычества¹⁾.

Ярополкъ въ этой борьбѣ погибъ, а вмѣстѣ съ нимъ погибла и эта третья попытка утвержденія христіанства въ Кіевѣ, равно какъ и вторая попытка (послѣ времени Ольги) западнаго христіанства отнять Кіевъ у христіанства Греко-восточнаго, имѣвшаго историческія права на Кіевскую Русь уже хотя-бы въ силу давности перваго, хотя и слабого, проникновенія византийскаго-христіанскаго воздѣйствія на эту страну, съ тѣхъ поръ въ нѣкоторой степени все время не прерывавшагося. Ярополкъ погибъ вслѣдствіе—необъясняемой лѣтописью—своей политической слабости; однако въ лѣтописи же есть намеки, позволяющіе повѣрить свидѣтельству Іоакимовскоі лѣтописи, по которой эта слабость Ярополка явилась результатомъ противодѣйствія ему и измѣны со стороны Кіевскоі языческой партіи²⁾.

¹⁾ Такой именно роли „Варяговъ“—Нормановъ въ исторіи Руси X вѣка учатъ историческіе факты, окончательно убивающіе въ насъ вѣру въ легенду о томъ, будто Норманы были христіанизирующей струей въ Кіевѣ,—что, какъ мы видѣли, допускаютъ въ упом. работахъ Голубинскій, Малышевскій и др.

²⁾ Бѣгство Ярополка въ г. Родню и его тамъ сидѣніе при осадѣ отъ Владиміра мы полагаемъ, вопреки недавно высказанному мнѣнію проф. В. Ляскоронскимъ (см. „Ж. М. Н. Пр.“ 1904 г. июльск. кн. „О мѣстоположеніи лѣтописнаго города Родни“), не движеніемъ въ область Древлянъ, но уходомъ именно на югъ: на югъ изъ Кіева удобнѣе были пути сообщенія, чѣмъ по землѣ Древлянскоі,—что было важно при быстротѣ бѣгства.—на югъ-же указываетъ и совѣтъ Ярополку Варяжка—бѣжать къ Печенѣгамъ,—очевидно, близъ живущимъ,—совѣтъ совершенно нелогичный для находившихся въ Древлянскоі землѣ, гдѣ скорѣе мы услышали-бы предложеніе бѣжать въ Польшу. Съ Ярополкомъ, вѣроятно, бѣжалъ и латинскій епископъ со свитой; куда они затѣмъ дѣвались, намъ ничего неизвѣстно, но одна недавняя находка, быть можетъ, указываетъ слѣдъ бѣжавшаго на югъ отъ Владиміра Ярополка и латинскаго епископа. Это—найденный въ началѣ лѣта 1912 года въ Полтавскоі губерніи, близъ села Малая Перещепина, кладъ, очень цѣнный и древній. Хотя въ немъ, повидимому нѣтъ вещей эпохи болѣе поздней, чѣмъ VІІ в. (см. ст. „Рѣдкій кладъ“ въ „Новомъ Времени“ за 10 іюля 1912 года

Побѣдивъ Ярополка и погубивъ его, Владиміръ праздновалъ въ Кіевѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и побѣду язычества надъ христіанствомъ: скорѣе всего такой именно смыслъ имѣеть лѣтописный рассказъ, связывающій начало княженія Влади-

№ 13048), и высказана уже вскользь попытка ученаго отнести происхожденіе клада къ гуннамъ V—VI в.в. (см. „Ж. М. Н. Пр. 1912 г. дек. кн., ст. М. П. Ростовцева „Третій междунар. арх. конгрессъ въ Римѣ“) — однако, во-первыхъ, нѣкоторыя вещи изъ клада (и при томъ, кажется, въ значительномъ количествѣ) были расхищены при самой находкѣ, во-вторыхъ, слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе на надпись, имѣющуюся на большомъ серебряномъ, вызолоченномъ блюдѣ съ монограммой Христа. Надпись эта, — что весьма важно, — сдѣлана на латинскомъ языкѣ, и гласитъ она слѣдующее: „ex antiquis renovatum est per paternum reverentiss s. episc. nostrum. Amen“. Блюдо, очень древнее, очевидно, было въ рукахъ какого-то латинскаго епископа (быть можетъ, по имени Патерна), и имъ реставрировано въ эпоху, по отношенію къ которой III—V вѣка были древними; между тѣмъ остальные вещи и монеты клада происхожденія по преимуществу византийско-классическаго и частію восточнаго. Значитъ, въ числѣ владѣтелей клада былъ какой-то латинскій епископъ, поившій на Востокъ — на Русь и вынужденный съ драгоценными вещами (судя по предметамъ клада, вѣроятно, не только со своими, но и съ княжескими вмѣстѣ) бѣжать и при бѣгствѣ, въ виду угрожавшей опасности, зарыть драгоценныя вещи въ землѣ. Мы не можемъ согласиться, чтобы тутъ былъ замѣшанъ какой-то балканско-придунайскій епископъ, вещи котораго съ запада на востокъ занесли гунны (см. въ ст. Ростовцева), — такое объясненіе намъ представляется очень искусственнымъ: латинская надпись и движеніе гунновъ наоборотъ — съ востока на западъ говорятъ противъ этого. Вѣроятноже этого епископа нужно искать на Руси именно — на ея территоріи по крайней мѣрѣ. Ранѣе X вѣка мы не знаемъ и не можемъ допустить пріѣзда на Русь западно-латинскаго епископа. Не могъ имъ быть также и Адальбертъ, который, если при Ольгѣ и бѣжалъ изъ Кіева, то на Западъ, а не на югъ, и не могъ при очень холодномъ пріемѣ въ Кіевѣ, взять съ собою множества дорогихъ вещей. Скорѣе всего данный кладъ зарытъ былъ, — какъ оказывается по находкѣ, — близъ береговъ рѣки Ворсклы — латинскимъ епископомъ, бывшимъ въ Кіевѣ въ качествѣ Римскаго посланца при Ярополкѣ и бѣжавшимъ съ нимъ вмѣстѣ на югъ. Мѣсто находенія клада указываетъ и пріемлемую вполнѣ цѣль бѣгства: это путь къ Тмутаракани и Хазаріи, куда легко могли сдѣлать попытку спастись уцѣлѣвшіе христіане изъ Родни послѣ гибели Ярополка — въ виду отрѣзанности пути на западъ, но встрѣтили, должно быть, на пути степныхъ хищниковъ-Печенѣговъ, отъ которыхъ и спрятали свои драгоценности, добытыя, думается, нынѣ близъ Перещепины. Такова наша догадка о происхожденіи Перещепинскаго клада.

міра въ Кіевѣ съ постановкой имъ здѣсь идоловъ и торжественными въ честь ихъ жертвоприношеніями.

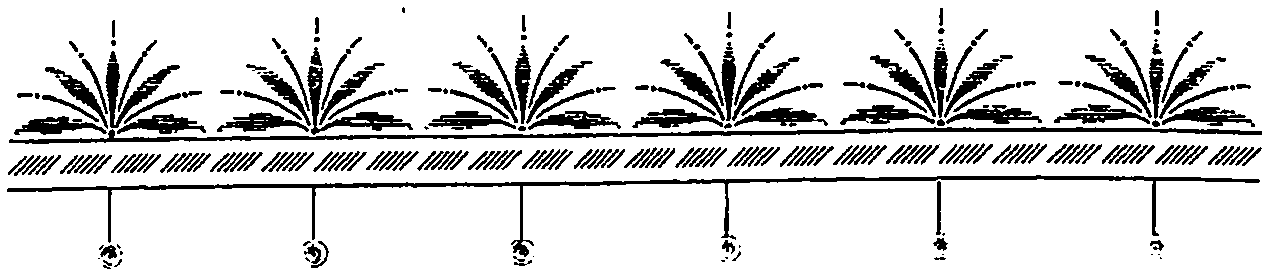
Трудно тутъ допустить другое—именно такое состояніе язычества въ Кіевѣ,—давимъ сравнительно государственномъ и торговомъ центрѣ,—при которомъ идоловъ здѣсь еще не существовало раньше Владиміра вовсе¹⁾. Принимая близкія добрососѣдскія отношенія Ярополка съ Польшей, мы не можемъ оставить безъ значенія при этомъ и тотъ, отмѣченный уже, походъ на Ляховъ—въ Польшу Владиміра, который онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ предпринять, по мѣтоиси, такъ скоро—въ слѣдующемъ году послѣ гибели Ярополка и своего вокняженія въ Кіевѣ,—походъ, по всей вѣроятности, вызванный естественнымъ столкновеніемъ захватившаго Кіевъ Владиміра съ союзникомъ Ярополка и Кіевскихъ христіанъ—польскимъ Мечиславомъ²⁾.

Пархометко.

¹⁾ См. напримѣръ, сводку древнихъ свидѣтельствъ о давнемъ существованіи у Славянъ храмовъ и иныхъ святилищъ у В. Макушева „Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ“, СПб., 1861 г., стр. 95—99 и др.

²⁾ Наличность приведенныхъ въ данной главѣ данныхъ убѣждаютъ насъ въ томъ, что отмѣченная не разъ связь Руси съ Западно-Римской Церковью въ X в. и позже достигла своего апогея скорѣе всего именно при Ярополкѣ, а не при Владимірѣ,—какъ это допускаетъ Н. И. Коробка (см. статью его „Къ вопросу объ источникѣ русскаго христіанства“—„Изв. отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Н.“ 1906 г., т. XI, кн. 2)—безъ достаточныхъ основаній; но въ ст. Коробки собрано немало интересныхъ данныхъ для выясненія связей Руси съ Западной Церковью (срв. ст. А. И. Соболевскаго въ 4 кн. тѣхъ-же „Извѣстій“ того-же 1906 г. и его матеріалы въ рядѣ книжекъ „Извѣстій“ за послѣдніе годы).

Къ спекулятивному обоснованію религіозной вѣры.

Конструція доназательствъ бытія Божія въ религіозно-философскомъ міросозерцаніи Ульрици.

(Изъ метафизики религіозной вѣры).

Религіозно-философское міросозерцаніе Ульрици¹⁾, какъ извѣстно, было направлено, съ одной стороны, къ рациональному оправданію религіозной вѣры вообще, а съ другой—къ построению и обоснованію системы христіанскаго теизма—въ частности. Въ отношеніе къ рациональному оправданію религіозной вѣры вообще въ конструированной Ульрици системѣ его міросозерцанія можно выдѣлить слѣдующихъ три точки зрѣнія: гносеологическую, феноменологическую и метафизическую.

Что касается двухъ первыхъ точекъ зрѣнія, то обѣ онѣ у Ульрици имѣютъ дѣло съ субъективной стороной религіозной вѣры: такъ, феноменологія, базируясь на данныхъ гносеологіи, описываетъ религіозную вѣру въ ея эмпирически-данной дѣйствительности и опредѣляетъ принадлежащее ей по ея существу мѣсто въ рядахъ знанія и вѣры вообще, а также—отыскиваетъ для нея субъективныя основанія въ человеческой душѣ и объясняетъ ея психологическое происхожденіе.—Въ результатѣ такого изслѣдованія религіозной вѣры послѣдняя оказывается у Ульрици, прежде всего, не-

¹⁾ Ульрици философъ и религіозный мыслитель прошлаго столѣтія, бывший профессоръ философіи въ Галльскомъ университетѣ (См. о немъ нашу статью въ „Богосл. Вѣстн.“ 1909 г. №№ 1 и 2, гдѣ мы подробно излагаемъ міросозерцаніе философа и даемъ полную характеристику его научно-литературной и философской дѣятельности).

сомнѣннымъ историко-психологическимъ фактомъ, и затѣмъ, такимъ глубоко-жизненнымъ явленіемъ, которое имѣетъ свои психологическіе крѣпкіе корни въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ человѣческой души, имѣя здѣсь и свою реальную (психологическую) почву и, потому, и безъ основанія заявляя свои права на существованіе ¹⁾).

Но въ гносеологіи и феноменологіи религіозной вѣры остается нерѣшеннымъ вопросъ объ объективныхъ основаніяхъ этой вѣры. Правда, всѣ формы историко-психологическаго проявленія религіозной вѣры развиваются изъ ея существа, которое именно въ нихъ обнаруживается и составляетъ для нихъ реальное основаніе, имѣя для себя источникъ начало въ самомъ существѣ человѣческаго духа. Но основаніе самой вѣры лежитъ не только въ данной природѣ человѣческаго духа, въ природѣ нашего мышленія и познавательныхъ способностей, нашихъ стремленій и желаній, но также и въ основаніи этого основанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ послѣдней причинѣ нашего собственнаго существованія, равно какъ и вообще въ причинѣ всего бытія и его явленій. И только здѣсь именно, въ своей послѣдней инстанціи, могутъ заключаться, какъ всѣ субъективныя, такъ и всѣ же объективныя основанія религіозной вѣры, отысканіе которыхъ всегда требуется для полнаго спекулятивнаго оправданія этой вѣры. Эту задачу, по мнѣнію Ульрици, должна выполнить метафизика религіозной вѣры, и тогда все дѣло рациональнаго обоснованія нашей вѣры въ Бога получитъ свое окончательное завершеніе,

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что метафизика религіозной вѣры, по взгляду Ульрици, должна спрашивать о томъ,—существуютъ ли объективныя основанія для признанія бытія Бога, какъ объекта религіозной вѣры? Если такія основанія существуютъ, то гдѣ ихъ искать и каковы они? или соответствуетъ ли содержанію религіозной вѣры въ объективной дѣйствительности такой же объективный коррелятъ? Если соответствуетъ, то каковъ онъ и какъ доказать его дѣйствительное существованіе? Такъ какъ отвѣтъ на вопросъ

¹⁾ См. подробное разъясненіе этого въ нашей ст.: „Къ спекулятивному обоснованію религіозной вѣры“, въ журн. „Вѣра и Разумъ“ за 1912 г.—Іюнь, Іюль и Августъ,—гдѣ мы излагаемъ гносеологическія воззрѣнія Ульрици и—его Феноменологію религіозной вѣры.

о реальномъ существованіи Бога въ положительномъ смыслѣ даютъ, такъ называемыя, доказательства бытія Божія, то, очевидно, эти доказательства у Ульрици вполнѣ совпадаютъ съ объективными основаніями религіозной вѣры. Поэтому, и метафизика религіозной вѣры, поскольку она имѣетъ цѣлью научно-объективное оправданіе послѣдней, должна, собственно, изложить эти доказательства въ данномъ случаѣ исчерпывающія все ея содержаніе. Изложенію этихъ доказательствъ и посвящается настоящая статья¹⁾.

Необходимость классификаціи и квалификаціи доказательствъ бытія Божія у Ульрици. Принципы классификаціи и ея схема.

Задачу нашего изслѣдованія въ метафизикѣ религіозной вѣры будетъ составлять, какъ мы уже сказали, изложеніе доказательствъ бытія Божія въ научной формѣ, какъ такая устанавливается для нихъ у самого Ульрици. При вы-

¹⁾ Характерно отмѣтить отношеніе Ульрици вообще къ метафизикѣ: по его мнѣнію, когда философское изслѣдованіе, подойдя къ извѣстнымъ вопросамъ (въ данномъ случаѣ, вопросъ о существѣ и основаніяхъ религіозной вѣры и ея научномъ оправданіи), вступаетъ въ область метафизики, оно попадаетъ на очень скользкій и покатый путь; по нему философія спускается въ наиболее спорную, ненадежную и опасную территорію своихъ владѣній, не имѣющую подъ собою непоколебимо твердой почвы. Если даже допустить, что философія окажется въ состояніи рѣшить и рѣшить вопросъ объ объективной достовѣрности религіозной вѣры и, ставши прочно на ноги, докажетъ бытіе Бога и научно оправдастъ вѣру въ Него, то вѣдь вслѣдъ за этимъ выступаетъ на очередь новый, не менѣе же сложный вопросъ: „какъ возможно то, чтобы объективность содержанія религіозной вѣры сливалась до безразличнаго единства съ субъективностью вѣрующаго, благодаря чему только, собственно, познаніе религіозной истины становится впервые вѣрой?“ Этимъ вопросомъ философія опять запутывается во всѣхъ тѣхъ трудностяхъ, которыя оказываются неизбѣжными спутниками всякой теоріи познанія и психологіи. Перебравшись изъ Сциллы въ Харибду, она едва-ли сможетъ благополучно проплыть между опасными подводными камнями и отмелями. Если самъ Ульрици и беретъ на себя смѣлость заняться рѣшеніемъ метафизическихъ проблемъ, то, конечно, не изъ особеннаго довѣрія къ своимъ познавательнымъ способностямъ, а просто въ сознаніи важности хоть какого-нибудь ихъ рѣшенія не только для своего, но и всего послѣдующаго времени (*Zeitschrift für Philosophie u. philosophische Kritik*, 1855, B. 26, H. 2-te. Ulici „Das philosophische Wissen u. der religiöse Glauben“ ss. 294—295; см. также соч. Ульрици: „Glaube und Wissen. Leipz. 1858, s. 346).

полненіи этой задачи намъ нужно систематизировать разбросанные по разнымъ мѣстамъ и собранные иногда изъ отрывочныхъ мыслей доказательства, классифицировать ихъ по родамъ и видамъ и вывести точную логическую формулу для каждаго изъ послѣднихъ. Все это вызывается тѣмъ большею необходимостью, что у самаго Ульрици трудно, чтобы не сказать невозможно, подмѣтить опредѣленную и до конца послѣдовательную классификацію доказательствъ бытія Божія; равнымъ же образомъ нѣтъ у него и твердаго классификаціоннаго принципа, чѣмъ, конечно, весьма усложняется трудность логической обработки его доказательствъ ¹⁾. У него часто можно встрѣтить такія явленія, что въ одной какой

¹⁾ Что у Ульрици нѣтъ твердо-установленнаго и вездѣ выдержаннаго принципа классификаціи, видно уже изъ того, что у него въ специальной статьѣ, посвященной изложенію доказательствъ бытія Божія („Die Beweise für das Dasein Gottes“—Ztschr. f. Philos. u. Theos. Kritik, 1856 B 28, 91—132) послѣднія классифицируются совершенно не такъ, какъ въ его же капитальномъ трудѣ „Богъ и природа“. Затѣмъ—въ первой есть такое доказательство, о которомъ въ послѣднемъ даже и не упоминается, это доказательство, изъ потребности человѣка—вѣрить въ Бога, названное Ульрици „антропологическимъ или психологическимъ“. Между тѣмъ, въ сочиненіи „Богъ и природа“ есть свое психологическое доказательство, которое основывается на другомъ принципѣ.—Развитое въ статьѣ логическое доказательство, которое основывается на логическихъ функціяхъ нашего мышленія, въ сочиненіи „Богъ и природа“ распадается на два доказательства: специально логическое и гносеологическое.—Въ этой же статьѣ логическое доказательство противоплагается онтологическому (понимаемому въ обычномъ смыслѣ слова), причемъ, послѣднее, являющему, совсѣмъ уничтожается. Кроме того въ статьѣ объ этихъ онтологическихъ доказательствахъ, даже въ смыслѣ пониманія ихъ Ульрици, какъ именно таковыхъ, не упоминается вовсе, или, лучше, они тамъ не называются такъ и излагаются подъ именемъ и подъ видомъ космологическихъ. (114—123). А въ сочиненіи „Богъ и природа“ развивается цѣлая серія онтологическихъ доказательствъ подъ такимъ именно названіемъ, и къ нимъ относится и такое, которое обычно называютъ и считаютъ психологическимъ. Развивая въ томъ же сочиненіи длинный рядъ космологическихъ доказательствъ, Ульрици къ нимъ причисляетъ и обычное телеологическое; въ статьѣ же онъ и то и другое разсматриваетъ отдѣльно и обозначаетъ каждое особо, какъ доказательство двухъ разныхъ видовъ, стоящихъ рядомъ одно съ другимъ, но не находящихся въ отношеніи соподчиненія... Подобная путаница у Ульрици—явленіе весьма нерѣдкое, и она простирается гораздо дальше тѣхъ примѣровъ, которые мы привели въ качествѣ образца.

либо группы встрѣчаются различныя доказательства подъ однимъ именемъ—или одно доказательство, проходя по разнымъ группамъ, излагается подъ различными названіями. И въ такой путаницѣ очень нелегко разобраться, потому что въ подобныхъ случаяхъ Ульрици не дѣлаетъ никакихъ оговорокъ, хотя бы онѣ и могли иногда помочь дѣлу, объясняя естественное происхожденіе его ошибокъ¹⁾. Поэтому, мы, прежде, чѣмъ приступить къ самому изложенію доказательствъ бытія Божія, установимъ принципы классификаціи послѣднихъ, систематизируемъ ихъ по этимъ принципамъ и укажемъ, какое мѣсто и гдѣ каждое изъ нихъ занимаетъ въ той градаціи постепеннаго восхожденія отъ однихъ къ другимъ,—отъ болѣе конкретныхъ къ болѣе абстрактнымъ,—которая получится въ результатѣ ихъ классификаціи и которая точно опредѣлитъ всѣ частныя доказательства, входящія, какъ болѣе узкія, въ составъ извѣстнаго разряда доказательствъ—какъ общей для всѣхъ нихъ и большой классовой группы.

Доказательства бытія Божія должны привести тѣ объективныя основанія въ пользу истины бытія Божія, изъ которыхъ мысль о послѣдней вытекала бы съ логической необходимостью для сознанія. Выше мы поставили вопросъ: есть ли научно-объективныя основанія для вѣры въ бытіе Бога? Если есть, то-гдѣ ихъ искать и каковы они? Ульрици отвѣчаетъ: такія основанія есть, а искать ихъ нужно во всемъ бытіи и разнообразіи его содержанія; они именно разбросаны по всѣмъ тѣмъ сторонамъ эмпирически данной дѣйствительности, которыя только можетъ охватывать своимъ взоромъ человѣкъ²⁾. Но дѣйствительность міроваго бытія,

¹⁾ Впрочемъ, если бы Ульрици устранилъ этими оговорками одно затрудненіе, на мѣсто его выступило бы другое, обусловливаемое тѣмъ, что онъ, не давая доказательствамъ точной формулировки, имѣетъ еще обыкновеніе параллельно съ развитіемъ извѣстныхъ доказываемыхъ положеній тутъ же говорить о тѣхъ свойствахъ Божіихъ, которыя вытекаютъ изъ тѣхъ или другихъ положеній: свои выводы о послѣднихъ онъ не выдѣляетъ изъ первыхъ и говоритъ сразу и смѣшанно о тѣхъ и другихъ.

²⁾ Ульрици прямо говоритъ: „природа (разумѣя подъ ней всю вселенную) и познаніе о ней есть пробный камень религіозныхъ идей, равно какъ и философскаго изслѣдованія о послѣднихъ причинахъ бытія и всѣхъ явленій. Если вѣра въ Бога имѣетъ истинное

взятаго во всей цѣлостности вселенной, по отношенію къ человѣку, распадается рѣзко на двѣ половины; дѣйствительность объективную или реальную и дѣйствительность субъективную или идеальную; другими словами,—дѣйствительность того, что существуетъ внѣ человѣка и независимо отъ его сознанія, и дѣйствительность того, что существуетъ въ человѣческомъ сознаніи и органически связано съ нимъ неразрывной связью. Это-то вотъ и служитъ, прежде всего, основаніемъ для дѣленія доказательствъ у Ульрици на двѣ категоріи: а) доказательства изъ объективной дѣйствительности и б) доказательства изъ субъективной дѣйствительности¹⁾. Это, такъ сказать, два главныхъ основныхъ разряда доказательствъ бытія Божія, дѣленіе на которые послѣднихъ происходитъ по чисто внѣшнему, формальному для нихъ признаку и не даетъ о нихъ еще никакого опредѣленнаго понятія. Въ каждый изъ этихъ разрядовъ входитъ у Ульрици цѣлая серія доказательствъ, которыя различаются между собой по болѣе частнымъ признакамъ, имѣя какъ бы нѣсколько видовъ со множествомъ разновидностей. Основаніемъ для такого болѣе частнаго дѣленія доказательствъ въ предѣлахъ того или другого разряда служатъ тѣ характерныя признаки или основныя опредѣленія, которыя имѣютъ объективная и субъективная дѣйствительность, и отъ которыхъ берутъ свои точки отправленія тѣ доказательства. Въ этомъ отношеніи доказательства изъ объективной дѣйстви-

основаніе, то всякій новый успѣхъ научнаго познанія въ природѣ становится необходимо новымъ доказательствомъ ея полноправности, долженъ подтверждать, усиливать, прояснять ее. Ибо, если есть Богъ въ религіозномъ смыслѣ этого слова, то природа служитъ непременно первымъ и древнѣйшимъ Его откровеніемъ...“ А тщательное научное изученіе эмпирическихъ наукъ привело его къ такимъ результатамъ, что естествознаніе далеко отъ мысли—проложить путь пантеизму, матеріализму и атеизму. Съ какой бы стороны мы ни разсматривали міръ, природу и человѣчество въ ихъ развитіи, говоритъ еще Ульрици, чѣмъ глубже будемъ проникать въ ихъ состояніе, тѣмъ очевиднѣе будетъ оправдываться древнѣйшее вѣрованіе въ бытіе Божіе...“ (Богъ и природа, рус. перев., т. I, пред. автора стр. VI т. 2 стр. 176—177).

¹⁾ Основанія для такого дѣленія даетъ самъ Ульрици прямо устанавливающей одни доказательства бытія Божія какъ берущія свои основанія изъ существа человѣческаго духа и его основныхъ опредѣленій, и другія—изъ основныхъ опредѣленій природы и данныхъ въ ней. (*Ztschr. für Philosophie u. philos. Kritik*, 1856 B 28, s. 114).

тельности, по общему для известной группы ихъ родовому признаку, можно раздѣлить на доказательства онтологическія и космологическія. Такъ какъ здѣсь тотъ признакъ, по которому объединяются частныя доказательства въ каждой изъ указанныхъ двухъ группъ, слишкомъ общій и обнимаетъ собою очень большое содержаніе, то естественно, что у Ульрици къ категоріи онтологическихъ или космологическихъ доказательствъ относятся и такія, которыя по своимъ болѣе частнымъ признакамъ могутъ быть названы и телеологическимъ, и психологическимъ и какимъ-нибудь еще другимъ именемъ. И дѣйствительно, мы видимъ дѣленіе у Ульрици онтологическихъ доказательствъ на два частныхъ подвида по тѣмъ основаніямъ, на которыхъ они утверждаютъ свою доказательную силу; это—онтологическія доказательства, основывающіяся 1) на естествознательномъ понятіи атома и 2) на естествознательномъ понятіи силы. Космологическія доказательства также дѣлятся у него на нѣсколько разновидностей по тѣмъ же частнымъ признакамъ, которые составляютъ основныя опредѣленія природы (въ ученіи естествознанія объ ея устройствѣ) и на которыхъ основывается доказательная сила самыхъ доказательствъ: такъ, первое изъ этихъ доказательствъ основывается на способѣ дѣйствованія силъ природы вообще и на присущей атомамъ способности движенія, въ частности. Сюда же, дальше, относятся доказательства: а) *основывающееся на понятіи закона*, б) *основывающееся на понятіи порядка*, в) *основывающееся на понятіи о всеобщей целесообразности бытія и явленій* или телеологичности міра (оно, поэтому, и у самаго Ульрици называется телеологическимъ),¹⁾ и, наконецъ, г) *основывающееся на существованіи и свойствахъ психической субстанціи или души.*²⁾

Таковы доказательства изъ объективной дѣйствитель-

¹⁾ Ульрици, излагая доказательства изъ объективной дѣйствительности во всѣхъ ихъ дробныхъ разновидностяхъ, не обозначаетъ послѣднихъ никакими спеціальными терминами, за исключеніемъ телеологическаго доказательства; и мы не будемъ для нихъ придумывать особеннаго названія, оставляя за ними только общее имя—онтологическихъ и космологическихъ.

²⁾ Какъ доказательство, основанное на свойствахъ человѣческой души, т. е., на чисто субъективныхъ, повидимому, элементахъ, попало въ категорію доказательствъ изъ объективной дѣйствительности, это мы объяснимъ впоследствии.

ности, раздѣляющіяся на два большихъ класса со всѣми тѣми частными видами ихъ, которые входятъ въ составъ каждаго изъ послѣднихъ.—Что же касается доказательствъ изъ *субъективной* дѣйствительности, то въ ней нельзя отмѣтить такихъ, болѣе или менѣе общихъ признаковъ, по которымъ заимствованныя изъ нея доказательства можно бы было раздѣлить, (хотя бы по примѣру доказательствъ изъ объективной дѣйствительности), на группы, обнимающія каждая своимъ общимъ содержаніемъ всѣ частные виды этихъ доказательствъ. Поэтому, Ульрици приходится уже прямо дѣлать послѣднія на всѣ ихъ частные виды по тѣмъ характернымъ признакамъ, въ которыхъ даются тѣ или другія частныя же опредѣленія субъективной дѣйствительности. Въ этомъ именно, отношеніи и различаются доказательства: а) антропологическое или психологическое¹⁾, основывающееся на природѣ человѣка, какъ отдѣльнаго индивида, б) *нравственное доказательство*, основывающееся на потребностяхъ моральной природы человѣка²⁾ и в) доказательство *теоретико-познавательное* или *гносеологическое*, иначе—логическое, основывающееся на логически-познавательныхъ функціяхъ нашего мышленія³⁾.

Вотъ, приблизительно, схема той классификаціи доказательствъ бытія Божія, по которой можно расположить

¹⁾ Объ этомъ доказательствѣ совсѣмъ нѣтъ упоминанія въ соч. „Богъ и Природа“. Какъ это случилось, объ этомъ мы скажемъ послѣ, какъ послѣ уже объяснимъ и то, почему это доказательство Ульрици называетъ психологическимъ, тогда какъ естественнѣе было бы назвать такъ доказательство изъ объективной дѣйствительности, изъ категоріи космологическихъ подъ буквой г) (послѣднее у Ульрици, собственно, никакъ не называется).

²⁾ Самъ Ульрици этого доказательства не называетъ этимъ, какъ и вообще никакимъ другимъ именемъ. Но названіе его „нравственнымъ“ какъ нельзя больше и лучше соответствуетъ существу дѣла.

³⁾ Теоретико-познавательное или гносеологическое доказательство называется этимъ именемъ, собственно, только въ сочиненіи „Богъ и Природа“ (рус. перев., томъ II, стр. 128); тамъ же (стр. 129) отъ него отличается доказательство специально-логическое. Между тѣмъ, въ упомянутой статьѣ это же самое доказательство излагается уже подъ однимъ именемъ логическаго (107—110),—что это значитъ? представляютъ-ли изъ себя эти, какъ будто два доказательства, нѣчто различное или же ихъ нужно соединить въ какое-нибудь одно? Отвѣтъ на эти вопросы мы дадимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

послѣднія у Ульрици и вотъ какъ можно ихъ квалифицировать. Не дѣлая выстуиленій за предѣлы этой схемы и не создавая новыхъ группировокъ, мы въ установленной градаціи и будемъ излагать эти доказательства, начавъ съ доказательствъ изъ объективной дѣйствительности.

Доказательства изъ объективной дѣйствительности.

Подъ доказательствами изъ объективной дѣйствительности ¹⁾ разумѣются у Ульрици такія доказательства, которыя заимствуютъ свои основанія изъ виѣшней, по отношенію къ человѣку, и потому, дѣйствительно, объективной природы и ея существенныхъ опредѣленій. Какъ было уже замѣчено выше, эти доказательства раздѣляются на двѣ большихъ группы: доказательства а) *онтологическія* и б) *космологическія*. Основаніемъ для такого дѣленія служить тотъ основной признакъ виѣшней природы, по которому естествознаніе смотритъ на послѣднюю, во первыхъ, какъ на феноменальную область бытія, имѣющаго въ своемъ реальномъ основаніи какой-нибудь дѣйствительный субстратъ или неизмѣнную единую сущность, какъ посетительницу всѣхъ міровыхъ явленій, всего бывающаго и измѣняющагося во вселенной; а во вторыхъ, какъ на благоустроенный космосъ, извѣстнымъ образомъ происшедшій изъ основ-

¹⁾ Изложеніе доказательствъ бытія Божія мы начинаемъ изъ доказательствъ изъ объективной дѣйствительности, а не изъ субъективной, хотя послѣдняя и ближе къ человѣку, но слѣдующимъ основаніямъ: правда для насъ нѣтъ ничего достовѣрнѣе того, что находится въ нашемъ сознаніи и непосредственно открывается намъ черезъ свидѣтельство послѣдняго. Но за то эта непосредственная достовѣрность субъективной дѣйствительности всегда отличается неустойчивостью и неопредѣленностью по причинѣ тѣхъ трудностей, съ которыми бываетъ сопряжено пользованіе методомъ самонаблюденія; а этимъ методомъ здѣсь, конечно, только и можно пользоваться. Въ этомъ отношеніи объективная дѣйствительность находится несравненно въ болѣе выгодномъ положеніи: на счетъ устанавливаемыхъ въ ея предѣлахъ положеній, какъ отличающихся болѣе или менѣе объективнымъ характеромъ, можно добиться болѣе общей всеобщности въ ихъ признаніи. Руководясь, именно, этимъ соображеніемъ, мы и поставили доказательства изъ объективной дѣйствительности впереди доказательствъ изъ дѣйствительности субъективной, слѣдуя принципу: отправляться отъ болѣе конкретнаго, извѣстнаго и несомнѣннаго и идти къ менѣе извѣстному, къ болѣе спорному и абстрактному.

ныхъ элементовъ міра,—изъ атомовъ и ихъ силъ,—со всеѣмъ разнообразіемъ отдѣльныхъ предметовъ и ихъ взаимныхъ отношеній, соединеній, раздѣленій и другихъ какихъ-либо комбинацій.—Въ первомъ случаѣ, получается „естествознательная онтологія“ или ученіе о бытіи и явленіяхъ природы, о сущности міра или о сущемъ въ самомъ себѣ; во второмъ—„естествознательная космологія“ ¹⁾ или ученіе объ устройствѣ міра, о томъ способѣ, какимъ явилась природа съ ея настоящимъ порядкомъ, универсъ со всеѣми его частями. И вотъ, доказательства, заимствующія свои основанія изъ естествознательной онтологіи, отъ нея и получаютъ свое названіе онтологическихъ доказательствъ бытія Божія ²⁾, а доказательства, развиваемыя на почвѣ естествознательной космологіи, по ея имени называются космологическими. Въ первомъ случаѣ, такимъ образомъ, естествознательная онтологія постулируетъ Бога, какъ свое необходимое предположеніе, а въ послѣднемъ съ такою же неизбѣжностью устанавливаетъ бытіе Божіе естествознательная космологія *также въ качествѣ* своей фундаментальной предпосылки.

Онтологическія доказательства бытія Божія.

Онтологическія доказательства бытія Божія, вообще, основываются на томъ первомъ очевиднѣйшемъ, никѣмъ еще не оспариваемомъ, основномъ опредѣленіи природы, по которыхъ послѣдняя понимается, какъ чрезвычайно различное чувственное бытіе, какъ нѣчто цѣлое или цѣльность различныхъ матеріальныхъ вещей, своею совокупностью составляющихъ внѣшне-объективный, видимый міръ со всеѣми расположенными въ немъ подлѣ и послѣ другъ друга предметами. Такимъ основнымъ опредѣленіемъ оказывается понятіе матеріи, съ одной стороны, и атомовъ—съ другой, и по этимъ именно двумъ понятіямъ можно различать основывающіяся на нихъ у Ульрици два различныхъ вида онтологическихъ

¹⁾ Терминологія Ульрици, имѣющая у него особый спеціальній смыслъ и значеніе.

²⁾ Значить, у Ульрици подъ именемъ онтологическихъ доказательствъ разумется совершенно не то, что понимается подъ ними въ обычномъ смыслѣ слова: доказательства бытія Божія изъ идеи Бога, Абсолютнаго, и Всесовершеннаго существа единственно истинно сущаго. На это нужно теперь же обратить вниманіе, чтобы потомъ не удивляться своеобразной терминологіи Ульрици.

доказательствъ бытія Божія. Мы сперва изложимъ доказательство, утверждающееся на понятіи атома, какъ менѣе спорнаго и отвлеченнаго, чѣмъ понятіе силы, а потомъ доказательство, основывающееся на понятіи матеріи или силы, отождествляемой Ульрици съ матеріей, и на ихъ взаимоотношеніи и дѣйствіи.

а) *Первое онтологическое доказательство, основывающееся на понятіи взаимной обуславливаемости атомовъ.*

Ульрици начинаетъ первое онтологическое доказательство съ исправленія того понятія, на которомъ строится это доказательство, т. е. естествознательнаго понятія атома, видоизмѣняя послѣднее въ смыслѣ приписанія его содержанію такого предикта, который раньше казался несомвѣстимымъ съ другими его свойствами; это—протяженность съ недѣлимостью. Логическая необходимость, по мнѣнію Ульрици, заставляеть человѣческій разумъ и волю считать атомы, эти послѣднія простыя части матеріи, хотя именно простыми и потому недѣлимыми, но, въ то же время, и протяженными элементами. Въ противномъ случаѣ, оставаясь на традиціонной точкѣ зрѣнія пониманія атомовъ, какъ нѣкоторыхъ простѣйшихъ, малѣйшихъ, незамѣтныхъ величинъ, не обладающихъ никакой протяженностью, а слѣдовательно, и дѣлимостью, естествознаніе запутывается въ безвыходномъ кругу логическихъ противорѣчій. Такъ, прежде всего, своимъ пониманіемъ атома естествознаніе утверждаетъ немислимость послѣдняго; и это потому, что вѣдь въ его пониманіи атомъ не есть какое-нибудь простое понятіе вродѣ, напр., геометрическаго понятія треугольника, могущаго, все-таки, быть представленнымъ въ умѣ; но атомъ, вслѣдствіе своей несложности, можетъ быть только созерцаемъ умомъ, каковое созерцаніе и не можетъ постигнуть того, что опредѣляется, какъ самое малое и простое. Слѣдовательно, въ естествознательномъ понятіи атома непредставимость и неоощутимость послѣдняго совпадаетъ съ его немислимостью, чѣмъ прямо указывается на несостоятельность этого понятія и на необходимость, если не отрицанія его, то, по крайней мѣрѣ, радикальнаго исправленія. Затѣмъ, подобное же противорѣчіе можно отмѣтить въ признаніи физиками относительно очень большого пустого пространства между

атомами: вѣдь если, по утверженію того же естествознанія, атомы держатся на разстояніи другъ отъ друга „своими собственными силами“, то для произведенія между ними разстоянія пустое пространство оказывается совершенно излишнимъ ¹⁾. Кромѣ того, предположеніе всюду и вездѣ находящагося между атомами пустого пространства исключало бы возможность ихъ соприкосновенія другъ съ другомъ; въ такомъ случаѣ было бы невозможно, чтобы одинъ атомъ когда-нибудь коснулся другого, чтобы атомъ, или молекула, или тѣло могли произвести ударъ, давленіе; вся природа тогда была бы и на всегда оставалась разъединеннымъ хаосомъ атомовъ, которые различнымъ образомъ двигались бы одинъ около другого, но никогда не могли бы соединиться въ массы или въ опредѣленные тѣла.—Наконецъ, естествознательное понятіе атома и само въ себѣ заключаетъ внутреннія противорѣчія, неустранимыя съ обычной точки зрѣнія; вѣдь если атомъ, какъ бы онъ ни былъ малъ, имѣетъ хоть какую-нибудь пространственную величину, то его уже нельзя опредѣлять чѣмъ-то недѣлимымъ, тогда нужно приписать ему возможность дѣленія, потому что въ понятіи всякаго количества непременно заключается возможность его безконечнаго дѣленія. Если же атомъ не имѣетъ никакой величины, никакой протяженности, то оказывается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ скопленіе не имѣющихъ протяженія точекъ могло образовать и дѣйствительно образовало протяженные массы или тѣла.

Всѣ подобныя несообразности и противорѣчія въ понятіи атома, по мнѣнію Ульрици, происходятъ отъ того, что естествознаніе, побуждаемое необходимостію приписывать атомамъ, хотя бы и не замѣтно малую протяженность или пространственную величину (чтобы не обратить атомы въ понятія, лишенныя всякаго смысла и содержанія), однако-же не дѣлаетъ этого изъ опасенія—потерять тогда другое ос-

¹⁾ Надо замѣтить, что, предполагая пустое пространство между атомами, естествознаніе не отождествляетъ его съ разстояніемъ между ними: послѣднее просто указываетъ на подлѣположеніе атомовъ рядомъ другъ съ другомъ и уничтожается тогда, когда атомы соприкасаются между собою; первое—представляетъ изъ себя какую-то положительную величину, которая составляетъ какъ бы свойство атомовъ, несотъемлемое отъ нихъ ни въ какомъ случаѣ и ни въ какомъ ихъ положеніи.

новное свойство атомовъ, безъ котораго они перестали бы быть самими собой,—именно, ихъ недѣлимость. Но нужно именно считать атомы нѣкоторыми реальными, экстенсивными и интенсивными величинами, обладающими, правда, въ высшей степени малой и, потому, незамѣтной, но все-таки дѣйствительной протяженностью. И нѣтъ надобности при этомъ, бояться того, что мы тогда будемъ вынуждены признать атомы дѣлимыми, т. е., отказаться отъ взгляда на нихъ, какъ на простые, послѣдніе, недѣлимые элементы или части матеріи, въ каковомъ случаѣ только они и могутъ быть въ собственномъ смыслѣ атомами. Если же естествознание и дѣлаетъ выводъ, неблагопріятствующій совмѣстному принятію протяженности и недѣлимости атомовъ, признавая только одну на счетъ другой, то этотъ выводъ основывается на недоразумѣніи или на смѣшеніи понятій. Правда, все то, что имѣетъ нѣкоторую протяженность или величину, должно пониматься какъ дѣлимое до безконечности. Но это можно сказать только относительно чистаго, простаго количества, какъ количество, или таковой же протяженности, какъ протяженности, т. е., какъ простыхъ категорическихъ формальныхъ понятій. Въ такомъ случаѣ, конечно, въ понятіи величины будетъ заключаться признакъ ея безконечной дѣлимости или возможности ея до безконечности быть увеличенной и уменьшенной; и уже тогда, разумѣется, нельзя говорить о количествѣ недѣлимомъ, самомъ маломъ или самомъ большомъ. Но вѣдь когда мы приписываемъ атомамъ извѣстную протяженность или величину, мы смотримъ на нихъ не какъ на простые количества (да въ объективной дѣйствительности и не существуетъ никакихъ простыхъ чистыхъ количествъ), не какъ на пустыя; безсодержательныя величины, а какъ на реальные предметы съ извѣстными качественными особенностями. „О качествѣ же, если оно имѣетъ и должно имѣть какую-нибудь пространственную величину, нельзя утверждать ни того, что оно безконечно дѣлимо, ни того, что оно можетъ быть представляемо такимъ“¹⁾. (Слѣ-

¹⁾ Для поясненія этой мысли Ульрици приводитъ примѣръ: возьмемъ какую-нибудь определенную величину, хотя бы число 5. Повидимому, эта величина можетъ безконечно дѣлиться, потому что мы постоянно слышимъ и сами говоримъ: 5 100, 5 1000, 5 10000... и т. д. Но это именно только повидимому: вѣдь если мы будемъ число 5

довательно, естествознаніе, когда оно изъ опасенія признать дѣлимость атомовъ въ случаѣ принятія ихъ протяженности, отрицаетъ послѣднюю для сохраненія недѣлимости, просто подмѣниваетъ понятія и неправильно переноситъ то, что приложимо только къ *понятію чистаго количества* безъ его отношенія къ дѣйствительнымъ предметамъ на *самые эти предметы*.

Значитъ, теперь мы смѣло можемъ признать атомы, эти послѣднія, незамѣтно малыя, матеріальныя частицы и недѣлимыми, что особенно дорого для естествознанія, и протяженными или пространственными величинами, что оно также съ радостью приняло бы, но не принимаетъ изъ ложнаго страха передъ необходимостью—отказаться тогда и отъ самыхъ атомовъ¹⁾. Протяженность атомовъ доказана.

понимать строго и точно тѣмъ, что оно есть и что выражаетъ, т. е. придадимъ заключающимся въ немъ единицамъ конкретное содержаніе, имѣющее отношеніе къ какимъ нибудь дѣйствительнымъ предметамъ, то оно будетъ суммой пяти единицъ, цѣлымъ, въ которомъ послѣднія собраны. Но какъ цѣлое, оно разлагается не до бесконечности, а только именно на 5 единицъ или частей, изъ которыхъ это число и составленно. Если же мы дѣлимъ 5 на 10, на 100, 1000 и т. д. то только потому, что мы можемъ каждое количественное только единство и, слѣдовательно, каждую изъ 5 единицъ, понимать опять какъ цѣлое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ дѣлимое даясь, т. е., мы понимаемъ тогда единицу, не какъ определенное цѣлое, определенную сумму, а какъ чистое количество вообще, какъ совершенно неопредѣленную величину: тогда, конечно, она можетъ дѣлиться до бесконечности, но уже это для насъ не будетъ имѣть никакого реального значенія и смысла, потому что тогда въ данной суммѣ будетъ отсутствовать всякое матеріальное содержаніе и она не будетъ отличаться ни отъ какой другой величины, совпадая съ категорическимъ формальнымъ понятіемъ количества вообще, подъ которое можетъ быть подведено какое угодно содержаніе.

¹⁾ Ульрици „Богъ и природа“, рус. пер. т. I. стр. 5—21. Установленное и исправленное Ульрици естествознательное понятіе атома въ свое время надѣлало много шума и вызвало много протестовъ со стороны тѣхъ ученыхъ и философовъ, которые стояли въ оппозиціи противъ Ульрици. По возбужденному вопросу началась оживленная полемика, литературнымъ мѣстомъ которой былъ извѣстный уже журналъ Ульрици. Не входя въ подробное описаніе долгихъ научно-философскихъ споровъ мы упомянемъ только о такомъ моментѣ въ исторіи полемики, когда Ульрици самъ долженъ былъ отвѣчать на специально его касающуюся статью проф. Гофмана по поводу перваго изданія сочиненія „Богъ и природа“, напечатанную въ его же жур-

И такъ естествознаніе въ правѣ принимать, хотя, конечно, какъ простую гипотезу, дѣйствительное существованіе атомовъ, и непремѣнно, съ тѣми поправками въ понятіи о нихъ, которые дѣлаетъ Ульрици. Но это понятіе недѣлимыхъ и протяженныхъ атомовъ само по себѣ еще ничего не говоритъ намъ о Богѣ и не даетъ пока основаній для необходимаго предположенія Его бытія. Для того, чтобы получить

налѣ: „Sendschreiben an den Herrn Prof. Dr. Ulrici aus Anlass seiner Schrift: „Gott und die Natur“, Leipz. Weigel. 1862 (Zeitschr. cit. 1862, B. 41, 55, 105—140), Ульрици непосредственно за этой статьёй написалъ и напечаталъ свой „отвѣтъ“ *ibid.* s.s. 140—172 и (Nachschrift) *ibid.* s.s. 162—170). Гофманъ затрагиваетъ здѣсь слишкомъ много вопросовъ, чтобы можно было по поводу всѣхъ ихъ и отвѣтовъ на нихъ Ульрици сказать что-нибудь въ подстрочномъ примѣчаніи. Поэтому, мы для примѣра остановимся только на первомъ изъ этихъ возраженій и на отвѣтѣ на него Ульрици. Гофманъ обвинялъ Ульрици въ томъ, что онъ въ своей попыткѣ научно-философскимъ путемъ обосновалъ естествознательную атомистическую теорію, именно, путемъ внесенія въ нее нѣкоторыхъ поправокъ, и самъ запутался въ противорѣчійхъ, и оказался не въ состояніи устранить противорѣчія атомической теоріи, въ которыя она неизмѣнно впадаетъ при обычной своей постановкѣ въ естествознаніи. Ульрици надо было снять съ себя подозрѣніе въ томъ, что будто онъ утверждаетъ, что атомы сами по себѣ немыслимы, и что основной взглядъ естествознанія на атомы, какъ на простые, недѣлимые элементы или частицы (матеріи)—заслуживаютъ этого упрека (s.s. 120—124). Въ опроверженія такого навязаннаго ему сужденія, Ульрици ссылается на 332 стр. своего сочиненія, гдѣ онъ прямо говоритъ, что до тѣхъ поръ, пока естествознаніе понимаетъ атомы, какъ простѣйшія, прямо невоспринимаемыя части матеріи, оно считаетъ атомы немыслимыми... потому, что въ такомъ представленіи атомы не будутъ никакими понятіями... Чтобы сдѣлать атомы мыслимыми, Ульрици приписалъ атомамъ протяженность, хотя все же оставилъ за ними и признакъ недѣлимости. И въ этомъ не было никакого противорѣчія, въ чемъ хотѣлъ упрекнуть его Гофманъ. потому что атомы, какъ реальныя физическія величины, должны обладать экстенсивной протяженностью, а какъ непростыя количества, но и качества—не могутъ быть дѣлимы до безконечности (s.s. 141—146). Установить истинный взглядъ на свое понятіе атома Ульрици считалъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что на немъ именно строится цѣлое и важное у него доказательство бытія Божія.—Такъ какъ его оппонентъ самаго доказательства не касался, а указывалъ только на то, что оно теряетъ свою доказательную силу, разъ его основная посылка—понятіе объ атомѣ—немыслима, то Ульрици считалъ свое дѣло оконченнымъ, когда исправилъ естествознательное понятіе атома, сдѣлавъ его мыслимымъ, и разъяснилъ суть этого исправленія Гофману.

такія основанія, необходимо вскрыть въ содержаніи понятія атома нѣкоторыя частныя стороны или элементы, изъ которыхъ съ необходимостью уже будетъ слѣдовать мысль о существованіи Бога.

Прежде всего изъ понятія объ атомахъ, какъ послѣднихъ, незамѣтныхъ, простыхъ, недѣлимыхъ и протяженныхъ элементахъ и частяхъ матеріи, слѣдуетъ, что ихъ съ самаго начала было множество ¹⁾, и изъ этого множества посред-

См. также изложеніе атомистической теоріи Ульрици у арх. Никанора въ соч. „Позитивная философія“ СПб. 1876 (т. I, стр. 123—125); тамъ же есть и критическій разборъ этой теоріи (стр. 168—175), на которомъ намъ останавливаться нѣтъ надобности.

По поводу излагаемыхъ нами общихъ положеній изъ естество-знательной онтологіи и космологіи въ ученіи о мірѣ и его устройствѣ, откуда Ульрици беретъ точки отиравленія для своихъ доказательствъ, надо вообще замѣтить, что мы тамъ беремъ естествознание въ томъ его состояніи, въ которомъ находилась эмпирическая наука при Ульрици и въ какомъ видѣ онъ самъ пользуется ея данными. Но съ тѣхъ поръ наука, конечно, значительно ушла впередъ и, поэтому, все то, что Ульрици говоритъ, напр. о матеріи, объ атомѣ, о силахъ и пр., устарѣло для нашего времени. И, дѣйствительно, даже такая общепринятая въ наукѣ теорія, какъ теорія атомистики, бывшая модной теоріей во времена Ульрици и еще не возбуждавшая никакихъ подозрѣній въ концѣ прошлаго столѣтія, въ настоящее время готова сойти со сцены и смѣниться новой теоріей, по которой и атомы являются сложными тѣлами; мы разумѣемъ электро-магнитную теорію или теорію о строеніи матеріи изъ электроновъ (см. статью Эйхенвальда: „Матерія и энергія“, напеч. въ „Вопр. фил. и псих.“ (1910 г. кн. 112). И ученіе о матеріи также видоизмѣняется теперь съ появленіемъ ученія объ эфирѣ, какъ о первоосновѣ всего. Симптомы этой перемѣны довольно замѣтно выступили въ самомъ началѣ XX вѣка, когда профессоръ I. Томсонъ началъ свою рѣчь въ одномъ изъ американскихъ университетовъ словами: „Всякая масса есть масса ээира; всякій моментъ есть моментъ движенія ээира“; всякая кинетическая энергія есть энергія движенія ээира (это было въ 1903 г.).—Поэтому, мы, излагая старыя данныя естествознанія и отношеніе къ нимъ Ульрици, вовсе не хотимъ признать за ними абсолютнаго значенія и указываемъ это затѣмъ, чтобы лучше можно было понять основанныя у Ульрици на этихъ данныхъ доказательства бытія Божія.

¹⁾ Отдѣльный атомъ, который могъ бы существовать одинъ и самъ по себѣ, былъ бы *contradictio in adjecto*, потому что онъ тогда былъ бы и частью и цѣлымъ въ одно и то же время; а еще потому, что только изъ множества элементовъ могли произойти разнообразныя и многочисленные видимыя предметы внѣшняго міра.

ствомъ присущихъ атомамъ же силъ, образовались различныя міровыя тѣла. А изъ первоначальной множественности атомовъ, въ свою очередь, вытекаетъ, что существованіе каждаго атома обуславливается существованіемъ другихъ атомовъ. Но эта взаимная обуславливаемость атомовъ должна имѣть свое особое, само по себѣ безусловное условіе, которое не можетъ заключаться въ нихъ самихъ или въ ихъ одновременномъ и совмѣстномъ существованіи ¹⁾. И это, за атомами находящееся, условіе ихъ обуславливаемости должно быть именно безусловнымъ, потому что таково-то и есть по своему существу истинное условіе. А каждое условное условіе, какъ условное, въ дѣйствительности не есть условіе, но только промежуточное звено между послѣднимъ условіемъ и болѣе отдаленнымъ слѣдствіемъ. Такимъ образомъ, безъ безусловнаго условія мы должны допустить рядъ условій, тянувшихся въ даль безконечною лентою и нигдѣ не имѣющихъ своего начала или исходнаго пункта. По отношенію же къ множеству атомовъ мы тогда должны бы допустить

¹⁾ Условіе взаимной обуславливаемости атомовъ не можетъ заключаться въ нихъ самихъ по слѣдующимъ тремъ соображеніямъ: 1) Тогда бы условное (обуславливаемость атомовъ) было бы въ то время (само по себѣ) и безусловнымъ, какъ условіе этой обуславливаемости; 2) Одновременное и совмѣстное существованіе атомовъ, какъ условіе ихъ обуславливаемости, было бы дано прежде ихъ взаимной обуславливаемости, такъ какъ условіе, вообще, должно существовать прежде того, чему оно служить условіемъ. (да и это-то немисливо, потому что атомы существуютъ лишь, какъ взаимно обусловленные другъ другомъ и 3) взаимное и совмѣстное существованіе атомовъ, разсматриваемое какъ условіе и, потому, какъ нѣчто предшествующее ихъ взаимной обуславливаемости, предшествовало бы ихъ собственному существованію, т. е., каждый атомъ существовалъ бы ранѣе своего собственного существованія. Все это съ чрезвычайной рѣзкостью выраженные внутреннія логическія противорѣчія.

Въ разъясненіе перваго противорѣчиваго положенія Ульрици строить такое уравненіе:

А = условію существованія В (но такъ же
В = условію существованія А.

Слѣдовательно А = условію условія А, а В = условію условія В.

Но то, что составляетъ условія самого себя или своей собственной обусловленности, т. е. не обуславливается ничѣмъ, есть, собственно, безусловное; значить, атомы въ одно и то же время и условны и безусловны:

нѣчто безсмысленное, именно то, что ихъ взаимная обусловленность безусловна,—положеніе, равносильное утверженію ледъ горячъ или не масляное масло. Чтобы избѣжать этой безсмыслицы, мы должны предположить существованіе безусловнаго условія, которое, какъ таковое, вполнѣ уже можетъ быть условіемъ обусловливаемости множества атомовъ; надо сказать даже больше—это безусловное условіе будетъ основаніемъ и самаго существованія атомовъ, потому что послѣднее нельзя отдѣлять отъ обусловленности атомовъ: только будучи условными атомы суть атомы.

Итакъ, нѣкоторое безусловное бытіе или Богъ существуетъ и бытіе его доказано ¹⁾).

Таково у Ульрици первое онтологическое доказательство бытія Божія, основывающееся, вообще, на понятіи атома, и, въ частности, на понятіи взаимной обусловливаемости первоначальнаго множества атомовъ. Самое важное въ этомъ доказательствѣ составляетъ содержаніе его меньшей посылки,—мысль о взаимной обусловливаемости атомовъ и о невозможности необходимому условію этой ихъ обусловливаемости заключаться въ нихъ самихъ, Матеріальную правильность этой посылки Ульрици, главнымъ образомъ, и старался доказать, устанавливая истинное понятіе атома и дѣлая изъ него соотвѣтствующіе выводы.

Изложенное доказательство кратко можно формулировать въ видѣ слѣдующаго логическаго силлогизма первой фигуры:

Maior: Всякая условность предполагаетъ условіе, которое, какъ условіе, должно быть безусловнымъ.

Minor: Атомы обусловливаются взаимно и условіе ихъ обусловливаемости не можетъ заключаться въ нихъ самихъ, ибо тогда условное было бы въ то же время и безусловнымъ.

Conclusio: Слѣдовательно, нужно предположить безусловное, которое, какъ основаніе обусловливаемости атомовъ, необходимо есть также и основаніе са-

¹⁾ „Богъ и Природа“, рус. пр. т. II, стр. 21—24.

маго ихъ существованія, то-есть, Бесусловное или Богъ существуетъ ¹⁾).

Изъ этого доказательства, конечно, нельзя вывести еще никакого конкретнаго представленія о Богѣ. И оно не доказываетъ бытія Божія въ религіозномъ смыслѣ этого слова. Здѣсь просто доказывается необходимость признанія существованія Безусловнаго, Абсолютнаго начала, какъ основаніе простыхъ, первичныхъ матеріальныхъ элементовъ природы. Но и этого пока для Ульрици достаточно, тѣмъ болѣе, что безусловность есть первый, основной признакъ понятія Бога, и отсюда же ясно, что Богъ есть и что понятіе о Немъ возможно ²⁾).

Къ такимъ же результатамъ приводитъ и другое онтологическое доказательство, какъ это открывается изъ слѣдующаго.

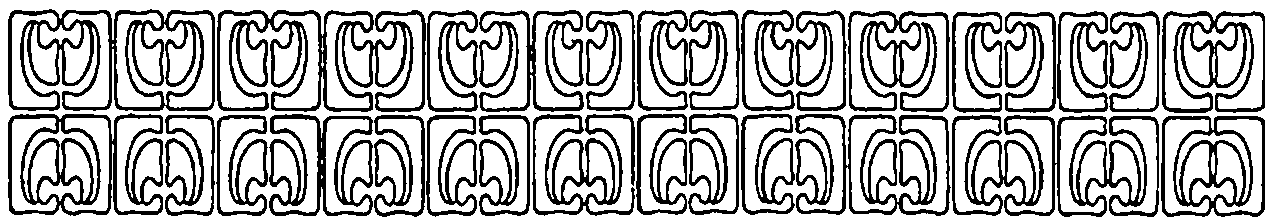
И. Нечаевъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Мы пока совершенно объективно излагаемъ доказательства бытія Божія, не касаясь вопроса объ ихъ правильности и не отмѣчая тѣхъ логическихъ промаховъ въ нихъ, которые намъ будутъ попадаться на дальнѣйшемъ пути изложенія. Свои задачи по отношенію къ этимъ доказательствамъ мы ограничиваемъ только классификаціей ихъ по разнымъ группамъ, родамъ и видамъ, а также—ихъ систематическимъ изложеніемъ и логической формулировкой.

²⁾ Другія положительныя и болѣе конкретныя опредѣленія въ понятіи о Богѣ могутъ вытекать только изъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія атомовъ и устроенной изъ нихъ вселенной; и эти опредѣленія Ульрици составляетъ постепенно, по мѣрѣ развитія своихъ доказательствъ.

Рѣшеніе вопроса о страданіяхъ въ русской литера- турѣ съ христіанской точки зрѣнія.

I.

По согласному признанію выдающихся русскихъ критиковъ и историковъ литературы: „Наша художественная литература служитъ несомнѣннымъ и подлиннымъ выраженіемъ всей русской культуры, высшимъ проявленіемъ и лучшимъ цвѣтомъ ея“¹⁾. Русская литература есть центральное проявленіе русскаго духа, фокусъ, въ которомъ сошлись выдающіяся свойства русскаго ума и сердца²⁾. Соответственно основной чертѣ духовнаго склада русскаго человѣка—интересоваться вопросами высшаго религіозно-нравственнаго порядка, и русская литература въ выдающихся своихъ произведеніяхъ представляетъ постановку и выясненіе глубоко жизненныхъ нравственныхъ и религіозныхъ вопросовъ. Здѣсь читатель несомнѣнно найдетъ отвѣтъ на вѣчные, такъ наз. „проклятые“ вопросы,—какъ жить, во имя чего трудиться, какъ оцѣнивать значеніе человѣческой дѣятельности, и тому подобные вопросы, неизбежно волнующіе мысль всякаго живого человѣка. Проблемы религіозная и этическая самыя жизненные и самыя „метафизичныя“ изъ всѣхъ философскихъ проблемъ, будучи на Западѣ представлены въ сотняхъ томовъ чисто философскихъ сочиненій, посвященныхъ ихъ изслѣдованію, въ Россіи почти не имѣютъ для себя оригинальной, специально-философской литературы. Но

¹⁾ Вопросы религіи II вып. 1908.

²⁾ С. А. Венгеровъ. Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы. СПБ. 1909. Стр. 11.

зато эти проблемы (особенно вторая) во всей ихъ полнотѣ и многогранности являются темою русской художественной литературы въ лучшихъ ея представителяхъ, которые, такъ обр., восполнили недостатокъ отвлеченно-философской постановки указанныхъ проблемъ въ русскомъ общественномъ сознаниіи. По вѣрному сужденію С. Н. Булгакова: „До сихъ поръ мы, русскіе, мало чѣмъ обогатили міровую философскую литературу, и единственнымъ нашимъ оригинальнымъ философомъ остается пока Влад. Соловьевъ. Однако если мы не имѣемъ обширной и оригинальной научной литературы по философіи, то мы имѣемъ наиболѣе философскую изящную литературу; та сила мысли нашего народа, которая не выразилась въ научныхъ трактатахъ, нашла для себя исходъ въ художественныхъ образахъ, и въ этомъ отношеніи въ теченіе XIX вѣка, по крайней мѣрѣ второй половины его, мы въ лицѣ Достоевскаго и Толстого, даже Тургенева, въ меньшей степени и Чехова—идемъ впереди европейской литературы, являясь для нея образцомъ. Великія сокровища духа скоплены въ нашей литературѣ, и нужно умѣть цѣнить ихъ“¹⁾. Въ романахъ Достоевскаго, нужно прямо сказать, заключено гораздо больше подлинной философіи, нежели въ десяткахъ томовъ профессоровъ философіи и вообще школьныхъ ея представителей²⁾.

Если же такъ, то ясно, что русская литература—самое могучее, самое радикальное средство противъ пошлости, противъ духовнаго мѣщанства и заскорузлости, когда человекъ на міръ Божій располагаетъ смотрѣть съ точки зрѣнія кошелька или желудка. Эту духовную ограниченность нужно рѣшительно сбросить съ себя, вступая въ пантеонъ русской литературы. Здѣсь не мѣсто будничному, апатичному настроенію, равнымъ образомъ и праздному любопытству. Вѣдь съ сердечною тугою ставились нашими поэтами и писателями жизненные вопросы, и, несомнѣнно, рѣшеніе ихъ достигалось съ ихъ стороны путемъ высшаго напряженія всѣхъ ихъ духовныхъ силъ. Вѣдь нѣкоторые наши пи-

¹⁾ Отъ марксиста къ идеализму. Сборникъ статей. СПб.—1903. Иванъ Карамазовъ, какъ философскій типъ. 84 стр.

²⁾ С. Н. Булгаковъ. Вѣнецъ терновый. Памяти Ѳ. М. Достоевскаго 4 стр.

сатели является предъ нами въ „терновыхъ вѣнцахъ“ (Достоевскій).

Изъ сокровищницы русской литературы предметомъ настоящей статьи является прежде всего поэма Пушкина: „Мѣдный Всадникъ“. Данная поэма для насъ важна по своей основной идеѣ. Своею задачею мы ставимъ оцѣнку этой идеи. Содержаніе поэмы извѣстно. Оно приурочено къ ноябрю 1824 года, когда наша сѣверная столица пережила страшное наводненіе. Передъ нами выступаетъ здѣсь бѣдный мелкій чиновникъ, тяготящійся своимъ положеніемъ необеспеченнаго человѣка. Одинъ просвѣтъ существуетъ для него въ его трудовой, бѣдной жизни,—это любовь къ Парашѣ. Но и здѣсь судьба готовила ему страшное испытаніе. Уже наканунѣ наводненія Евгеній съ грустью подумывалъ, что изъ-за бурной непогоды онъ 2 или 3 дня будетъ принужденъ не видѣться съ своей Парашей. За ночь вѣтеръ сдѣлалъ свое дѣло, наступившее утро освѣтило страшную картину наводненія. Мы застаемъ своего героя на Петровской площади. Онъ спасается отъ бушующихъ волнъ, смывающихъ и глотающихъ все на своемъ пути, на мраморной статуѣ, изображающей льва. А передъ нимъ въ „непоколебимой вышинѣ“ сидитъ съ простертою рукою гигантъ на бронзовомъ конѣ, то-есть передъ нимъ высится памятникъ Петру I-му. Но Евгеній занятъ мыслями и чувствами не о себѣ и о своей безопасности.

Его „отчаянные взоры“ были прикованы къ одному ключку земли, находившемуся у самаго залива: тамъ стоялъ ветхій домикъ—жилище любимой имъ дѣвушки и ея матери; но теперь тамъ вздымались и гуляли на просторѣ яростныя волны. Страшныя мысли безпорядочно носились въ разгоряченной головѣ Евгенія. Онъ даже ясно не сознавалъ того, что происходило вокругъ него:

. Или во снѣ
 Онъ это видитъ? Иль вся наша
 И жизнь ничто, какъ сонъ пустой,
 Насмѣшка рока надъ землей?
 И онъ, какъ будто околдованъ,
 Какъ будто къ мрамору прикованъ,
 Сойти не можетъ!

Утихла непогода. Нева стала входить въ свои берега. Евгений спѣшилъ въ знакомую и дорогую для него часть города. Но снесенныя ворота и домъ, въ которомъ жила его Параша, его мечта, повѣдали ему о горькомъ печальномъ событіи. Любимое имъ существо стало одною изъ безчисленныхъ жертвъ наводненія. Бѣдный Евгений не могъ выдержать этотъ ударъ и сошелъ съ ума.—Далѣе началась жизнь безъ свѣта разума; уже не осмысленная, идейная жизнь, направленная къ осуществленію опредѣленной цѣли, но жалкое существованіе.

И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
Влачить—ни звѣрь, ни человѣкъ,
Ни то, ни сѣ—ни житель свѣта,
Ни призракъ мертвый...

Впрочемъ, однажды его сознаніе прояснилось. Къ нему возвратилась трезвая, здравая мысль. Но печально было пробужденіе сознанія. Ужасное прошлое оживилось въ немъ. Онъ угодили какъ разъ на то мѣсто (Петровскую площадь), гдѣ спасался во время наводненія. Опять передъ нимъ высился „мѣдною главою“ тотъ,

. . . Чьей волею роковой
Надъ моремъ городъ основался...

Евгению показалось, что онъ нашелъ виновника своего несчастія, своей разбитой жизни. Да, конечно, виновникъ этотъ вотъ этотъ мѣдный гигантъ, воздвигшій столицу при морѣ, подвергшій тѣмъ ее всѣмъ ужасамъ наводненія и обрекшій на тяжелыя страданія и несчастія многихъ, многихъ людей, вѣдь Евгений является только однимъ изъ многихъ, такъ жестоко пострадавшихъ отъ наводненія. Евгений приближается къ мѣдному всаднику, и слово проклятія срывается съ его усть:

„Добро, строитель чудотворный!“
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ:
„Ужо тебѣ!“

Но онъ не успѣлъ излить всей своей желчи, всего своего негодованія. Онъ былъ наказанъ за свою дерзость, за этотъ вызовъ, брошенный „Мѣдному Всаднику“. Этотъ послѣдній чувствуетъ свою правоту: лицо его возгорается

гнѣвомъ, и онъ по пятамъ преслѣдуетъ дерзкаго пигмея Евгенія.

. Показалось
Ему, что грознаго царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И онъ по площади пустой
Бѣжитъ и слышитъ за собой
Какъ будто грома грохотанье,
Тяжело звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.—
И озаренъ луною блѣдной,
Простерши руки въ вишинѣ,
За нимъ несется всадникъ мѣдный
На звонко скачущемъ конѣ.
И во всю ночь безумецъ бѣдный
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду всадникъ мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скалалъ“.

Такъ Евгеній и не нашелъ себѣ удовлетворенія. Дерзкимъ и безумнымъ былъ протестъ его противъ мѣднаго всадника, и самъ же онъ не устоялъ съ словомъ протеста предъ „горделивымъ истуканомъ“, въ ужасѣ бѣжавъ отъ него. Весною его трупъ нашли у порога разрушеннаго дома его возлюбленной. Такъ печально кончилъ онъ.

Изъ переданнаго содержанія поэмы открывается ея основная мысль, мысль глубоко серьезная и въ высшей степени важная. Ее можно формулировать такъ. Крупные историческіе факты, значеніе которыхъ рассчитано на цѣлыя массы, требуютъ и стоятъ многихъ жертвъ. Тѣмъ не менѣе эти жертвы не умаляютъ значенія этихъ фактовъ—событій и реформъ, равно какъ и величія крупныхъ историческихъ дѣятелей и реформаторовъ.

Безумно и дерзко протестовать противъ нихъ. Значеніе ихъ начинаній и реформъ опредѣляется плодотворностью послѣднихъ для *цѣлой* страны, для *широкихъ* массъ. А тѣ жертвы, хотя бы и человѣческія, хотя бы даже и не единичныя, которыхъ стоятъ ихъ „дѣла“, должны быть скинуты со счетовъ и не бросать тѣни на дѣятелей и реформа-

торовъ, на ихъ дѣянія и реформы. Эта мысль въ разсматриваемой поэмѣ имѣетъ слѣдующее конкретное выраженіе. Петербургъ былъ основанъ Петромъ Великимъ на мѣстѣ въ топографическомъ отношеніи неудачномъ—подверженномъ наводненіямъ. Преобразователь могъ предвидѣть тѣ несчастія, которыя должны были грозить обитателямъ столицы. Эти несчастія потомъ дѣйствительно обнаружались. Евгений—одна изъ многихъ жертвъ этихъ несчастій. Но въ творческіе, преобразовательные планы Петра вовсе не входило считаться съ этими индивидуальными несчастіями обитателей столицы. Раздумывая на „берегу пустынныхъ волнъ“, на мѣстѣ современнаго Петербурга, о судьбахъ Россіи, о ея задачахъ, о необходимости ея сближенія съ европейской культурой и цивилизаціей, Петръ нашелъ, что именно этотъ пунктъ наиболѣе удобенъ для указанныхъ цѣлей, стоявшихъ предъ всею Россіей.

Отсель грозить мы будемъ шведу.

Здѣсь будетъ городъ заложенъ

На зло надменному сосѣду;

Природой здѣсь намъ суждено

Въ Европу прорубить окно.

И вотъ, въ видахъ осуществленія этихъ замысловъ—„ногою твердой стать при морѣ“, дабы приобщить всю Россію къ плодамъ западно-европейской культуры, Петръ и создалъ новую столицу, хотя на мѣстѣ, подверженномъ наводненіямъ.

Отъ грандіозныхъ замысловъ великаго преобразователя Россіи наше вниманіе переносится, въ поэмѣ Пушкина, къ мелкому, бѣдному чиновнику Евгению, одной изъ единицъ миллионнаго петербургскаго населенія. Разразившееся надъ Петербургомъ наводненіе въ корнѣ разбило его мечты о тихомъ маленькомъ личномъ счастьѣ, унесло безвозвратно предметъ его любви и чрезъ это его самого довело до сумасшествія. Онъ не считается съ широкими планами Петра, онъ занятъ личнымъ своимъ счастьемъ, и такъ какъ въ Петрѣ онъ видитъ виновника своего несчастія, то и бросаетъ ему горькій упрекъ, проклятіе. Вотще! Мѣдный Всадникъ считаетъ себя правымъ, онъ возгорается гнѣвомъ и преслѣдуетъ безумца Евгенія. Ему нѣтъ дѣла до личнаго счастья

и несчастья Евгенія. „Мощный властелинъ судьбы“, онъ взвѣшивалъ и учитывалъ задачи и судьбы всего русскаго народа, а на претензіи „единицъ“, какъ Евгеній, которыя указываютъ ему на ихъ личныя несчастья, принесенныя его „дѣлами“, онъ отвѣчаетъ гнѣвомъ. И авторъ, видимо, становится на сторону Петра и защищаетъ его дѣло отъ нападокъ тѣхъ лицъ, которымъ петровыя планы стоили оч. дорого,—счастья ихъ личной жизни, даже самого разума¹⁾.

Очевидно, что здѣсь поднимается принципиальный вопросъ. Дѣло не только въ неудачномъ топографическомъ положеніи Петербурга, подверженнаго наводненіямъ и разбивающаго счастье Евгеніевъ. *Вся* петровская реформа, всѣ войны, которыя онъ велъ, стоили опять-таки многихъ жертвъ и разбили личное счастье не одного Евгенія. И опять-таки съ великаго преобразователя снимается отвѣтственность за всѣ эти жертвы, ибо онѣ окупаются конечными цѣлями и результатами всѣхъ его реформъ и войнъ, — благомъ и счастьемъ *цѣлой* Россіи. Несомнѣнно также и то, что не личность только Петра имѣется здѣсь въ виду: вопросъ можно поставить еще шире. Вообще преобразователи, реформаторы, полководцы, общественные дѣятели освобождаются отъ отвѣтственности за тѣ несчастья, за тѣ слезы, которыя проливаются отдѣльными людьми при осуществленіи ихъ широкихъ плановъ и замысловъ, рассчитанныхъ на благо большинства. Принципъ общаго блага и общей пользы становится выше принципа личнаго счастья. Историческій общественный процессъ въ своемъ развитіи, колесница исторіи въ своемъ прогрессивномъ шествіи давить отдѣльныя личности, обезсмысливаетъ ихъ личное существованіе. Общее благо покупается цѣною разбитыхъ индивидуальныхъ жизней. Но такъ какъ ходъ человѣческой исторіи есть именно процессъ общественный, рассчитанный на общество и предназначенный для всего общества, то индивидуальныя жизни, гибнуція при вращеніи колеса исторіи, не идутъ въ счетъ, не бросаютъ тѣни на самый историческій процессъ. Эти жертвы—желѣзный законъ исторіи, противъ котораго ничего не подѣлаешь и который тре-

¹⁾ „Эта поэма—апоэозъ Петра Вели., самая смѣлая, самая грандіозная, какая могла только придти въ голову поэту, вполне достойному быть пѣвцомъ великаго преобразователя Россіи“ (Нѣлинскій).

буетъ себѣ безусловнаго подчиненія. А окупаются эти индивидуальныя жертвы конечными результатами процесса— всеобщей гармоніей, благомъ и счастьемъ.

Вотъ мысль, высказываемая очень часто; даже болѣе: мысль, являющаяся необходимой предпосылкой многихъ явленій общественной жизни, мысль, слѣдовательно, имѣющая важное жизненное значеніе. Эту мысль, намъ кажется, и можно извлечь изъ поэмы „Мѣдный Всадникъ“. Мысль эта и подлежатъ теперь нашему разсмотрѣнію.

Можно-ли помириться и принять, на самомъ дѣлѣ, тотъ желѣзный законъ, который утверждаетъ и оправдываетъ необходимость „ирраціональнаго“ элемента въ исторіи, то-есть необходимость жертвъ, неизбежность ихъ, жертвъ хотя и нелѣпыхъ, хотя и возбуждающихъ чувство жалости? Можетъ ли личность быть принесена въ жертву обществу? Позволительно ли вообще трактовать человѣческую личность какъ средство, которымъ можно пользоваться, имѣя въ виду какую-либо высокую цѣль,—будетъ ли то общее благо, какое-либо научное открытіе и т. п.? Вотъ рядъ вопросовъ, которые навязываются мысли.

Съ тѣхъ поръ, какъ надъ землей засіяли лучи христіанства и уходящія въ высь кресты христіанскихъ церквей появились на мѣстахъ языческихъ капищъ, а ликъ распятаго Спасителя міра приковалъ къ себѣ взоры людей, всѣ указанные вопросы не остаются открытыми и не допускаютъ также двухъ рѣшеній. Прописною является та истина, что христіанство безмѣрно возвысило значеніе человѣческой личности, именно индивидуальной личности. Хронологическія даты рѣшительно говорятъ въ пользу того утвержденія, что именно христіанство возвысило личность и создало интересъ къ судьбамъ *личной* или *отдѣльной* жизни. Дохристіанская древность вовсе не проразумѣвала всего значенія каждой *единичной* личности¹⁾. Эвиль-Рамовичъ, изслѣдователь „раз-

¹⁾ Фейербахъ говоритъ, что „понятіе челоѣка какъ индивида у древнихъ условливалось понятіемъ рода или общины. Хотя они и высоко цѣнили родъ, достоинства и разумъ, но объ индивидѣ они были невысокаго мнѣнія“. (Сущность христіанства. Перев. съ 4-го нѣмец. изд. СІБ. 1906. 145 стр.). Срав. Фюстеля-де-Куланжа: Гражданская община античнаго міра. „Личность челоѣка не значила почти ничего (у древнихъ) предъ тою священною и чуть не божественною властью, которая называлась отечествомъ или государствомъ“ (М.— 1867 г. 296 стр.).

витія человѣческой индивидуальности“, какъ на характерную черту „древнихъ (дохристіанскихъ) культуръ“, указываетъ на господствующую въ нихъ „власть типовъ“, что парализовало „центробѣжныя индивидуализирующія силы“ и опредѣлило собою упадокъ античныхъ культуръ. Въ этюдѣ же: „Индивидуальность въ христіанствѣ“ авторъ такъ говоритъ о возрѣвнн христіанства на личность: „вдохновенной концепціей идеей новое ученіе перемѣстило центръ тяжести человѣческаго бытія, съ принципа насильственного подчиненія типамъ, на принципъ суверенитета личности. Величіе христіанства, всепобѣждающій паѳосъ Евангелія—въ неограниченномъ довѣрїи къ силамъ человѣческой души, въ абсолютномъ признанїи личности судьей и повелителемъ своей собственной судьбы“¹⁾.

Такое значеніе утверждается въ Христіанствѣ за личностью всею суммою его догматическихъ положеній. По смыслу христіанскаго ученія, каждый человѣкъ есть носитель образа Божія. Ради спасенія человѣка Сынъ Божій пришелъ на землю (Іоан. 3, 16) и обогриль своею драгоцѣнною кровью крестное древо. Отсюда то личность въ христіанствѣ трактуется какъ „купленная цѣною“ (1 кор. 6, 20), цѣною „честной крови яко Агнца непорочна и пречиста Христа“ (1 Петр. 1, 19). Человѣческая личность цѣннѣе всего внѣшняго міра со всѣмъ богатствомъ и разнообразіемъ его формъ. Вотъ съ одной стороны весь міръ, а съ другой—только одна человѣческая душа. И что жъ? „Какая польза человѣку“—читаемъ въ Евангелїи (Мѳ. 16, 26)—„если онъ прїобрѣтетъ весь міръ, а душу своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою“?—Дѣйствительно, „никакое самое смѣлое воображеніе не въ состоянїи представить себѣ чего-либо высшаго по сравненїю съ евангельскимъ ученіемъ и безцѣннымъ достоинствѣмъ человѣческой личности“²⁾.

Фактически это значеніе христіанства въ обоснованїи принципа личности далеко не всегда признается даже поборниками „индивидуальности“; но это обстоятельство, конечно, нисколько не умаляетъ всего дѣйствительнаго значенія христіанства въ возвышенїи личности. „Многіе отреклись

¹⁾ Индивидуальность и прогрессъ. Этюды. СІІБ. 1903 г. 54—55 стр.

²⁾ Проф.-прот. Е. Аквилонъ. Объ истинной свободѣ и нравственномъ долгѣ. СІІБ.—1905 г. 26 стр.

теперь отъ христіанства, но никто изъ отрекающихся отъ древа не отрекся отъ этого плода, на немъ выросшаго“ (С. Н. Булгаковъ). Воспитавшись въ атмосферѣ христіанскихъ понятій, мы говоримъ языкомъ ихъ часто даже безсознательно для самихъ себя. По вѣрному замѣчанію Э. Рамовича: „принципы христіанства стали, подобно идеямъ пространства и времени, чѣмъ-то въ родѣ кантовскихъ категорій мысли, внѣ коихъ не въ состояніи размышлять современное человѣчество“¹⁾.

Безпристрастная же научная мысль отмѣчаетъ то обстоятельство, что именно христіанство выставило въ чистомъ видѣ идею человѣческой личности, освободивши ее отъ поглощавшей власти „національныхъ типовъ“, „государства—города“, или „патріархальной деспотіи“ востока.

„Христіанское ученіе явилось однимъ изъ первыхъ и главнѣйшихъ факторовъ, вырвавшихъ личность изъ-подъ абсолютнаго господства гражданскаго строя. Оно внушило людямъ мысль, что надъ „абсолютнымъ государствомъ“ или рядомъ съ нимъ существуетъ иное, высшее нормопониманіе. Оно создавало импульсъ къ высвобожденію человѣческой личности изъ-подъ абсолютнаго, политическаго нормопониманія, владѣвшаго ею исключительно,—импульсъ моральный, высокаго практическаго значенія. Оно было однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ, вліявшихъ на дальнѣйшее образованіе *идеи личности*, то-есть понятія о челоѣкѣ, какъ о существѣ, цѣнность котораго опредѣляется чѣмъ-то болѣе высшимъ, чѣмъ одною принадлежностью къ роду, къ „государству—городу“ или „патріархальной деспотіи“ востока“²⁾.

¹⁾ Индивидуальность и прогрессъ. 68 стр.

²⁾ Ар. Фатѣевъ. „Что новаго внесло христіанство въ созиданіе идеи личности и ея правъ по сравненію съ древне-античной этико-политической философіей. „Церковная газета. 1906 г. №№ 5, 6 и 7. Срав. А. Гарнака „Сущность христіанства“ (М.—1906.): „Впервые І. Христосъ указалъ на цѣнность каждой *отдельной* человѣческой души. Можно относиться какъ угодно къ самому Іисусу, но въ признаніи за нимъ этого исторически-великаго дѣла никто ему отказать не можетъ: Іисусъ безконечно возвеличилъ человѣчество“ (47 стр.). П. Струве. „Индивидуализмъ и социализмъ“: „*Политическая идея личности въ той формѣ, въ какой она уже сильной струей пробивается въ европейской культурѣ, начиная съ XVI вѣка,—христіанскаго происхожденія*“ (Полярная звѣзда. 1906 г. № 11. Стр. 756). См.

Ясное дѣло, что христіанское воззрѣніе на личность, пропитавъ и срастворивъ своимъ духомъ мысль человѣческую, должно было радикально измѣнить господствовавшія прежде понятія о человѣкѣ, его цѣнности и достоинствѣ. Если предъ Богомъ дорога каждая индивидуальная человѣческая личность, то очевидно она рѣшительно не можетъ быть отдана въ жертву чему бы то ни было.

Вѣдь кровь Христа, по христіанскому сознанию, не можетъ быть оцѣнена никакою денежною суммою. Правда, Іуда взялъ за своего Учителя только 30 сребренниковъ, но его судьба извѣстна, а для христіанскаго міра онъ сталъ предметомъ ужаса и содроганія. Если же безцѣнна кровь Христа, то безцѣнна и личность человѣческая, купленная этою кровью. Апостолы, стремясь поднять христіанское самосознаніе, указывали вѣрующимъ именно на кровь Христа, которою они куплены: *„Вы куплены дорогою цѣною; не дѣлайтесь рабами человѣковъ“* (1 Кор. 7, 23); *„Со страхомъ проводите время странствованія вашего, зная, что не тлѣннымъ серебромъ или золотомъ искуплены вы отъ суетной жизни, но драгоценною кровью Христа, какъ непорочнаго и чистаго агнца“* (1 Петр. 1, 17—19). Отсюда очевидно, что никакія соображенія общаго или государственнаго блага, никакія мечтанія о радужномъ свѣтломъ будущемъ не могутъ служить для христіанскаго сознанія мотивомъ къ пренебреженію личности, ея страданіями, ея личной судьбой.

Никакія блага какого-угодно количества людей не могутъ уравнивать страданій *единичной* личности. Жизненная гармонія и счастье, стоящія хотя бы единой человѣческой личности, перестаютъ быть гармоніей для христіанскаго сознанія.

Вотъ здѣсь-то ужъ никакъ нельзя не упомянуть Ѳ. М. Достоевскаго. „Въ великомъ созвѣздіи русской художественной литературы онъ сіяетъ среди звѣздъ первой величины“ (Волжскій). И кардинальная черта русскаго духа—интересъ

также проф. Е. Боброва „Изъ исторіи критическаго индивидуализма“ (Казань 1898): „Христіанство подарило міру новую метафизику, дало новое надежное основаніе, „камень краеугольный“ для возведенія величественнаго умозрительнаго зданія: мы разумѣемъ принципъ *личности*“ (12 стр.). Также Фюстель-де-Куланжъ. „Гражданская община“... 534 стр.

къ вопросамъ высшаго религіозно-нравственнаго порядка, какъ разъ Достоевскаго—то и отличаетъ, да онъ самъ и подчеркивалъ эту черту въ русскомъ человѣкѣ.

Припомнимъ, какъ Иванъ Карамазовъ, сидя въ скверномъ трактирѣ, говоритъ своему брату Алешѣ: „русскіе мальчишки какъ до сихъ поръ орудуютъ. Иные то-есть?

Вотъ, напримѣръ, здѣшній вонючій трактиръ, вотъ они и сходятся, засѣли въ уголь. Всю жизнь прежде не знали друга друга, а выйдутъ изъ трактира, сорокъ лѣтъ опять не будутъ знать другъ друга, ну и что же, о чемъ они будутъ разсуждать, пока поймали минутку въ трактирѣ-то? () міровыхъ вопросамъ, не иначе: есть-ли Богъ, есть-ли безсмертіе? А которые въ Бога не вѣруютъ, ну, тѣ о социализмѣ и объ анархизмѣ заговорятъ, о передѣлкѣ всего человѣчества по новому штату, такъ вѣдь это одинъ же чортъ выйдетъ, все тѣ же вопросы, только съ другого конца. И множество множество самыхъ оригинальныхъ русскихъ мальчиковъ только и дѣлаютъ, что о вѣковѣчныхъ вопросахъ говорятъ у насъ въ наше время. Развѣ не такъ?—Да,—настоящимъ русскимъ вопросы о томъ, есть-ли Богъ и есть-ли безсмертіе, или, какъ вотъ ты говоришь, вопросы съ другого конца, конечно, первые вопросы и прежде всего, да такъ и надо“,—отвѣтилъ ему на это Алеша“¹⁾.

Во всякомъ случаѣ, въ своихъ произведеніяхъ Достоевскій поднималъ самые „головокружительные“, глубоко-жизненные вопросы, между прочимъ и разсматриваемый нами вопросъ объ „ирраціональномъ элементѣ въ исторіи, о цѣнности человѣческой личности. Припомнимъ эти, ни съ чѣмъ несравненныя, главы изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“: Братья знакомятся“, и „Бунтъ“. „Достоевскій достигаетъ здѣсь поистинѣ титанической мощи и отваги, кровью написаны эти главы, единственныя въ своемъ родѣ во всей міровой литературѣ“²⁾. И какой своеобразный замыселъ кроется даже въ этой обстановкѣ, гдѣ сходятся братья въ первый разъ для разговора, для разговора о Богѣ и его мірѣ. Иванъ, о которомъ говорится, что онъ не любилъ ни пьянства, ни разврата и до трактировъ вообще не охотникъ“, и послуш-

¹⁾ Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевскаго. XII т. Братья Карамазовы. СПб.—1888 г. 271 стр.

²⁾ Булгаковъ. Иванъ Карамазовъ... 94 стр.

никъ Алексѣй, сидятъ въ грязномъ трактирѣ, на манеръ того, въ какомъ Раскольниковъ слушалъ рассказъ Мармеладова. Они сидятъ „за ширмами во входной комнатѣ, съ буфетомъ у боковой стѣны. По ней поминутно шмыгали половые. Изъ посѣтителей былъ одинъ лишь старичекъ, отставной военный, и пилъ въ уголку чай.

Зато въ остальныхъ комнатахъ трактира происходила вся обыкновенная трактирная возня, слышались призывные крики откупориванія пивныхъ бутылокъ, стукъ билліардныхъ шаровъ, гудѣлъ органъ¹⁾. А за ширмами, въ уголкѣ, подвѣргаются суровой оцѣнкѣ творческіе замыслы Бога, открывается всемірно-историческая даль, развертываются бездонныя глубины легенды о великомъ инквизиторѣ, возносятся къ небу виміамъ человѣческой мысли... Есть что-то подлинно-русское въ этой простотѣ и отсутствіи всякихъ внѣшнихъ обстановочныхъ эффе́ктовъ, съ которыми выражены здѣсь великія идеи.—Въ такой-то обстановкѣ братья впервые знакомятся между собою. Иванъ Карамазовъ какъ разъ „въ окончательномъ результатѣ“ не понимаетъ смысла человѣческой жизни именно въ виду факта человѣческихъ страданій. Онъ говоритъ своему брату Алешѣ: „Принимаю Бога и не только съ охотой, но мало того, принимаю и премудрость Его и цѣль Его,—намъ совершенно ужъ неизвѣстныя, вѣрую въ порядокъ, въ смыслъ жизни, вѣрую въ вѣчную гармонию, въ которой будтобы всѣ сольемся, вѣрую въ Слово, къ которому стремится вселенная и которое само „бѣ къ Богу“ и которое есть само Богъ, ну, и прочее и прочее, и т. д. въ безконечность. Словъ-то много на этотъ счетъ надѣлано. Кажется, ужъ я на хорошей дорогѣ?—а? Ну, такъ представь же себѣ, что въ окончательномъ результатѣ я міра этого Божьяго—не принимаю, и хоть и знаю, что онъ существуетъ, да не допускаю его вовсе. Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я міра Имъ созданнаго, міра-то Божьяго не принимаю и не могу согласиться принять. Оговорюсь: я убѣжденъ какъ младенецъ, что страданія заживутъ и сгладятся, что весь обидный комизмъ человѣческихъ противорѣчій исчезнетъ какъ жалкій миражъ, какъ гнусенькое измышленіе малосильнаго и маленькаго, какъ атомъ чело-

¹⁾ Братья Карамазовы 265 стр.

вѣческаго эвклидовскаго ума, что, наконецъ, въ міровомъ финалѣ, въ моментъ вѣчной гармоніи, случится и явится нѣчто до того драгоцѣнное, что хватить его на всѣ сердца, на утоленіе всѣхъ негодованій, на искупленіе всѣхъ злодѣйствъ людей, всей пролитой ими ихъ крови, хватить, чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все, что случилось съ людьми,—пусть, пусть это все будетъ и явится но я-то этого не принимаю и не хочу принять! Пусть даже параллельныя линіи сойдутся, и я это самъ увижу: увижу и скажу, что сошлись, а все-таки не приму. Вотъ моя суть, Алеша, вотъ мой тезисъ“ 1).

„Обидный комизмъ человѣческихъ противорѣчій“—страданія въ человѣческой жизни обезсмысливаютъ въ глазахъ Ивана Карамазова самое существованіе міра, онъ не можетъ „принять“—оправдать фактъ его существованія. И чѣмъ беззащитнѣе страдающее существо, тѣмъ нелѣпнѣе становится существованіе міра, и рѣшительно становится невозможнымъ соглашеніе на какую-либо гармонію. Въ этомъ отношеніи страданія невинныхъ дѣтокъ уже никогда не покрываются никакими объясненіями и дѣлаютъ эфемерной и призрачной рѣшительно всякую „гармонію“, какую кто-либо заблагоразсудилъ бы создать въ своемъ воображеніи. Вотъ какими, за душу хватающими, разсужденіями выражаетъ эту мысль Иванъ Карамазовъ. „Дѣвочку маленькую, пятилѣтнюю, возненавидѣли отецъ и мать „почтеннѣйшіе и чиновные люди, образованные и воспитанные“... Понимаешь-ли ты это, когда маленькое существо, еще не умѣющее даже осмыслить, что съ ней дѣлается, бьетъ себя въ подлѣмъ мѣстѣ и въ темнотѣ, и въ холодѣ крошечнымъ своимъ кулачкомъ въ надорванную грудку и плачетъ своими незлобными кроткими слезками къ „Боженькѣ“, чтобы тотъ защитилъ его,—понимаешь-ли ты эту ахиною, другъ мой и братъ мой, послушникъ ты мой Божій и смиренный, понимаешь-ли ты, для чего эта ахиная такъ нужна и создана! Безъ нея, говорятъ, и пробыть-бы не могъ человѣкъ на землѣ, ибо не позналъ бы добра и зла. Для чего познавать это чертово добро и зло, когда это столького стоитъ? Да вѣдь весь міръ познанія не стоитъ тогда этихъ слезокъ ребеночка къ „Боженькѣ“. Я не

1) Ibidem. 273 стр.

говоря про страданія большихъ, тѣ яблоко съѣли и чортъ съ ними, и пусть бы ихъ всѣхъ чортъ взялъ, но эти, эти! Мучаю я тебя, Алешка, ты какъ будтобы не въ себѣ...

Одну, только одну еще картинку.... Это было въ самое мрачное время крѣпостного права, и да здравствуетъ Освободитель народа! Былъ тогда въ началѣ столѣтія одинъ генералъ, генералъ со связями большими и богатѣйшій помѣщикъ, но изъ такихъ, которые, удаляясь на покой со службы, чуть-чуть не бывали увѣрены, что выслужили себѣ право на жизнь и смерть всѣхъ подданныхъ. Такіе тогда бывали. Ну, вотъ живетъ генералъ въ своемъ помѣстьѣ въ 2000 душъ, чванится, третируетъ мелкихъ сосѣдей, какъ приживальщиковъ и шутовъ своихъ. Псарня съ сотнями собакъ и чуть не сотня псарей, всѣ въ мундирахъ, всѣ на коняхъ. И вотъ, дворовый мальчикъ, маленькій мальчикъ, всего восемь лѣтъ, пустилъ какъ то играя камнемъ и зашибъ ногу любимой генеральской гончей. „Почему собака моя любимая охромѣла?“ Докладываютъ ему, что вотъ, дескать, этотъ самый мальчикъ камнемъ въ нее пустилъ и ногу ей зашибъ. „А, это ты“, оглядѣлъ его генералъ,—„взять его!“ Взяли его, взяли у матери, всю ночь просидѣлъ въ кутузкѣ; на утро, чѣмъ свѣтъ, выѣзжаетъ генералъ во всемъ парадѣ на охоту, сѣлъ на коня, кругомъ него приживальшники, собаки, псари, ловчіе, всѣ на коняхъ. Вокругъ собрана дворня для назиданія, а впереди всѣхъ мать виновнаго мальчика. Выводятъ мальчика изъ кутузки. Мрачный, холодный, туманный осенній день, знатный для охоты. Мальчика генералъ велѣлъ раздѣть, ребеночка раздѣваютъ всего донага, онъ дрожить, обезумѣлъ отъ страха, не смѣетъ пикнуть..... „Гони его!“ командуетъ генералъ; „бѣги, бѣги!“ кричатъ ему псари, мальчикъ бѣжитъ.... „Ату его!“ вопить генералъ и бросаетъ на него всю стаю борзыхъ собакъ. Затравилъ въ глазахъ матери, и псы растерзали ребенка въ клочки! ¹⁾...

Факты такихъ вотъ страданій, страданій невинныхъ существъ, страданій нелѣпыхъ, бессмысленныхъ, происходящихъ по волѣ какого-либо выживающаго изъ ума старика генерала, по глубокому убѣжденію Ивана Карамазова, рѣшительно обезсмысливаютъ существованіе міра и не примиря-

¹⁾ ibidem 280—282 стр.

ются (не осмысливаются) никакою конечною гармонією; побуждаютъ даже честнаго человѣка рѣшительно отказаться отъ такой гармоніи, ибо мысль объ этихъ невинныхъ страданіяхъ всегда будетъ отравлять спокойное „гармоничное“ существованіе человѣка; притомъ же никакая конечная гармонія не изгладитъ страданій и слезъ, пролитыхъ на землѣ за время ея историческаго существованія, а между тѣмъ нравственное чувство требуетъ возмездія за эти страданія; его то и дѣтъ.—Разсказавши о генералѣ, затравившемъ восьмилѣтняго мальчика, Иванъ Карамазовъ обратился къ брату съ вопросомъ: „Ну... что же его? Разстрѣлять? Для удовлетворенія нравственнаго чувства разстрѣлять? Говори Алешка!

— Разстрѣлять! тихо проговорилъ Алеша, съ блѣдною, перекосившеюся какою-то улыбкой, поднявъ взоръ на брата.

— Bravo! завопилъ Иванъ въ какомъ-то восторгѣ,—ужь коли ты сказалъ, значитъ.... Ай да схимникъ! Такъ вотъ какой у тебя бѣсенокъ въ сердечкѣ сидитъ, Алешка Карамазовъ!

....Мнѣ надо возмездіе, продолжалъ Иванъ, иначе вѣдь я истреблю себя. И возмездіе не въ безконечности гдѣ-нибудь и когда-нибудь, а здѣсь уже на землѣ, и чтобы я его самъ увидалъ. Я вѣровалъ, я хочу самъ и видѣть, а если къ тому часу буду уже мертвъ, то пусть воскресятъ меня, ибо если все безъ меня произойдетъ, то будетъ слишкомъ обидно. Не для того же я страдалъ, чтобы собой, злодѣйствами и страданіями своими унавозить кому-то будущую гармонію. Я хочу видѣть своими глазами, какъ лань ляжетъ подлѣ льва и какъ зарѣзанный встанетъ и обнимется съ убившимъ его. Я хочу быть тутъ, когда всѣ вдругъ узнаютъ, что все такъ было. На этомъ желаніи зиждутся всѣ религіи на землѣ, а я вѣрую. Но вотъ, однакоже, дѣтки, и что я съ ними тогда стану дѣлать? Это вопросъ, который я не могу рѣшить. Въ сотый разъ повторяю,—вопросовъ множество, но я взялъ однихъ дѣтокъ, потому что тутъ неотразимо ясно то, что мнѣ надо сказать. Слушай: если всѣ должны страдать, чтобы страданіемъ купить вѣчную гармонію, то причемъ тутъ дѣтки,—скажи мнѣ пожалуйста? Совсѣмъ непонятно, для чего должны были страдать и они, и зачѣмъ имъ покупать страданіями гармонію? Для чего они-то тоже попали въ матеріаль и унавозили собою для кого-то будущую гармонію?

Солидарность въ грѣхѣ между людьми я понимаю, понимаю и въ возмездіи, но не съ дѣтками же солидарность въ грѣхѣ, и если правда въ самомъ дѣлѣ въ томъ, что они солидарны съ отцами ихъ во всѣхъ злодѣяніяхъ отцовъ, то, ужъ конечно, правда эта не отъ міра сего и мнѣ непонятна. Иной шутникъ скажетъ, пожалуй, что все равно дитя выростетъ и успѣетъ нагрѣшить, но вотъ же онъ не выросъ, его восьмилѣтняго затравили собаками. О, Алеша, я не богохульствую! Понимаю же я, каково должно быть потрясеніе вселенной, когда все на небѣ и подъ землею сольется въ одинъ хвалебный гласъ и все живое и жившее воскликнетъ: „Правъ Ты, Господи, ибо открылись пути Твои“! Ужъ когда мать обнимется съ мучителемъ, растерзавшимъ псами сына ея, и всѣ трое возгласятъ со слезами: „Правъ Ты, Господи“, то, уже конечно, настанетъ вѣнецъ познанія и все объяснится. Но вотъ тутъ-то и запятая, этого то я и не могу принять. И пока я на землѣ, я спѣшу взять свои мѣры. Видишь-ли, Алеша, вѣдь, можетъ (быть, и дѣйствительно такъ случится, что когда я самъ доживу до того момента, али воскресну, чтобы увидать его, то и самъ я, пожалуй, воскликну со всѣми, смотря на мать, обнявшуюся съ мучителемъ ея дитяти: „Правъ Ты, Господи“, но я не хочу тогда восклицать. Пока еще время, спѣшу оградить себя, а потому отъ высшей гармоніи совершенно отказываюсь. Не стоитъ она слезинки хотя бы одного только того замученнаго ребенка, который билъ себя кулачкомъ въ грудь и молился въ зловонной конурѣ своей неисккупленными слезками своими къ „Боженькѣ“! Не стоитъ, потому что слезки его остались неисккупленными. Они должны быть искуплены, иначе не можетъ быть и гармоніи. Но чѣмъ, чѣмъ ты искупишь ихъ? Развѣ это возможно? Неужто тѣмъ, что онѣ будутъ отомщены? Но зачѣмъ мнѣ ихъ отмщенье, зачѣмъ мнѣ адъ для мучителей, что тутъ адъ можетъ поправить, когда тѣ ужъ замучены? И какая же гармонія, если адъ: я простить хочу и обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше. И если страданія дѣтей пошли на пополненіе той суммы страданій, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранѣе, что вся истина не стоитъ такой цѣны. Не хочу я, наконецъ, чтобы мать обнималась съ мучителемъ, растерзавшимъ ея сына псами!

Не смѣетъ она прощать ему! Если хочетъ, пусть проститъ за себя, пусть проститъ мучителю материнское безмѣрное страданіе свое; но страданія своего растерзаннаго ребенка она не имѣетъ права простить, не смѣетъ простить мучителя, хотя бы самъ ребенокъ простилъ ихъ ему! А если такъ, если они не смѣютъ простить, гдѣ же гармонія?

Есть-ли во всемъ мірѣ существо, которое могло бы и имѣло право простить? Не хочу гармоніи, изъ-за любви къ человѣчеству не хочу. Я хочу лучше оставаться со страданіями неотомщенными. Лучже ужъ я останусь при неостомщенномъ страданіи моемъ и неутоленномъ негодованіи моемъ, хотя бы я былъ и не правъ. Да и слишкомъ дорого оцѣнили гармонію, не по карману нашему вовсе столько платить за входъ.

А потому свой билетъ за входъ сцѣну возвратить обратно. И если только я честный человѣкъ, то обязанъ возвратить его какъ можно заранѣе. Это и дѣлаю. Не Бога я не принимаю, Алеша, а только билетъ Ему почтительнѣйше возвращаю ¹⁾. Вотъ на какія высоты умозрѣнія возводитъ насъ гений Достоевскаго. Здѣсь мысль доведена до ея послѣднихъ, самыхъ крайнихъ выводовъ, и мы становимся предъ мыслию, которая обезоруживаетъ и смущаетъ насъ своею прямолинейностью.

О Достоевскомъ самомъ можно сказать словами чорта про подвижниковъ, которыхъ послѣднему приходилось искушать и душа которыхъ „стоитъ цѣлаго созвѣздія“. „Такія бездны вѣры и невѣрія могутъ созерцать въ одинъ и тотъ же моментъ, что, право, иной разъ кажется: только-бы еще одинъ волосокъ—и полетитъ человѣкъ „вверхъ тормашки“ ²⁾.

Безстрашно, неотразимо сильно высказываетъ Иванъ Карамазовъ свое основное положеніе, что никакое жизненное благо какого угодно количества людей, даже высшее благо и гармонія—вѣчное царство Божіе, рѣшительно немыслимы въ виду факта страданій. „Никто и никогда не ставилъ такъ гениально проблему самоцѣльности человѣка, никто и никогда не вскрывалъ такъ ярко всю этическую неприемлемость формулы: „человѣкъ—средство“ ³⁾.

¹⁾ Ibidem 282—284 стр.

²⁾ Ibidem 730 стр.

³⁾ Ивановъ—Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. II т. СПб.—1908 г. 275 стр.

Человѣческія страданія по видимому обезсмысливаютъ рѣшительно всякую гармонію, и человѣкъ, если только онъ „честный“, непремѣнно долженъ возвратитъ билетъ на входъ въ счастливое царство, такъ какъ позади—то стоитъ цѣлое море человѣческихъ страданій.

Какъ-же можно говорить теперь о необходимости „ирраціональнаго элемента“ въ исторіи? Какъ можно мириться съ нимъ? На судьбу несчастныхъ Евгеніевъ мы можемъ ли теперь смотрѣть со спокойнымъ сердцемъ и на ихъ костяхъ равнодушно наслаждаться всѣми благами культурной жизни? Личная жизнь ихъ разбита, личное счастье не осуществлено; и если отъ этого не проигрываетъ, а часто даже и выигрываетъ общее благо, счастье большинства, то вѣдь и при этомъ условіи ихъ личное несчастье все таки не перестаетъ быть несчастьемъ. Безсмысліе ихъ личной жизни не покрывается смысломъ „цѣлаго“, смысломъ существованія общества, человѣчества. Эту мысль мы настойчиво подчеркиваемъ: если разбить смыслъ личной жизни, то его не восполнитъ смыслъ всей исторіи, смыслъ историческаго существованія всего человѣчества. Покрывать безсмысліе единичныхъ жизней смысломъ историческаго существованія всего человѣчества это значитъ просто путаться въ словахъ или играть словами. Въ данномъ случаѣ, конечно, предполагается, что человѣчество есть нѣчто большее и высшее, чѣмъ единый человѣкъ, и что безсмысліе индивидуальной жизни можетъ, поэтому, разрѣшиться и сгладиться въ этомъ высшемъ смыслѣ историческихъ судебъ всего человѣчества. Но это-то положеніе и разбиваютъ защитники личности, смысла ея индивидуальнаго существованія. Проф. Озе говоритъ: „человѣчество представляетъ собою не реальнаго живого субъекта, а лишь совокупность многихъ отдѣльныхъ индивидовъ. То человѣчество, которое противопоставляется отдѣльнымъ лицамъ, не что иное, какъ проэктированное общее понятіе человѣчества, отнюдь не пригодное къ тому, чтобы быть носителемъ историческаго развитія. Индивиды не суть преходящіе примѣры всеобщаго понятія человѣчества, но существенныя части и члены реальнаго цѣлаго, въ которомъ каждому члену опредѣлено и обезпечено свойственное ему мѣсто. Поэтому, къ историческому развитію и не можетъ быть предъявляема такая цѣль, которая находилась бы внѣ

отдѣльныхъ реальныхъ особей, и прогресса въ собственномъ смыслѣ мы не должны искать въ цѣлостномъ, ходѣ исторіи во всей его совокупности, но только въ каждой изъ ея точекъ, то-есть въ индивидуальныхъ личностяхъ, изъ дѣяній коихъ слагается исторія¹⁾.

Всѣмъ извѣстный профессоръ и публицистъ С. Н. Булгаковъ въ сборникѣ „Проблемы идеализма“ пишетъ: „То, что позитивизмъ называетъ человѣчествомъ,—есть повтореніе на неопредѣленномъ пространствѣ и времени и неопредѣленное количество разъ насъ самихъ со всей нашей слабостью и ограниченностью. Имѣетъ наша жизнь абсолютный смыслъ, цѣну и задачу, ее имѣетъ и человѣчество; но если жизнь cadaго челоѣка, отдѣльно взятая, является безсмыслицей, абсолютной случайностью, то также безсмысленны и судьбы челоѣчества. Не вѣруя въ абсолютный смыслъ жизни личности и думая найти его въ жизни цѣлаго собранія намъ подобныхъ, мы, какъ испуганныя дѣти, прячемся другъ за друга; логическую абстракцію хотимъ выдать за высшее существо, впадая, такимъ образомъ, въ логическій фетишизмъ, который не лучше простого идолопоклонства, ибо мертвому, нами созданному, объекту приписываемъ черты живого Бога“²⁾.

Въ виду этого жизненные цѣли нужно признать стоящими не передъ „человѣчествомъ“ вообще,—а передъ каждымъ единичнымъ челоѣкомъ, и прогрессъ, какъ осуществленіе данныхъ цѣлей, открывается прежде всего не въ историческомъ процессѣ всего челоѣчества, а въ личной жизни cadaго отдѣльнаго челоѣка. И отсюда уже совсѣмъ ясно, что если личная жизнь представляется разбитой и личное существованіе — обезсмыслено, то этого безсмыслія никакъ не восполнить „смыслъ“ жизни челоѣчества.

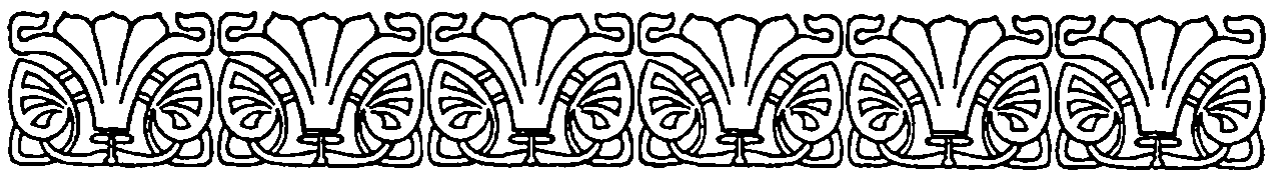
А. Н. Ериовъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Персонализмъ и проэктивизмъ въ метафизикѣ Лотце. Курьевъ. 1896 г. 156—157 стр.

²⁾ Основные проблемы теоріи прогресса. 20 стр.

Факты и воспоминанія изъ жизни герцоговнца на службѣ по духовно-учебному вѣдомству.

(Продолженіе *).

Преосвященный Менандръ, Епископъ Прилукскій.

Послѣ преосвященнаго Тихона, менѣе года пребывавшаго на Полтавскомъ викариатствѣ († 4 декабря 1906 г.), епископомъ Прилукскимъ назначенъ былъ (22 декабря 1896 г.) ректоръ Костромской духовной семинаріи, архимандритъ Менандръ (въ мірѣ Петръ Созонтъевъ), кандидатъ Московской академіи 1881 г. Въ числѣ служащихъ въ Полтавскихъ учебныхъ заведеніяхъ были лица, знавшія его по школьной скамѣ въ Харьковской семинаріи и по службѣ въ семинаріяхъ Таврической и Кишиневской. Въ послѣдней семинаріи онъ состоялъ пять лѣтъ инспекторомъ (съ 1885 по 1890 г.), да еще въ то время, когда тамъ владычествовалъ слишкомъ разборчивый и требовательный архіепископъ Сергій, впоследствии митрополитъ Московскій († въ 1898 г.). Общеотзывы о іеромонахѣ Менандрѣ были благопріятны, а когда состоялось (въ 1890 г.) назначеніе его на должность ректора Костромской семинаріи, гдѣ епископствовалъ преосвященный Августинъ (Гуляницкій); бывший викарій Кишиневской епархіи, утвердилось мнѣніе, что онъ должно быть умный человекъ. Если преосвященный Августинъ, не любившій политиканства ни въ какой формѣ и, вѣроятно, изъ за него разошедшійся со сладкоглаголивымъ и очень предусмотрительнымъ ректоромъ семинаріи, архимандритомъ Сергіемъ (Ланинъ), перемѣщеннымъ на ту же должность въ Симбирскую семинарію († въ 1904 г. въ санѣ архіепископа Ярославскаго), пожелалъ имѣть въ подчиненной ему семинаріи о. Менандра, то зна-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 6 за 1913 г.

читать послѣдній вполне заслуживать оказанной ему чести. Такъ разсуждали многіе, а въ числѣ ихъ и я. Поэтому назначеніе архимандрита Менандра епископомъ Прилукскимъ встрѣчено было въ Полтавскомъ духовномъ мірѣ не неблагопріятно. Зато при дѣйствительной встрѣчѣ съ преосвященнымъ викаріемъ въ половинѣ февраля 1897 г. очень разочаровались его невзрачнымъ внѣшнимъ видомъ, а потомъ и его, болѣе чѣмъ оригинальными, дѣйствіями. Чуть ли не на другой день по прибытіи въ Полтаву онъ лично заѣзжалъ въ отдѣленіе Государственнаго Банка и положить на храненіе свои сбереженія, чѣмъ произвелъ необыкновенную сенсацию въ городѣ. Всѣ рѣшительно осуждали его за этотъ поступокъ, выражали сомнѣніе въ его якобы философскомъ складѣ ума и утвердительно говорили о его крайней подозрительности и недовѣрчивости. Послѣднее высказывалось по поводу его привычки запирается на ключъ въ кабинетъ, что дѣйствительно производило непріятное впечатлѣніе на посѣтителей, приходившихъ къ нему по дѣлу и безъ дѣла.

При приѣмѣ меня и о. инспектора іеромонаха Агапита молодой архіерей былъ довольно внимателенъ, а не обнаружилъ теплохладности и при представленіи ему семинарской корпораціи. Зато семинаріею совсѣмъ не интересовался и удостоилъ ее своимъ посѣщеніемъ черезъ мѣсяць по приѣздѣ. Какія установились у него отношенія съ правящимъ владыкою,—не могу сказать. Знаю только, что преосвященный Иларіонъ выразилъ сожалѣніе, что ему, глубокому старцу, дали въ помощь мало-дѣятельное лицо. По представленію ли Полтавскаго владыки или по непосредственному распоряженію высшаго начальства, крайне недовольнаго неосторожнымъ посѣщеніемъ Банка преосвященнымъ Менандромъ, 24-го мая 1897 г. состоялось перемѣщеніе его на викаріатство Подольское, съ титуломъ епископа Балтскаго.

Преосвященный Филиппъ. Епископъ Прилукскій.

Преемникомъ преосвященному Менандру по епископству Прилукскому и викаріатству Полтавскому назначенъ былъ 5-го іюля и хиратонисанъ 17-го августа 1897 г. ректоръ Самарской семинаріи, архимандритъ Филиппъ (въ мірѣ Іаковъ Бекаревичъ), кандидатъ Петербургской академіи 1888 г. Служеніе его продолжалось немного болѣе двухъ лѣтъ (съ

17 августа 1897 по 6 ноября 1899 г.), но ознаменовалось многими неприятностями и даже печальми для отдельных лицъ. Насколько онъ былъ архіерей умный и знающій, я не могу сказать утвердительно. Знаній своихъ онъ у насъ ничѣмъ не обнаружилъ, а рѣзкія замѣтки въ путевыхъ журналахъ при поѣздкахъ по епархіи и на журналахъ правленій духовныхъ училищъ говорили только, что онъ владыка, можетъ быть, и очень умный, но не благодостный. Нѣкоторыя дѣйствія его давали основаніе заключать, что онъ излишне самолюбивъ, обидчивъ, не чуждъ самомнѣнія, догматиченъ въ сужденіяхъ и распоряженіяхъ, черствъ сердцемъ, формаленъ, гдѣ не нужно, и склоненъ къ обходу закона, гдѣ слѣдовало бы поддержать его. Чтобы сказанное и ниже сообщаемое не давало повода къ предположенію, что у меня были какіе нибудь личные счеты съ преосвященнымъ Филиппомъ, совѣстью іерейскою свидѣтельствую, что я всегда относился къ нему съ уваженіемъ и пользовался его архипастырскимъ благовниманіемъ.

Первая встрѣча съ преосвященнымъ Филиппомъ.

Съ молодымъ викаріемъ Полтавской епархіи я имѣлъ честь познакомиться еще до прибытія его въ Полтаву. Въ концѣ августа 1897 г. владыка Иларіонъ далъ мнѣ порученіе съѣздить въ Москву представиться тогдашнему предсѣдателю Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, преосвященному Гурію, поговорить съ нимъ о церковно-школьныхъ нуждахъ Полтавской епархіи и оттуда направиться въ Петербургъ для доклада о томъ же оберъ-прокурору Св. Синода. Исполнивъ данныя мнѣ порученія, я 28-го августа зашелъ на Митрофаніевское подворье, гдѣ имѣлъ мѣстопробываніе тогдашній владыка Финляндскій архіепископъ Антоній, чтобы представиться его высокопреосвященству и получить отъ него святительское благословеніе. Сердечнѣйшій архипастырь милостиво принялъ меня, ввелъ въ свою гостинную и познакомилъ съ двумя архіереями—Анастасіемъ Туркестанскимъ и Филиппомъ Прилукскимъ. Случайная встрѣча съ Полтавскимъ викаріемъ обрадовала меня, и я, насколько удобно было и зависѣло отъ благодостнаго хозяина, обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами о Полтавщинѣ. Появленіе Лаврскаго архимандрита съ распоряженіями отъ митро-

полита Палладія, гдѣ надлежитъ совершать богослуженіе архіепископу 29 и 30-го августа, пріостановило нашу бесѣду, но когда о. архимандритъ откланялся, а вслѣдъ за нимъ и епископъ Анастасій, владыка Антоній, съ присущею ему ласковостью, сказалъ намъ: „поговорите вы о Полтавскихъ дѣлахъ, а я нѣсколько минутъ займусь своими“. Мое второе начальство—малое по росту, съ мелкими чертами лица и всей фигуры,—по внѣшнему виду было благообразно, но бесѣду вело неохотно и не особенно пытливо, такъ что въ короткое время мы съ нимъ переговорили о всемъ интересовавшемъ его.

Гораздо больше любопытства Полтавскими дѣлами обнаружилъ владыка Антоній. Онъ очень интересовался благоплодною дѣятельностію преосвященнаго Иларіона по насажденію церковно-приходскихъ школъ въ Полтавской епархіи, особенно женскихъ, съ видимымъ удовольствіемъ говорилъ о его теплыхъ отношеніяхъ къ покойному епископу Тихону, который былъ преподавателемъ и сослуживцемъ высокопреосвященнаго въ Казанской академіи, и поручилъ мнѣ передать ему свой братскій поклонъ. Владыка Антоній былъ тогда замѣчательно жизнерадостенъ и весьма охотно дѣлился своими впечатлѣніями объ Англіи, куда онъ путешествовалъ для присутствованія на юбилеѣ королевы Викторіи и откуда недавно возвратился. Я очень интересовался газетными извѣстіями о посѣщеніи имъ Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ и спросилъ владыку, насколько дѣйствительны сообщенія о существующей въ нихъ дисциплинѣ? Его высокопреосвященство, скорбя о нашихъ школьныхъ неурядицахъ, повѣдалъ намъ, что въ Англіи общество такъ дисциплинировано, что тамъ немыслимо нарушеніе дисциплины въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и что она въ нихъ гораздо строже, чѣмъ у насъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ тогда все-таки сравнительно было исправно. Живо представляю себѣ любвеобильнаго архипастыря наканунѣ его владычества въ царствующемъ градѣ, но, Боже мой, какую рѣзкую переменѣну я примѣтилъ въ его кроткомъ лицѣ черезъ пять лѣтъ въ ноябрѣ 1902 г.! Труды, заботы и сознаніе великой отвѣтственности за корабль церковный, обуреваемый всякими напастями, такъ сильно отразились на первоіерархѣ русской церкви, что, при присут-

ствіи благостности, очень замѣтно стало у него отсутствіе прежней радостной настроенности.

Вторая и послѣдующія встрѣчи съ преосвященнымъ Филиппомъ.

На четвертый или пятый день послѣ случайной встрѣчи и знакомства съ преосвященнымъ Филиппомъ, я представлялъ ему оффиціально семинарскую корпорацію въ его монастырскихъ покояхъ, а затѣмъ встрѣчалъ его въ семинаріи и у себя на квартирѣ. Духъ молчаливости не покидалъ его преосвященство. Приѣмъ семинарской корпораціи былъ строго оффиціаленъ, не сопровождался модными цѣлованіями и не обнаружилъ намѣреній молодого архіерея, въ какія отношенія онъ желаетъ стать къ семинаріи. Не открылось намъ это и при посѣщеніи имъ семинаріи вмѣстѣ съ правящимъ архіереемъ. Вѣроятно онъ ожидалъ, что правящій владыка поручитъ ему завѣдываніе семинаріей, какъ раньше поручалъ преосвященному Михаилу, но такого распоряженія не послѣдовало. Мѣсяць спустя, по случаю выбытія изъ Полтавы преосвященнаго Иларіона на короткое время въ Гурзуфъ, гдѣ тогда пребывалъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, преосвященный Филиппъ служилъ въ семинарской церкви наканунѣ и въ праздникъ иконы Иверской Божіей Матери (13-го октября), но и въ этотъ торжественный для семинаріи праздникъ ни въ храмѣ послѣ богослуженія, ни въ правленіи за чашкой чаю не осчастливилъ насъ словомъ устъ своихъ. Пока мы оставались въ невѣдѣніи, какого духа епископъ Филиппъ, стали доходить слухи о его рѣзкихъ резолюціяхъ на журналахъ правленій Лубенскаго и Переяславскаго духовныхъ училищъ. Не знаю, выражалъ ли кто нибудь изъ преподавателей семинаріи свои мысли вслухъ по поводу ходившихъ слуховъ, но скоро двумъ изъ нихъ пришлось почувствовать на себѣ ревность духа епископа Филиппа.

Жалоба преосвященнаго Филиппа на преподавателей семинаріи.

Въ одинъ изъ ноябрьскихъ дней преосвященный викарій пріѣхалъ въ семинарію, чтобы побывать на урокахъ преподавателей. Я его встрѣтилъ и проводилъ до указан-

наго имъ класса и поручилъ инспектору быть неотлучно въ залѣ, чтобы провожать его при шествіи въ другіе классы. Побывалъ преосвященный на нѣсколькихъ урокахъ, во время переменъ заходилъ въ правленіе, велъ бесѣду со мною о разныхъ матеріяхъ и ни слова не сказалъ о томъ впечатлѣніи, какое произвели на него лекціи преподавателей и отвѣты учениковъ. Провожая его, я былъ вполне увѣренъ, что онъ вынесъ не дурное впечатлѣніе о насъ и нашихъ порядкахъ, но оказалось, что ему очень не понравилось классное поведеніе двухъ преподавателей, на коихъ, ничего не сказавши мнѣ, и пожаловался преосвященному Пларіону. Владыка прислалъ за мною, и когда я явился, довольно серьезно спросилъ меня: „Что такое случилось у васъ?“ „Ничего особеннаго“, отвѣтилъ я. „Пріѣзжать въ семинарію преосвященный Филиппъ и побывалъ на урокахъ у нѣсколькихъ преподавателей, о чемъ и считаю долгомъ доложить вашему преосвященству“.— „Такъ вы ничего не знаете о бурсацкомъ невѣжествѣ преподавателей Нар—ва и Пл—скаго?“— „Не понимаю, владыка, вашего вопроса и почтительнѣйше прошу, благоволите объяснить мнѣ, въ чемъ дѣло“. Онъ тогда рассказалъ мнѣ, что изъ семинаріи преосвященный викарій заѣзжалъ къ нему, сообщилъ о посѣщеніи уроковъ въ нѣсколькихъ классахъ и выразилъ нѣчто въ родѣ жалобы на преподавателя основного богословія и одного изъ преподавателей Св. Писанія, позволившихъ себѣ сидѣть во время его присутствія въ классѣ, причемъ въ ихъ поведеніи усмотрѣлъ что-то пренебрежительное къ себѣ, какъ къ *викариемъ, какъ онъ выразился!*

Крайне смущенный рассказомъ преосвященнаго Пларіона, я счелъ нравственнымъ долгомъ заступиться за своихъ сослуживцевъ, въ дѣйствіяхъ которыхъ не усматривалъ ничего непозволительнаго, а тѣмъ болѣе умысленнаго по отношенію къ преосвященному викарію. При входѣ его преосвященства въ классы воспитанники встрѣчали его нѣнѣмъ „исъ подла эти деспота“, наставникъ подходилъ подъ благословеніе, а затѣмъ занималъ свое мѣсто на кафедрѣ и продолжалъ объясненіе урока. Что-же въ этомъ предосудительнаго? Если преосвященный викарій не благоизволилъ самъ присѣсть, вслѣдствіе, вѣроятно, образовавшейся привычки стоять или ходить во время урока, то почему не до-

пустить, что и наставники, объяснявшіе уроки сидя, поступали такъ въ силу такой-же привычки—сидѣть, а не стоять или ходить? Вѣдь иной наставникъ, привыкшій сидя, стоя или, ходя по классу объяснять уроки, не въ состояніи продолжать связно свои объясненія, если онъ вынужденъ будетъ перемѣнить привычное положеніе на непривычное. А наставнику Св. Писанія, съ толстою Библією въ рукахъ, и крайне неудобно перелистывать ее и объяснять текстъ въ стоячемъ положеніи. Поэтому нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній усматривать что-то намѣренное въ дѣйствіяхъ двухъ очень скромныхъ наставниковъ. Мое объясненіе немного успокоило преосвященнаго Иларіона, а для успокоенія и преосвященнаго викарія я предложилъ наставникамъ, впадшимъ въ подозрѣніе, отправиться къ нему и лично объяснить свое мнимое въ отношеніи его неблагоповеденіе.

Неумѣстныя ходатайства и распоряженія преосвященнаго Филиппа.

Инцидентъ завершился благополучно, но вселилъ въ членовъ семинарской корпораціи подозрительность къ преосвященному Филиппу и осмотрительность въ сношеніяхъ съ нимъ. Его повидимому добрыя отношенія ко мнѣ исключили возможность какого нибудь выпада по отношенію къ корпораціи. Онъ долго—до самыхъ экзаменовъ не посѣщалъ семинаріи и только меня разъ удостоилъ своимъ визитомъ въ необычное время (21-го января 1898 г.) и съ довольно-непріятною просьбою—принять въ семинарію воспитанника VІ класса Самарской семинаріи Никифорова Веніамина, о которомъ, какъ о бывшемъ его ученикѣ, отзывался съ похвалою. Мнѣ показалось страннымъ, что такой формалистъ, какъ онъ, склоненъ обходить законъ, въ коемъ говорится, что „пріемъ дозволяется какъ въ первый классъ семинаріи, такъ и въ послѣдующіе, за исключеніемъ шестаго“ (§ 113 уст.), но тѣмъ не менѣе вынужденъ былъ сдѣлать конфиденціальныи запросъ объ этомъ юношѣ у ректора Самарской семинаріи и допустить его къ выпускному экзамену съ своими учениками. Въ іюль того-же года преосвященный письменно просилъ меня „оказать милость самарцу Сергѣю Орлову“ и принять его въ V классъ. Оказался горчайшимъ пьяни-

цею и черезъ полгода за порокъ свой и безвѣстное отсутствіе въ теченіе нѣсколькихъ дней уволенъ изъ семинаріи по прошенію. Несмотря на неудачу съ своимъ протеже, преосвященный викарій 10-го мая 1899 г. сдѣлалъ распоряженіе о допущеніи къ экзамену вмѣстѣ съ нашими воспитанниками самарца Крѣпкогорова, исключеннаго изъ VI класса семинаріи въ мартѣ того года!

Безтактности преосвященнаго Филиппа.

Въ день св. Пасхи, 5-го апрѣля 1898 г., семинарская корпорація, во главѣ со мною и о. инспекторомъ іеромонахомъ Агапитомъ, предприняла довольно длинное и неудобное путешествіе на монастырскую гору для принесенія праздничнаго поздравленія преосвященному викарію, но приѣма не удостоилась. На наружныхъ дверяхъ красовалось объявленіе, что преосвященный визитовъ и поздравленій не принимаетъ, и насъ даже не впустили въ переднюю, а отбирали карточки визитныя на погостѣ! Черезъ часа два я встрѣтился съ нелюбезнымъ владыкою въ дворянскомъ собраніи, похристосовался съ нимъ и выслушалъ что-то въ родѣ извиненія въ допущенной имъ безтактности. Я ему ничего не отвѣтилъ, но когда на второй или третій день праздника владыка Иларіонъ удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ, я повѣдалъ ему объ инцидентѣ съ семинарскою корпораціею и ея главою на монастырскомъ погостѣ. Показалъ старецъ головою и сказалъ: „молодъ еще“!

13-го мая, въ день памяти священномученика Макарія, патрона епархіальнаго Братства, я по обязанности председателя Совѣта Братства, приглашалъ преосвященнаго викарія на братскій праздникъ въ ближайшій воскресный день и общее собраніе братчиковъ, происходящее обыкновенно въ покояхъ епархіальнаго архіерея, при всегдашнемъ участіи свѣтской администраціи и представителей учреждений. Преосвященный принялъ меня любезно, но на празднество братское не изволилъ пожаловать. Конечно, отсутствіе его бросилось въ глаза и очень не понравилось преосвященному Иларіону, который всѣ мѣры принималъ къ преуспѣянію Братства и открытію отдѣленій его по разнымъ мѣстамъ епархіи. Особенно недоволенъ былъ правящій владыка,

когда ему передали, что преосвященный викарій смотрѣлъ на празднества, подобныя нашему, какъ на трату времени.

Съ 19-го мая и по 7-е іюня викарный владыка ежедневно бывалъ въ семинаріи на экзаменахъ, но участія въ производствѣ ихъ не принималъ почти никакого: молчаливо слушалъ и ставилъ отмѣтки. У меня на экзаменѣ по Св. Писанію въ VI классѣ вынималъ изъ своего кармана билеты съ апостольскими изреченіями безъ цитатъ и предлагалъ экзаменуящимся отыскивать эти мѣста въ посланіяхъ и объяснять. Два ученика удовлетворили его своими отвѣтами и онъ больше не прибѣгалъ къ неумѣстному контролю познаній и успѣховъ не то ихъ, не то моихъ, а вѣроятно же всего, что моихъ.

Натянутость отношеній между епархіальнымъ архіереемъ и викаріемъ.

Въ продолженіе каникулъ 1898 г. я рѣдко встрѣчался съ преосвященнымъ викаріемъ, но слышалъ нерѣдко, что у него обостряются отношенія къ правящему владыкѣ, который не одобрялъ его рѣзкихъ отзывовъ о духовенствѣ въ путевыхъ замѣткахъ, получившихъ гласность, и распоряженій по перемѣщенію нѣкоторыхъ многосемейныхъ псаломщиковъ. Дѣло дошло до того, что нервный и обидчивый викарій подалъ прошеніе преосвященному Иларіону о снятіи съ него обязанности по назначенію псаломщиковъ. Объ этомъ неприятномъ для старца-архипастыря инцидентѣ я узналъ отъ него самого и просто пораженъ былъ, когда владыка далъ мнѣ еще прочесть резолюцію своего викарія на письмѣ смотрителя Лубенскаго духовнаго училища Ар-го и прошеніи врача этого училища К—ва.

Натянутыя отношенія между преосвященными коснулись и семинаріи. По предложенію преосвященнаго Иларіона, часто подвергавшагося недомоганьямъ, я просилъ преосвященнаго Филиппа служить въ семинаріи 13-го октября въ праздникъ иконы Иверской Божіей Матери, но получилъ отказъ по причинѣ якобы ревматизма у него. Правящій владыка очень былъ недоволенъ этимъ отказомъ и хотѣлъ написать викарію, что неудобно оставлять семинарію въ праздникъ ея безъ архіерейскаго служенія, но я

упросилъ его не дѣлать это и пригласилъ для парадности служенія о. эконома архіерейскаго дома, архимандрита Феодосія. Сердечный старецъ-архипастыръ, несмотря на нездоровье, не оставилъ насъ безъ своего молитвеннаго участія въ молебнѣ и назидательной рѣчи, зашелъ въ камеру нашихъ праздничныхъ собраній и провелъ нѣкоторое время въ доброй бесѣдѣ съ наставниками и почетными посѣтителями семинарскаго празднества.

Наступило затишье. Викарный преосвященный не посѣщалъ семинарію въ теченіе всего учебнаго полугодія. Нервничалъ по поводу какихъ-то грязныхъ анонимовъ о его жизни, но въ концѣ декабря сталъ какъ-то жизнерадостнѣе. На праздникъ Рождества Христова принималъ меня весьма любезно и сообщилъ пріятную вѣсть, что владыка Финляндскій Антоній назначенъ митрополитомъ Петербургскимъ. Замѣтно было, что онъ чего-то ожидалъ и для себя отъ этой перемѣны и его ожиданія скоро оправдались. Въ началѣ февраля преосвященный Иларіонъ предпринялъ поѣздку по какимъ-то дѣламъ въ Москву и далъ предложеніе правленію семинаріи, коимъ вмѣнялось ему въ обязанность представлять свои журналы на усмотрѣніе преосвященнаго викарія, а его самого просилъ стать ближе къ семинаріи! Я недоумѣвалъ по поводу сдѣланнаго распоряженія, ибо не ожидалъ ничего путнаго отъ двойственности власти, да и самой цѣли его не понималъ. Предположить усталость у дѣйствительно обремененнаго дѣлами владыки не было основаній, потому что семинарія не особенно обременяла его; думать о какихъ нибудь съ его стороны соображеніяхъ высшаго свойства не хотѣлось изъ глубокаго уваженія къ нему. Оставалось одно безобидное предположеніе: всѣ измѣнчиво у людей, а у стариковъ въ особенности.

16-го февраля преосвященный Иларіонъ возвратился изъ Москвы а на слѣдующій день неожиданно выбылъ въ Петербургъ преосвященный Филиппъ. Стали ходить толки о передвиженіи архіереевъ и перемѣщеніи нашего викарія на епископство Вольское. Многіе довольны были, но слухи оказались напрасными, хотя исходили изъ источника довольно освѣдомленнаго. Преосвященный викарій возвратился 26-го

февраля и прямо съ вокзала явился къ правящему владыкѣ. Что было привезено имъ изъ столицы—неизвѣстно, но дня черезъ четыре, 2-го марта, преосвященный Иларіонъ сообщилъ мнѣ, что получилъ письмо отъ оберъ-прокурора съ неодобрительнымъ отзывомъ о допущенной преосвященнымъ Филиппомъ рѣзкости въ резолюціяхъ, напечатанныхъ въ „Сынѣ отечества“ и присланныхъ при письмѣ подчеркнутыми. Помнится оберъ-прокуроръ такъ выражался: „Опять преосвященный Филиппъ начудилъ! Что за несдержанность! Что за самомнѣніе!“ Отвѣтное письмо преосвященнаго Иларіона оберъ-прокурору сдѣлалось извѣстнымъ и въ Синодѣ, о чемъ владыка самъ передавалъ мнѣ 23-го марта, но какъ оно истолковалось—неизвѣстно.

Управленіе викарія епархіею.

Преосвященный Филиппъ оставался на своемъ мѣстѣ и въ лѣтнее время, за болѣзнію преосвященнаго Иларіона, около двухъ мѣсяцевъ управлялъ самостоятельно епархіею и надѣлалъ столько бѣдъ, какія Полтавская епархія едва ли когда либо испытывала. По его собственному выраженію, онъ хотѣлъ произвести *дезинфекцію* въ Полтавской епархіи и выражалъ сожалѣніе, что не сдѣлалъ всего, что будто-бы слѣдовало сдѣлать. А сдѣлалъ онъ вотъ что: отрѣшилъ отъ должности нѣсколькихъ благочинныхъ; уволилъ въ заштатъ нѣкоторыхъ наиболѣе заслуженныхъ уѣздныхъ протоіереевъ; уволилъ отъ должности, безъ всякихъ справокъ въ епархіальномъ училищномъ Совѣтѣ, предсѣдателя Кобелякского отдѣленія училищнаго совѣта протоіерея Киріева и назначилъ на его мѣсто уѣзднаго наблюдателя Прилукскаго уѣзда священника Пирскаго; предложилъ въ рѣзкой формѣ и устно черезъ подчиненное лицо заслуженному смотрителю Роменскаго духовнаго училища, протоіерею А. Ельчукову, подать немедленно въ отставку; смотрителя Переяславскаго духовнаго училища, еще болѣе заслуженнаго протоіерея Н. Терлецкаго, оставилъ дослужить нѣсколько мѣсяцевъ до 45-ти лѣтъ, но отдалъ его въ буквальный смыслъ подъ надзоръ училищнаго правленія; смотрителя Лубенскаго духовнаго училища, статскаго совѣтника К. А—скаго рѣзко порицалъ въ резолюціяхъ и принималъ сторону ин-

триговавшихъ противъ него лицъ и т. п. Спѣшныя и неспокойныя распоряженія преосвященнаго Филиппа очень волновали нуждавшагося въ полномъ покоѣ преосвященнаго Иларіона. Въ его дѣйствіяхъ онъ усматривалъ недобрую расположенность къ себѣ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца полномочій викарія по управленію епархіею.

То, что сдѣлано было викаріемъ въ ущербъ авторитету правящаго архіерея, можно было поправить только съ уходомъ его изъ Полтавской епархіи, что скоро и случилось: 6-го ноября 1899 г. состоялось перемѣщеніе преосвященнаго Филиппа на викаріатство Черниговское и епископство Новгородъ-сѣверское, на коихъ года черезъ два и скончался.

Предложеніе епархіальнаго преосвященнаго о производствѣ дознаній въ Переяславскомъ духовномъ училищѣ.

Не знаю, какія мѣры предпринимались по епархіи для возстановленія того, что не слѣдовало дѣлать безъ вѣдома и согласія епархіальнаго архіерея, но по дѣламъ Переяславскаго духовнаго училища мнѣ дано было 11-го мая 1900 г. преосвященнымъ Иларіономъ слѣдующее собственноручное предложеніе:

„Поручаю вамъ узнать, насколько возможно, почему въ теченіе 1899 г. уволено изъ Переяславскаго духовнаго училища 5 учениковъ за воровство и нетрезвость и 4 ученика за дважды повторенную попытку поджечь училищныя зданія, какъ сообщилъ мнѣ Учебный при Св. Синодѣ Комитетъ отъ 10 февраля № 146. Замѣчались ли у нихъ раньше такія дурныя склонности; записывались ли проступки ихъ; какія мѣры раньше принимались къ исправленію ихъ; каково было наблюденіе за ними со стороны надзирателей и проч.

2) Обратитъ вниманіе на ненормальное отношеніе членовъ правленія къ предсѣдателю; по желанію первыхъ составляется опредѣленіе, а о. смотритель прилагаетъ особое мнѣніе, тогда какъ должно быть наоборотъ; или же члены составляютъ актъ, на что не имѣютъ права, а смотритель даетъ объясненія.

3) Разъяснить помощнику смотрителя его отношеніе

къ нему по хозяйственной части, согласно указаніямъ устава.

4) Подтвердить отъ моего имени смотрителю, чтобы изъ строительнаго капитала не заимствовалъ денегъ на училищныя пужды, а членамъ правленія, чтобы отчетность къ сему капиталу и наблюденіе за правильностію взноса велись, какъ лично мною указано; по первому пункту ожидаю вашего отзыва“.

Во исполненіе этого предложенія владыки Иларіона, я, въ бытность въ Переяславѣ 12 и 13-го мая, имѣлъ въ правленіи училища оффиціальную бесѣду съ членами его, разъяснялъ имъ, что само собою должно быть извѣстно каждому, знакомился съ педагогическими и распорядительными журналами правленія и усмотрѣлъ въ нихъ много непригляднаго. Смотритель училища по своимъ нравственнымъ качествамъ былъ идеальныйъ человекъ, но какъ администраторъ не обнаруживалъ должной настойчивости и самостоятельности. Члены правленія злоупотребляли его добротою, къ дѣламъ сами относились не достаточно внимательно, подписывали журналы, не вникая въ содержаніе ихъ, писали отдѣльныя мнѣнія, въ которыхъ чернили своего предсѣдателя и начальника, а должно было дѣйствовать и инымъ образомъ. Въ дѣлѣ воспитательномъ члены правленія обнаруживали крайнюю черствость, не сообразуясь ни съ возрастомъ, ни съ склонностями учениковъ даже болѣзненнаго свойства. Тѣмъ не менѣе дѣйствія ихъ преосвященнымъ викаріемъ одобрялись и самъ о. смотритель отданъ былъ подъ опеку правленія, какъ будто онъ выжилъ изъ ума!

По первому пункту предложенія преосвященнаго въ педагогическихъ журналахъ правленія я нашелъ, что ученики А—скій Н., М—ико К. и Р—скій Я. уличены въ воровствѣ—украли (Р.) у еврея съ воза бутылку пива. Все до этого времени не замѣчались въ предосудительныхъ поступкахъ и только за послѣдній мѣсяцъ апрѣль аттестованы балломъ 4 по поведенію за дисциплинарныя уклоненія (Педаг. журн. 17 мая 1899 г. № 13).

Правленіе училища опредѣлило ходатайствовать предъ преосвященнымъ Филиппомъ о смягченіи участи винов-

ныхъ учениковъ дать имъ возможность держать выпускной экзаменъ и если окажутъ удовлетворительные успѣхи, выдать имъ свидѣтельства объ окончаніи курса съ балломъ поведенія 4, не удостоивая перевода въ семинарію.

На журналѣ правленія преосвященный положилъ (25-го мая) такую резолюцію: „Уволить виновныхъ, не допуская до экзамена, и сообщить другимъ училищамъ о причинахъ ихъ увольненія. Баллъ поведенія поставить 4. Щадя другихъ учениковъ, нельзя такъ снисходительно, какъ правленіе предполагаетъ, относиться къ виновнымъ“.

Когда уволенные ученики, по совѣту своего добраго о. смотрителя, подали прошеніе преосвященному Паріону объ оказаніи имъ милости и ихъ прошеніе, съ отзывомъ о. смотрителя, передано было на благоусмотрѣніе преосвященнаго Филиппа, послѣдній написалъ на немъ слѣдующее: „1899 г. іюня 22. Правленіе училища отъ моего имени выразить порицаніе смотрителю за его неумѣстное заступничество, которое, будучи уважено, имѣло бы разнуздывающее вліяніе на жизнь учениковъ. Оказывая милость тримъ, можно погубить многихъ. Надобно внѣдрять въ ученикахъ, пока не поздно, уваженіе къ закону и любовь къ справедливости, а не развивать въ нихъ безразсудное упованіе на безконечныя и безъ разбору подаваемыя милости и на старости лѣтъ учить другихъ пролазничеству“.

Въ журналѣ отъ 14-го октября № 42 прочиталъ докладную записку помощника смотрителя, въ коей повѣствовало, что „26-го сентября, въ 6 ч. утра, въ комнатѣ, гдѣ хранятся ученическія пальто, онъ услышалъ удушливый запахъ дыма и увидѣлъ обгорѣвшее ученическое пальто, потушенное служителемъ, причемъ въ карманѣ найдены обгорѣвшіе фитиль для закуриванія папиросы и платокъ № 146. Подозрѣніе пало на ученика I класса Θ—скаго П., потому что платокъ былъ его и, во-вторыхъ, потому, что этотъ ученикъ нервно разстроенъ: на него сильно повліялъ пожаръ, бывшій лѣтомъ въ ихъ селѣ и уничтожившій жилища постройки его отца, вслѣдствіе чего онъ ночью часто бредитъ пожаромъ“. Θ—скій не сознался. Помощникъ усилилъ свой надзоръ. 12-го октября, въ 9 ч. вечера, ночнымъ сторожемъ замѣченъ небольшой огонь въ одномъ изъ училищныхъ са-

раевъ, гдѣ хранятся керосинъ, соль и другіе легко воспламеняющіеся продукты. Немедленно побѣжавъ туда, онъ, черезъ отверстіе внизу двери, выхватилъ изъ сарая комъ тлѣющей массы и затопталъ ее. 14 октября помощнику смотрителя удалось открыть „злоумышленниковъ“, каковыми оказались ученики I класса Ж—кій И., С—овъ В. и Ѡ—скій П. и приготовительнаго класса И—инъ А. Первымъ выразителемъ „злостной идеи—спалить пожаромъ училищныя зданія—былъ И—инъ, въ умѣ котораго она зародилась еще въ прошломъ учебномъ году, когда онъ былъ на первомъ курсѣ въ приготовительномъ классѣ. Поджогъ въ комнатѣ сдѣланъ Ж—кимъ при участіи Ѡ—скаго и С—ова, а сарая С—овымъ съ товарищами. И—инъ, вслѣдствіе ссоры съ Ж—кимъ, не былъ приглашенъ къ участію въ поджогѣ“. „Злоумышленники“ сознались и въ правленіи: имъ хотѣлось скорѣе поѣхать домой.

По наведеніи мною справокъ оказалось, что два „злоумышленника“ имѣли по 11 лѣтъ отъ роду, третій—„первый выразитель злостной идеи поджечь училище“—былъ 10 лѣтъ и четвертый—13 лѣтъ. Всѣ имѣли по поведенію баллы 5. II что-же? Правленіе постановило: „немедленно уволить ихъ изъ училища и на счетъ училища отправить ихъ въ дома ихъ родителей, съ отношеніями отъ лица правленія, выясняющими всю важность и возмутительность ихъ поступковъ. Поведеніе всѣхъ этихъ воспитанниковъ отмѣтить неодобрительнымъ балломъ—единицею, съ обозначеніемъ въ увольнительномъ свидѣтельствѣ: „исключенъ по неблагонадежности“. Согласно циркуляру № 18, донести въ Учебный Комитетъ и сообщить правленіямъ другихъ училищъ“. На журналѣ правленія красуется однословная резолюція преосвященнаго Филиппа: „Утверждается“.

Сердечный о. смотритель, обезславленный и прижатый крайне рѣзкими резолюціями преосвященнаго Филиппа, не постѣснявшася на распорядительномъ журналѣ правленія, отъ 15 іюня 1899 г. № 18, сдѣлать оскорбительное относительно его распоряженіе—„Правленіе имѣетъ учинить строгій контроль за дѣйствіями нуждающагося въ опекѣ смотрителя“,—не могъ возвысить свой отеческій голосъ о пощадѣ четырехъ неразумныхъ дѣтей и предотвратить то не-

дагогическое варварство, какое учинило правленіе училища и какое одобрилъ молодой и больной архіерей.

Внутреннія неурядицы и внѣшняя неприглядность Переяславскаго духовнаго училища, продолжавшаго оставаться бурсою, произвели на меня удручающее впечатлѣніе, и я въ своемъ докладѣ преосвященному Иларіону указалъ на крайнюю необходимость обновленія всего строя въ жизни заведенія. О. смотритель видимо потерялъ всякій авторитетъ; члены правленія—помощникъ смотрителя и дѣлопроизводитель, поощряемые резолюціями бывшаго викарнаго преосвященнаго, прямо неприлично вели себя по отношенію къ своему непосредственному начальнику; члены правленія отъ духовенства недостаточно внимательно относились къ нуждамъ училища, не настаивали на окружныхъ сѣздахъ духовенства объ удовлетвореніи настоятельныхъ потребностей его и смотрѣли сквозь пальцы на училищные неурядки. Окружное духовенство неисправно дѣлало взносы на содержаніе училища и этимъ весьма часто ставило распорядительное правленіе или, лучше сказать, о. смотрителя въ крайне затруднительное положеніе и вынуждало прибѣгать къ позаимствованіямъ изъ строительнаго капитала, собиравшагося для постройки новаго училищнаго корпуса, чѣмъ, конечно, нарушался порядокъ въ храненіи этого капитала, особенно когда заимствованія и пополненія дѣлались домашнимъ образомъ. Злоупотребленій не было и не могло быть, ибо о. смотритель былъ идеальной честности человекъ, но тѣмъ не менѣе не слѣдовало дѣлать заимствованій безъ разрѣшенія епархіальнаго начальства.

Заслуги о. смотрителя училища прот. Н. Терлецкаго.

Много, долго и благоплодно трудившійся о. смотритель оставилъ службу въ дорогомъ ему училищѣ, но продолжалъ около года настоятельское служеніе въ храмѣ—памятникѣ въ честь Успенія Божіей Матери, созданномъ его неусыпными трудами на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1654 г. совершилось великое историческое событіе — принесеніе гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ и казацкими старшинами присяги на подданство царю Великой Россіи. Епархіальное начальство, въ лицѣ владыки Иларіона поощрявшее его дѣятельность испроше-

ніемъ ему высшихъ наградъ до палицы и св. Владиміра третьей степени, не оставило его безъ вниманія и по увольненіи отъ службы при училищѣ: 6-го мая 1902 г. достойнѣйшему о. протоіерею пожалованъ былъ золотой кабинетный крестъ. Въ это время скромный и незлобивый старецъ доживалъ послѣдніе дни въ одной изъ Кіевскихъ больницъ... Тревоги послѣднихъ лѣтъ службы въ училищѣ не прошли для него даромъ и 29-го мая его не стало. Изъ Кіева, гдѣ онъ окончилъ курсъ академіи въ 1855 г. и куда почти ежегодно пріѣзжалъ на поклоненіе святынямъ, гробъ съ останками его, послѣ торжественнаго отпѣванія, перевезенъ былъ въ Переяславъ для преданія землѣ. И вышелъ весь древній градъ и вся округа Переяславская въ срѣтеніе ему и своею любовью къ нему показали, кому слѣдуетъ, какъ нужно было относиться къ старцу-пастырю и руководителю учебнаго заведенія...

Не знаю, какъ наладилась жизнь Переяславскаго училища и въ какомъ состояніи оно нынѣ находится. Одно отъ всей души желаю его педагогическому составу, чтобы не угашали въ себѣ духа любви и относились къ своимъ питомцамъ по-отечески и братски любовно и благожелательно, какъ относился пріснопамятный о. протоіерей Николай Терлецкій.

Преосвященный Геденъ, Епископъ Прилукскій.

Послѣ преосвященнаго Филиппа викаріемъ Полтавской епархіи и епископомъ Прилукскимъ назначенъ былъ жившій на покой—бывшій Люблинскій епископъ Геденъ (въ мѣрѣ Герасимъ Покровскій), студентъ Орловской семинаріи 1872 г. и кандидатъ Кіевской академіи 1884 г. Этотъ выдающійся по своей предшествовавшей дѣятельности владыка не имѣлъ въ себѣ духа начальственнаго, былъ простъ, доступенъ, сердеченъ, благожелателенъ и исполнителенъ. Какъ бывшій миссіонеръ въ Японіи, дѣйствовавшій подъ руководствомъ апостола страны Восходящаго солнца, блаженной памяти архіепископа Николая, онъ отличался терпимостію ко инако-вѣрующимъ и мыслящимъ и въ крайнемъ случаѣ давалъ отпоръ упорно отстаивающимъ свою непогрѣшимость. Магистръ богословія, имѣвшій право похвалиться своею уче-

ностию, онъ не только не обнаруживалъ этой претензіи, но даже и магистерскаго креста никогда не выставлялъ на показъ во свидѣтельство своей учености. Какъ бывшій смотритель Холмскаго училища и ректоръ семинаріи, онъ своею опытностью могъ поруководить и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Полтавской епархіи, но по своей деликатности этого не дѣлалъ и избѣгалъ всякихъ замѣчаній начальственнаго, а тѣмъ болѣе укорительнаго характера на журналахъ правленій духовныхъ училищъ и семинаріи. Къ корпораціи семинарской относился болѣе чѣмъ дружелюбно: заходилъ въ учительскую, по просту бесѣдовалъ съ нами, возбуждалъ и обсуждалъ совмѣстно разные философско-богословскіе вопросы; при посѣщеніи уроковъ и экзаменовъ никогда ничего начальственнаго не обнаруживалъ; къ отвѣтамъ учениковъ относился снисходительно и благовнимательно. Съ правящимъ владыкою жилъ въ братолюбіи, глубоко уважалъ его, какъ многоопытнаго старца-ахипастыря, послушливо исполнялъ его распоряженія, не уклонялся отъ служеній внѣ монастыря, не тяготился поѣздками по епархіи и не смущалъ его рѣзкими отзовами объ усмотрѣнномъ. Добрый, сердечный и внимательный ко всѣмъ, онъ особенно снисходителенъ былъ къ мнѣ и своею архипастырскою любовію взыскивалъ меня паче другихъ. Я продолжаю пользоваться его благовниманіемъ и соутѣшаюсь бесѣдою съ нимъ при помощи хартіи и чернила. Глубоко скорблю, что достойнѣйшій изъ архипастырей, чуждый политиканства, склоняющагося сѣмо и овамо, не угодить кому-то на Владикавказской кафедрѣ, на которую возведенъ былъ въ 1904 г., и вотъ уже четвертый годъ, полный силъ, живетъ на покоѣ въ Лубенскомъ монастырѣ! Развѣ мы такъ богаты архіереями, что можемъ держать и лучшихъ на покоѣ?

Инспекторъ семинаріи іеромонахъ Гавріиль.

По назначеніи инспектора семинаріи іеромонаха Агапита на должность ректора Екатеринославской семинаріи (въ іюль 1898 г.) на инспекторство въ Полтавскую семинарію опредѣленъ былъ преподаватель Могилевской семинаріи по кафедрѣ церковно-пастырскихъ предметовъ, кандидатъ Петербургской академіи 1894 г., іеромонахъ Гавріиль (Во-

еводинъ), нынѣ епископъ Острожскій, викарій Волынской епархіи. Около трехъ лѣтъ (съ іюля 1898 г. по іюнь 1901 г.) онъ проходилъ свое трудное инспекторское служеніе, но видимо тяготился имъ. По своему мягкому характеру о. инспекторъ не могъ обнаруживать необходимой въ воспитательномъ дѣлѣ настойчивости, а отсутствіе таковой въ нашихъ семинаріяхъ легко приводитъ и къ распущенности. Уважающій себя педагогъ не можетъ мириться съ такимъ положеніемъ дѣла и заблаговременно слагаетъ съ своихъ плечъ непосильное бремя. Это не есть бѣгство отъ дѣла, а открытое, благородное дѣйствіе, на которое только люди честные рѣшаются, жертвуя выгодами своего служебнаго положенія, Такъ поступилъ и о. Гавріилъ. Онъ оставилъ инспекторство въ многолюдной и бурной Полтавской семинаціи и перешелъ на службу въ Уфимскую епархію, гдѣ тогдашній владыка Антоній предоставилъ ему должность настоятеля Успенскаго монастыря и члена консисторіи. Но, вѣроятно, и послѣдняя должность была не по сердцу незлобивому о. Гавріилу и скоро совершено было имъ переселеніе съ востока на западъ,—изъ Уфы въ богоспосаемый градъ Житомиръ—сначала въ число братій архіерейскаго дома, а затѣмъ на должность начальника пастырской школы и викарнаго епископа.

Во время инспекторства о. Гавріила очень крупныхъ недочетовъ въ поведеніи воспитанниковъ семинаріи не наблюдалось, но броженія, происходившія въ другихъ семинаріяхъ, отражались и у насъ. Отдѣльные воспитанники были въ курсѣ подпольныхъ затѣй, но дѣйствовали такъ осторожно, что инспекція ничего не знала о ихъ интаніяхъ и шептаніяхъ. О. инспекторъ, по недавности службы и незнанію воспитанниковъ, не могъ зорко слѣдить за поведеніемъ ихъ и больше полагался на зоркость и отзывъ своихъ помощниковъ. Послѣдніе, къ сожалѣнію, не отличались особенною наблюдательностію, обращали больше, чѣмъ слѣдуетъ, вниманія на мальчишескія выходки воспитанниковъ и обязательно доводили о нихъ до свѣдѣнія ректора, а о томъ, все ли обстоитъ благополучно въ жизни питомцевъ, куда они отлучаются въ позднюю вечернюю пору съ квартиръ, почему несвоевременно возвращаются въ общежитіе,

почему ведутъ знакомство съ тѣми или иными подозрительными лицами, какъ ведутъ себя на концертахъ и въ театрѣ, куда массами таскались, не испросивъ разрѣшенія у инспектора, — относительно всего этого они были не въ курсѣ. Ускользнула отъ ихъ наблюдательности и затѣя учениковъ III класса, причинившая не мало непріятностей лично мнѣ и положившая начало движенію, которое черезъ три года обнаружилось открыто въ семинаріи и въ которомъ эти ученики, находясь въ VI классѣ, играли первенствующую роль.

Затѣя учениковъ III класса раздѣлаться съ товарищемъ.

Какъ сказано выше, въ семинаріи обучалось нѣсколько южно-славянскихъ уроженцевъ и между ними юноша З—чъ, по происхожденію сербъ-босніецъ. Мнѣ очень не нравилось, что въ семинарію направляли моихъ соплеменниковъ, и я болѣе, чѣмъ бы слѣдовало, держался далеко отъ нихъ: не принималъ ихъ у себя на квартирѣ, не говорилъ съ ними по-сербски, журилъ ихъ при обнаруженіи неуспѣховъ, подвергалъ выговорамъ за нарушеніе школьной дисциплинѣ и взысканіямъ за малѣйшее уклоненіе отъ правилъ благоповеденія. З—чъ былъ довольно способный юноша, занимался успѣшнѣе многихъ русскихъ товарищей и въ поведеніи его не замѣчалось ничего предосудительнаго. Какія отношенія у него были съ товарищами, я не зналъ, но во всякомъ случаѣ не допускалъ чего нибудь ненормальнаго. И вдругъ 10-го октября 1898 г. ученики III класса подаютъ мнѣ жалобу на З—ча и просятъ удалить его изъ семинаріи. Въ жалобѣ указывалось на рѣзкость его отношеній къ нимъ, насмѣшливость, грубость, задѣвательство ихъ патриотическаго чувства и кощунственность! Чтобы разобратся въ жалобѣ, я обратился за разъясненіями къ наиболѣе серьезному изъ трехъ тогдашнихъ помощниковъ инспектора С. Θ. П—ву относительно поведенія З—ча, его образа мыслей и отношеній къ товарищамъ. С. Θ. далъ о немъ отзывъ настолько благопріятный, что совершенно отпадало обвиненіе его въ кощунственности, а прочія обвиненія и сами по себѣ не имѣли серьезнаго значенія. По словамъ

помощника инспектора, З—чъ былъ очень прямой юноша и многихъ дѣйствій товарищей не одобрялъ. За это они его не возлюбили и безъ всякихъ основаній стали подозрѣвать въ доносахъ кому-то изъ начальства о ихъ продѣлкахъ. Въ этомъ классѣ затѣвалось что-то неблаговидное и вожаки его, боясь разоблаченій со стороны З—ча, начали возбуждать противъ него всѣхъ товарищей и подбивать ихъ на подачу коллективнаго прошенія объ удаленіи его изъ семинаріи. Когда вполнѣ разъяснилось и подтвердилось показаніями самихъ воспитанниковъ, что непріязненные отношенія ихъ къ З. не имѣютъ ничего общаго съ тѣми обвиненіями, какія прописаны въ ихъ прошеніи, и вызываются исключительно ихъ подозрительностью къ нему, я всячески старался успокоить зазнавшихся питомцевъ, выяснялъ имъ нелѣпость ихъ затѣи, объяснялъ незаконность подачи коллективнаго прошенія, указывалъ на могущія быть печальныя послѣдствія для заправиль, но все было напрасно. Руководимые кѣмъ-то постарше ихъ, они продолжали вести себя неспокойно и стали наводить справки у помощника инспектора, что сдѣлано правленіемъ семинаріи по ихъ прошенію. Узнавъ объ этомъ, я зашелъ къ нимъ въ классъ, прочиталъ разъясненіе Св. Синода на § 32 устава сем., что „всѣ просьбы учениковъ должны поступать на имя ректора и подаваться въ правленіе только по усмотрѣнію ректора же“, что „не дозволяется предоставленіе какихъ бы то ни было проступковъ со стороны воспитанниковъ суду и разбирательству ихъ товарищей“, и по-отечески предостерегъ ихъ отъ неразумныхъ дѣйствій.

Такъ или иначе нужно было покончить съ этимъ вопросомъ, въ теченіе трехъ недѣль волновавшимъ классъ и безпокоившимъ меня. Еслибъ онъ не былъ связанъ съ именемъ воспитанника изъ сербовъ, я бы ему не придавалъ значенія и во всякомъ случаѣ отстоялъ бы напрасно подозрѣваемаго и обвиняемаго въ легкомыслии питомца. Чтобы не подавать повода къ злорѣчію о покровительствѣ неблагонадежнымъ землякамъ, я дѣло о З. передалъ на обсужденіе правленія семинаріи. Послѣднее отнеслось очень строго къ поведенію учениковъ III класса и рѣшило трехъ изъ нихъ Ил—ча, Бр—го и Кор—ка, выдѣ-

лявшихся назойливостію, уволить изъ семинаріи, а для спокойствія остальныхъ и въ интересахъ самого З., по моему предложенію, выразило желаніе, чтобы и онъ оставилъ заведеніе. Преосвященный Иларіонъ посмотрѣлъ на дѣло иначе. Онъ не призналъ виновнымъ З. и предписалъ поручить его особому надзору инспекціи до конца учебнаго года, но предназначенныхъ къ увольненію воспитанниковъ не помиловалъ и всеѣмъ подписавшимъ прошеніе велѣлъ выставить баллы по поведенію З.

Жалко стало уволенныхъ юношей, и я, по прочтеніи воспитанникамъ журнала правленія семинаріи съ резолюціею на немъ преосвященнаго, немедленно поѣхалъ на Шведскую могилу, гдѣ по временамъ проживалъ владыка, и усерднѣйше просилъ его о смягченіи уволеннымъ наказанія. Сердечный архимастыръ нашелъ возможнымъ оставить ихъ въ семинаріи, если подадутъ ему прошенія и обяжутся быть исправными и благовоспитанными. На слѣдующій день, 3-го ноября, уволенные воспитанники написали прошенія преосвященному о прощеніи ихъ и принятіи въ семинарію и отправились на Шведскую могилу для подачи владыкѣ. Проучены были хорошо, но зато и помилованы, съ порученіемъ инспекціи имѣть за ними нарочитое наблюденіе. Я радъ былъ, что непріятное дѣло окончилось сравнительно благополучно, но озабочивало меня положеніе З. Товарищи настроены были къ нему недружелюбно и отъ неуравновешенныхъ молодыхъ людей всего можно было ожидать. Я очень желалъ, что бы онъ оставилъ семинарію и возвратился на родину. Повидимому и З. пришелъ къ этой благой мысли и подалъ прошеніе объ увольненіи его изъ семинаріи. Сдѣлано было все, что нужно для его поѣздки и безпрепятственнаго возвращенія на родину, но плутоватый юноша поѣхалъ въ Петербургъ и сталъ беспокоить добрыхъ людей объ опредѣленіи его въ другую семинарію. 3-го января 1899 г. преосвященный получилъ отъ товарища оберъ-прокурора Св. Синода бумагу съ просьбой о доставленіи ему свѣдѣній о поведеніи З. Отвѣтъ написанъ былъ мною не въ благопріятномъ для З. смыслѣ и ему не удалось попасть въ другую семинарію.

Неразумныя дѣйствія воспитанника изъ черногорцевъ.

Вслѣдъ за дѣломъ З—ча пришлось мнѣ испытать новую непріятность отъ неразумныхъ дѣйствій черногорца И—ча, ученика VI класса. Не помню, изъ какой семинаріи его перевели въ нашу семинарію, но переводъ этотъ очень мнѣ не понравился и самъ онъ произвелъ на меня неблагоприятное впечатлѣніе. Въ первые три мѣсяца его пребыванія въ семинаріи до меня не доходило никакихъ неблагоприятныхъ слуховъ о его поведеніи. Ни инспекція, ни товарищи по классу, ни воспитанники другихъ классовъ ничего не заявляли о немъ. И вдругъ этотъ ученикъ совершаетъ дикую расправу на улицѣ съ ученикомъ II класса Б—ро! Я такъ пораженъ былъ грубостію его поступка, что дня два не находилъ покоя. Больно и стыдно было за него, какъ воспитанника VI класса, а еще больше, какъ за черногорца. Поручилъ о. инспектору произвести самое строгое дознаніе о совершившемся и доложить правленію семинаріи. Обнаружилось, что воспитанникъ Б., крайне грубый и дерзкій, неоднократно оскорблялъ И. разными насмѣшливыми выходками и позволилъ себѣ даже на улицѣ отпустить что-то обидное по адресу его. Товарищи И., конечно, возмущались его поступкомъ, но принимая во вниманіе съ одной стороны его болѣзненность и вспыльчивость, а съ другой—оскорбительныя выходки Б., не прочь были заступиться за него. Я считалъ невозможнымъ оставить дѣло безъ самаго строгаго взысканія и посоветовалъ И. подать прошеніе объ увольненіи изъ семинаріи. Какъ онъ ни просилъ о снисхожденіи, я не могъ ему оказать такового и настоялъ въ правленіи, чтобы его уволили по прошенію, а Б. выставили по поведенію баллъ 2, съ предупрежденіемъ, что при первой неисправности будетъ уволенъ изъ семинаріи. Когда воспитанники VI класса узнали о состоявшемся постановленіи правленія, они, послѣ литургіи 26-го ноября, попросили меня зайти къ нимъ въ классъ и самымъ трогательнымъ образомъ упрашивади сжалиться надъ ихъ несчастнымъ, больнымъ товарищемъ и дать ему возможность окончить курсъ, причемъ о воспитанникѣ Б. отзывались, какъ о невозможномъ юношѣ. Я отклонилъ ходатайство моихъ добрыхъ питомцевъ, находя крайне неудобнымъ для себя и

для воспитательнаго дѣла оставлять безъ наказанія такой грубый проступокъ, какой учиненъ ихъ товарищемъ, и журналъ о И. и Б. представилъ на благоусмотрѣнiе преосвященнаго. Владыка утвердилъ постановленiе правленiя. И. сталъ обивать пороги и просилъ о милости. Я совершенно уклонился отъ какихъ бы то ни было ходатайствъ за него предъ преосвященнымъ, но самъ сердечный владыка Иларiонъ не устоялъ противъ слезъ И. и на прошенiи его, сданномъ 7-го декабря на немедленное разсмотрѣнiе правленiя, положилъ благоволительную резолюцію. Правленiе не воспротивилось обратному принятiю И. въ семинарiю и докладъ свой о немъ представило на благоусмотрѣнiе его преосвященства. Послѣдовало утвержденiе доклада и пылкiй сынъ Черной горы снова принятъ былъ въ семинарiю.

Самоубiйство воспитанника IV класса.

Во вторую половину учебнаго года, 10-го апрѣля 1899 г., подъ Вербное воскресенье, семинарiю постигло великое горе — повѣсился ученикъ IV класса Базилевскiй. Это былъ очень хорошiй юноша во всѣхъ отношенiяхъ, никогда не вызывавшiй замѣчанiй со стороны своего начальства. Онъ часто болѣлъ и въ самый день несчастья выписался изъ больницы. Товарищи развѣзжались на пасхальныя вакацiи; И. съ ними прощался, какъ совершенно здоровый молодой человекъ, и даже настолько чувствовалъ себя удовлетворительно, что съ нѣсколькими изъ товарищей, оставшихся въ семинарiи, въ послѣобѣденное время отправился въ находящiйся вблизи монастырскiй лѣсъ, чтобы погулять и подышать весеннимъ воздухомъ. Ко времени всенощной товарищи его направились въ обратный путь, а онъ выразилъ желанiе остаться еще тамъ и погулять на полянѣ, излюбленномъ мѣстѣ отдыха и занятiй воспитанниковъ въ весеннее и лѣтнее время. И вотъ, оставшись здѣсь наединѣ, неизвѣстно въ какое время, нашъ бѣдный питомецъ наложилъ руки на себя! Рано утромъ монастырскiе пастухи усмотрѣли висящiй на деревѣ трупъ и подняли тревогу. Явилась полицiя, стало извѣстнымъ и въ семинарiи о несчастьи. Побѣжали туда воспитанники и самъ инспекторъ. Въ присутствiи его составленъ былъ актъ осмотра трупа и самый трупъ отвезенъ въ помѣщенiе одной изъ городскихъ частей для анатомированiя.

Въ крайне угнетенномъ состояніи я приступилъ къ совершенію литургіи и не успѣлъ ее еще окончить, какъ поспѣшно сообщили мнѣ о новой печали, что умираетъ бывшій преподаватель семинаріи Г. Ф. Богоявленскій, съ которымъ я связанъ былъ самою близкою дружбою. Я засталъ страдальца еще живымъ, но безъ сознанія. Скоро онъ испустилъ духъ, и я первую панихиду совершилъ надъ нимъ въ присутствіи его присныхъ и бывшихъ сослуживцевъ. О несчастіяхъ доложилъ преосвященному. Онъ выразилъ желаніе лично участвовать въ выносѣ Г. Ф. въ Срѣтенскую церковь, а относительно самоубійцы нашего велѣлъ ждать отзыва полицейскаго управленія. На слѣдующій день, когда приставъ 3-ей части сообщилъ мнѣ оффиціально, что препятствій къ погребенію и преданію землѣ тѣла воспитанника Б—ча не встрѣчается, мы перенесли его въ кладбищенскую церковь, совершили отпѣваніе и предали землѣ на городскомъ кладбищѣ.

Въ 5 час. пополудни съ рѣдкой торжественностію совершенъ былъ выносъ въ церковь останковъ Г. Ф., а на другой день, послѣ преждеосвященной литургіи и отпѣванія, съ такою торжественностію совершено было и перенесеніе къ мѣсту вѣчнаго упокоенія на городскомъ кладбищѣ.

Тревоги, хлопоты и служенія въ продолженіи нѣсколькихъ дней сильно отозвались на моей впечатлительной натурѣ, а когда, возвратившись съ похоронъ, узналъ отъ врача и фельдшера семинарской больницы, что воспитанникъ Бас—чъ выражалъ сожалѣніе, что покойный Б—чъ не оставилъ никакой записки обвинительнаго характера по отношенію къ семинарскому начальству, я такъ возмущенъ былъ этой непристойной выходкой ненормальнаго питомца, что почувствовалъ себя неладно. Значитъ всего можно было ожидать отъ подобныхъ юношей, и я съ этого времени все больше и больше сталъ тяготиться своею начальственною службою въ семинаріи.

Слухи о происходящихъ и готовящихся безпорядкахъ въ семинаріяхъ.

Къ концу учебнаго года стали все больше учащаться слухи о происходящихъ и готовящихся безпорядкахъ въ семинаріяхъ, а въ началѣ каникулъ слухи эти подтверди-

лись и оффициально. 24-го іюня 1899 г. былъ у меня инспекторъ Томской семинаріи іеромонахъ Кириллъ (Якубовскій), студентъ нашей семинаріи 1892 г. и сообщилъ, что ректоръ ихъ семинаріи получилъ извѣщеніе отъ ректора Одесской семинаріи о затѣваемой семинаристами забастовкѣ. На слѣдующій день преосвященный Иларіонъ получилъ секретный циркуляръ изъ Св. Синода о затѣвѣ людей злонамѣренныхъ подбить воопитанниковъ семинарій къ дѣйствіямъ неразумнымъ. Затѣвѣ придавалось серьезное значеніе и указывались мѣры къ пресѣченію зла. Между прочимъ, преосвященному рекомендовалось оказать воздѣйствіе на родителей. Владыка нашъ былъ боленъ и поручилъ мнѣ составить отъ его имени обращеніе къ благочиннымъ епархіи о наблюденіи ими за воспитанниками духовно-учебныхъ заведеній, чтобы не сносились и не вели знакомства съ людьми злонамѣренными, и негласно увѣдомили родителей о принятіи мѣръ къ вразумленію дѣтей. Порученіе преосвященнаго мною было исполнено и съ его подписью разослано о.о. благочиннымъ безъ замедленія.

Предложеніе преосвященнаго Иларіона о.о. благочиннымъ.

Вотъ что писалось въ предложеніи преосвященнаго:
 „Въ указѣ Св. Синода отъ 26-го ноября 1885 г. за № 4162, содержаніе котораго въ свое время сообщено было Полтавскою духовною Консисторіею епархіальному духовенству, между прочимъ, выражено, „что отпускаемые въ дома родителей воспитанники семинаріи входятъ тамъ въ знакомство съ людьми неблагонадежными“ и признано необходимымъ, чтобы епархіальное начальство, обративъ на такое печальное явленіе свое вниманіе, а) „внушало родителямъ обучающихся въ семинаріи воспитанниковъ, чтобы они имѣли строгое наблюденіе за своими дѣтьми и принимали соотвѣтственныя мѣры къ предупрежденію всякихъ дурныхъ знакомствъ, примѣромъ собственной жизни отвлекая своихъ дѣтей отъ сближенія съ лицами предосудительнаго образа мыслей; б) вмѣнило благочиннымъ приходскихъ церквей въ непремѣнную обязанность обращать особое вниманіе на поведеніе воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній во время

ихъ домовыхъ отпусковъ и замѣчанія свои по этому предмету немедленно представляли епархіальному начальству“.

Приглашая о.о. благочинныхъ и духовенство ввѣренной мнѣ епархіи для блага своихъ же дѣтей къ точному исполненію вышеозначеннаго указа Св. Синода,—признаю необходимымъ предложить благочиннымъ сообщить негласно находящемуся въ ихъ вѣдѣніи духовенству, членамъ причта и прихожанамъ, дѣти которыхъ воспитываются въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, что пенцись о добромъ воспитаніи чадъ—это первый долгъ родителей, которымъ лишь помогаютъ въ этомъ важномъ дѣлѣ наставники и начальники учебныхъ заведеній, и на нихъ ближайшимъ образомъ лежитъ отвѣтственность за доброе направленіе дѣтей; благо дѣтей неотдѣлимо отъ блага родителей, и несчастья, какія постигнутъ дѣтей, тяжело обрушатся и на нихъ самихъ; какъ люди болѣе пожившіе и опытные, они лучше могутъ предостеречь дѣтей отъ легкомысленнаго увлеченія и предотвратить опасность пагубнаго вліянія на нихъ людей злонамѣренныхъ. Наблюдая, чтобы дѣти не уклонялись отъ благоповеденія и строго соблюдали узаконенія высшаго и ближайшаго начальства того заведенія, въ которомъ воспитываются, родители обязаны съ особенною настойчивостью утвердить дѣтей въ долгѣ повиновенія церковной и государственной власти и поставленнымъ отъ нея ихъ наставникамъ и начальникамъ и въ добрыхъ качествахъ, приличествующихъ воспитанникамъ духовной школы, въ виду предназначеннаго имъ высокаго служенія.

Надѣюсь, что родители, какъ люди по большей части нуждающіеся и обремененные семейными заботами, по любви къ своимъ дѣтямъ, примутъ къ сердцу мои архипастырскія наставленія и благожеланія и разъяснятъ, какая участь ожидаетъ ихъ и сыновей, когда безумное увлеченіе или нерадѣніе доведутъ ихъ до увольненія изъ учебнаго заведенія, отнявъ у нихъ надежду на дальнѣйшую будущность“.

Насколько это обращеніе преосвященнаго возымѣло вліяніе на епархіальное духовенство и было дѣйственно для дѣтей его, обучающихся въ семинаріи, трудно сказать. Но если принять во вниманіе, что въ Полтавской семинаріи въ послѣдующіе два года, несмотря на недочеты въ поведеніи

многихъ воспитанниковъ, не обнаруживалось массовыхъ движеній и безпорядковъ, какіе имѣли мѣсто въ нѣкоторыхъ другихъ семинаріяхъ, то должно заключить, что обращеніе владыки къ духовенству не осталось безъ добраго воздѣйствія. Правда, не дремали и мы на мѣстѣ. Въ помощь малочисленной инспекціи привлечены были для надзора за воспитанниками и наставники, что очень не нравилось склоннымъ къ шатанію молодымъ людямъ. Справедливость требуетъ сказать, что и въ средѣ воспитанниковъ старшихъ классовъ было достаточно молодыхъ людей съ добрымъ настроеніемъ, пользовавшихся вліяніемъ въ классѣ и сдерживавшихъ увлекающихся товарищей. И благодаря всеѣмъ этимъ обстоятельствамъ, въ семинаріи Полтавской до ноября 1901 г. не происходило ничего неблагопріятнаго для чести заведенія. Бывали даже массовыя проявленія добраго настроенія, свидѣтельствовавшія, что сердца нашихъ питомцевъ не очерствѣли и весьма отзывчивы на благое. Никогда не забуду, какъ по желанію воспитанниковъ отслужена была 26-го ноября 1899 г. панихида по покойномъ наследникѣ цесаревичѣ Георгіи Александровичѣ; какъ воспитанники VI класса оплакивали и торжественно хоронили своего товарища Димару, скончавшагося на Благовѣщеніе 1900 г., и въ память его приобрѣли большой запрестольный крестъ для семинарской церкви; какъ многіе воспитанники отдавали послѣднее цѣлованіе и наперырывъ несли на своихъ раменахъ гробъ съ останками преподавателя И. И. Случевского, скончавшагося 4-го іюня 1900 г. Не отвергаю, что были тогда и питомцы съ худымъ направленіемъ, но они дѣйствовали такъ осторожно, что инспекція мало что знала о ихъ пропагандѣ. Одного изъ нихъ П-ру С., сына Полтавскаго мѣщанина, обучавшагося въ IV классѣ, правленіе семинаріи признало желательнымъ удалить изъ семинаріи и рѣшило, удостоивъ его перевода въ V классъ, уволить по прошенію, со свидѣтельствомъ объ окончаніи IV класса и балломъ поведенія по механическому выводу изъ мѣсячныхъ аттестацій. Къ несчастію для заведенія, благодаря моей слабости, П-ра въ началѣ учебнаго года былъ снова принятъ въ семинарію и въ благодарность за это причинилъ ей, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго повѣствованія, очень много

непріятностей. Какъ же могли принять его обратно въ семинарію, если считали неблагонадежнымъ? Вотъ какъ это случилось.

Визитъ оберъ-прокурора Сената В. К. Случевского.

29-го августа 1900 г. скоро послѣ литургіи, когда я сидѣлъ въ правленіи за дѣлами, принесли мнѣ визитную карточку Владиміра Константиновича Случевского, оберъ-прокурора кассационнаго департамента Правительствующаго Сената. Я пошелъ ему на встрѣчу и пригласилъ въ присутствіе. Здѣсь онъ рассказалъ мнѣ, что въ концѣ іюня ему пришлось ѣхать изъ Полтавы въ Миргородскій уѣздъ въ парномъ фэтонѣ, хозяиномъ и возницей котораго былъ мѣщанинъ П-ра, отецъ нашего воспитанника. Разговорились дорогою и возчикъ повѣдалъ ему о несчастіи съ сыномъ, котораго уволили изъ семинаріи по прошенію,—а между тѣмъ ни сынъ, ни онъ—отецъ не подавали такого прошенія,—и теперь очень боится, чтобы сынъ не покончилъ съ собою. Его превосходительство, конечно, вошелъ въ положеніе отца, который, какъ староста извощиковъ, умѣлъ и лазаря игѣть, и лягать въ кого угодно, и выставить предъ знатнымъ сѣдокомъ безсердечность семинарскаго начальства,—и съ своей стороны обѣщалъ ему сдѣлать, что возможно, для обратнаго принятія его сына въ семинарію. И вотъ съ этою цѣлью его превосходительство удостоилъ меня своимъ визитомъ и просилъ въ самой деликатной формѣ, нельзя ли чтонибудь сдѣлать для уволеннаго П-ры, который продолжаетъ находиться въ возбужденномъ состояніи. Въ виду важности занимаемаго г. Случевскимъ мѣста, близости его къ оберъ-прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву и его товарищу В. К. Саблеру,—что онъ подчеркивалъ въ бесѣдѣ и чѣмъ давалъ знать, что если его просьба не будетъ уважена, то онъ обратится къ нимъ съ ходатайствомъ о П-рѣ,—вынудили меня дать обѣщаніе, что дѣло о его протезе будетъ пересмотрѣно въ педагогическомъ собраніи правленія, и если не окажется серьезныхъ препятствій, будетъ разрѣшено въ благопріятномъ смыслѣ.

О неумѣстномъ ходатайствѣ оберъ-прокурора Правительствующаго Сената доложено было преосвященному. Вла-

дыка велѣлъ принять уволеннаго. Я пригласилъ въ правленіе семинаріи П-ру—отца и предложилъ ему подать прошеніе объ обратномъ принятіи сына, причемъ предупредилъ его, что при первой неисправности его будетъ исключенъ изъ семинаріи. Возвращенный юноша цѣлый учебный годъ велъ себя очень скромно, просвѣщался всякими пакостями и, какъ опытный пропагандистъ, нашептывалъ ихъ поддающимся увлеченію воспитанникамъ. Годъ учебный (1900—901) проходилъ безъ инцидентовъ и окончился благополучно. Собиравшійся уходить изъ семинаріи инспекторъ довольно снисходительно оцѣнивалъ поведеніе воспитанниковъ. П-ра перешелъ въ VI классъ въ первомъ разрядѣ и съ балломъ въ поведеніи 5!

Прот. Г. Пичета.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

15 Апрелья

№ 7

1913 года.

Содержаніе: Предложеніе Его Высокопреосвященства Харьковской Духовной Консисторіи о созывѣ Епархіальнаго съѣзда духовенства въ текущемъ году.—Правила о сборѣ пожертвованій на построеніе во имя Св. Николая Мурликійскаго храма и страннопріимнаго дома.—Отъ Экзаменаціонной Комиссіи при Харьковской Духовной Семинаріи.—Епархіальныя извѣщенія.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епарх. жен. училища. (Окончаніе)

Копія.

I.

Предложеніе Его Высокопреосвященства Харьковской Духовной Консисторіи о созывѣ Епархіальнаго съѣзда духовенства въ текущемъ году.

Консисторія сдѣласть надлежащее распоряженіе о созывѣ о.о. благочинныхъ всей епархіи (Епархіальный съѣздъ духовенства) для обсужденія епархіальныхъ дѣлъ и нуждъ, а главнымъ образомъ—объ изысканіи средствъ на расширеніе Епархіальнаго женскаго училища, планы коего составляются епархіальнымъ архитекторомъ. Съѣздъ о.о. благочинныхъ назначается на 15 мая и имѣеть продолжаться до 22 мая. Подлежащія учрежденія и лица должны представить въ предсъѣздную комиссію матеріаль для епархіальнаго съѣзда къ 1—5 мая.

Съѣздъ имѣеть собираться въ Епархіальномъ Домѣ. Консисторія оповѣститъ о семъ учебныя заведенія и другія епархіальныя учрежденія. 1913 года марта 25 дня № 180. Подлинное подписалъ Арсеній, Архіепископъ Харьковскій.

Правила о сборѣ пожертвованій на построеніе во имя Св. Николая Мурликійскаго храма и страннопріимнаго дома.

По благословенію Святѣйшаго Синода, 9 мая сего 1913 года, въ праздникъ перенесенія мощей Святителя Николая Чудотворца изъ Мѣръ-Лихійскихъ въ Баръ-градъ, тарелочный сборъ на построеніе храма и пріюта для русскихъ богомольцевъ въ Баръ-градъ имѣеть производиться такимъ образомъ:

1. Воззваніе о семъ сборѣ, а равно настоящія правила для его производства, печатаются въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

2. Духовная Консисторія заблаговременно доставляетъ во всё безъ исключенія церкви епархіи полученныя отъ Высочайше учрежденнаго Барградскаго Комитета пакеты съ надписями для сборныхъ блюдовъ, воззваніями и актами по сбору.

3. По полученіи въ церкви воззваній, священнослужители, на вѣбогослужебныхъ бесѣдахъ и чтеніяхъ, знакомятъ, по возможности, своихъ прихожанъ съ значеніемъ и цѣлью настоящаго сбора, причемъ при входѣ въ церковь раздаются прихожанамъ безплатно воззванія.

4. За недѣлю до дня сбора къ наружнымъ входнымъ дверямъ церкви прикрѣпляютъ особое, на большомъ листѣ, воззваніе Комитета о предстоящемъ сборѣ.

5. Въ дни сбора молящіяся въ храмѣ ознакомляются съ значеніемъ и цѣлью сбора посредствомъ устной проповѣди или прочтенія съ амвона пастырскаго слова, особо на сей случай составленнаго.

6. Самый сборъ производится посредствомъ обхожденія съ блюдомъ во время всѣхъ богослуженій праздника (на литургіи послѣ чтенія Евангелія, а на всенощной или утрени—послѣ чтенія шестопсалмія).

7. Производство этого сбора принимаетъ на себя, буде пожелаетъ, одинъ изъ священнослужителей, или церковный староста, или тотъ изъ почетныхъ прихожанъ, котораго на сіе благословитъ о. настоятель.

8. О собранныхъ деньгахъ составляется актъ за подписью о. настоятеля, членовъ причта, церковнаго старосты и лица, производившаго сборъ.

9. Собранныя деньги, вмѣстѣ съ актомъ, представляются, не позже мѣсяца со дня сбора, черезъ благочиннаго, въ Духовную Консисторію, которая доставляетъ ихъ въ Высочайше учрежденный Барградскій Комитетъ (С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., 36).

Отъ Экзаменаціонной Комиссіи при Харьковской Духовной Семинаріи.

Комиссія по производству экзаменовъ на право полученія священническаго сана симъ доводитъ до свѣдѣнія экзаменуемыхъ, что по священному Писанію Ветхаго Завета требуется знаніе на память миссіанскихъ мѣстъ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

а) Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

1) Крестьянинъ *Іоаннъ Зогоруйко* 17 марта опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при церкви Преображенія Господня, что на мѣстѣ чудеснаго событія 17 октября 1888 года.

2) Безмѣстный псаломщикъ *Павелъ Острроверховъ* 22 марта опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Казанской церкви с. Заброды, Богодуховскаго уѣзда.

б) О перемѣщеніи духовенства.

Священникъ Іоанно-Богословской церкви с. Средняго Бурлука, Волчанскаго уѣзда, *Іустинъ Корниенко*, согласно его прошенію, 22 марта перемѣщенъ на 1-е священническое мѣсто при церкви с. Хатней, того-же уѣзда.

в) Обь увольненіи за штатъ.

1) Священникъ церкви с. Хатней, Волчанскаго уѣзда, *Сергій Лидскій*, въ виду назначенія его помощникомъ Харьковскаго епархіальнаго миссіонера по Изюмскому и Старобѣльскому уѣздамъ, 28-го марта уволенъ за штатъ и причисленъ сверхъ штата къ Воскресенской церкви г. Славянска.

2) Псаломщикъ Троицкой церкви с. Мѣловскаго, Старобѣльскаго уѣзда, *Іванъ Любарскій*, 29 марта уволенъ отъ мѣста съ правомъ искать другое мѣсто.

г) О смерти духовенства.

Псаломщикъ Казанской церкви с. Заброды, Богодуховскаго уѣзда, *Никити Корочинъ*, 17 марта умеръ.

д) Обь утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

1) Къ церкви с. Печинъ, Ахтырскаго уѣзда, старостою 7 марта утвержденъ крестьянинъ *Діомидъ Давидовъ*.

2) Къ Покровской церкви с. Котельвы, того-же уѣзда, старостою 21 марта утвержденъ крестьянинъ *Михаилъ Супруненко*.

3) Къ церкви с. Ивановки, Волчанскаго уѣзда, старостою 24 марта утвержденъ крестьянинъ *Яковъ Мишевъ*.

4) Къ церкви с. Графскаго, того-же уѣзда, старостою 27 марта утвержденъ крестьянинъ *Макарій Бондаренко*.

5) Къ церкви с. Левендаловки, Валковскаго уѣзда, старостою 19 марта утвержденъ крестьянинъ *Викторъ Дудниченко*.

6) Къ Благовѣщенской церкви гор. Валокъ старостою 27-го марта утвержденъ крестьянинъ *Иванъ Гребенникъ*.

7) Къ церкви с. Старо-Покровскаго, Зміевскаго у., старостою 22 марта утвержденъ потомств. дворянинъ *Владимиръ Аркасъ*.

8) Къ церкви с. Новоселовки, Изюмекаго уѣзда, старостою 16 марта утвержденъ крестьянинъ *Леонасій Землякъ*.

9) Къ церкви с. Алисовки, того-же уѣзда, старостою 24 марта утвержденъ крестьянинъ *Василій Волошинъ*.

10) Къ церкви с. Коломійчихи, Куинскаго уѣзда, старостою 5 марта утвержденъ крестьянинъ *Михаиль Прійма*.

11) Къ церкви с. Приетайлово, Лебединск. уѣзда, старостою 2 апрѣля утвержденъ крестьянинъ *Михаиль Борисенко*.

12) Къ церкви с. Михайловки, Староб. уѣзда, старостою 22-го марта утвержденъ крест. *Николай Власенко*.

13) Къ Воскресенской церкви с. Ольшаны, Харьк. уѣзда, старостою 16 марта утвержденъ крестьянинъ *Павель Дудникъ*.

14) Къ Николаевской церкви той-же слободы старостою 16-го марта утвержденъ крест. *Иванъ Крамаренко*.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіального женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1911—1912-й учебн. годъ.

(Окончанію *).

Дополнительныя свѣдѣнія.

Харьковское Епархіальное женское Училище въ отчетномъ году, какъ и въ предшествоющіе 8 лѣтъ, пользовалось постояннымъ благо-склоннымъ вниманіемъ и отеческою заботливостью своего Архипастыря, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, на Архипастырское благоуемотрѣніе и рѣшеніе котораго Совѣтомъ представлялись училищныя дѣла. Владыка всегда интересовался училищною жизнью, чрезъ начальствующихъ лицъ и непосредственно входилъ въ нужды заведенія; Совѣтъ Училища многократно пользовался его Архипастырскими наставленіями, исполненными отеческою заботливости и многоопытнаго знанія.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 6 за 1913 г.

Наиболѣе выдающимися событіями въ жизни Училища были тѣ дни, когда оно удостоивалось посѣщеній своего высокаго Покровителя, когда Архипастырь совершалъ Божественную Литургію въ училищномъ храмѣ и возносилъ молитвы къ Богу о преуспѣяніи во всемъ благомъ дорогаго для всей епархіи заведенія. Въ теченіе учебнаго года Его Высокопреосвященство неоднократно посѣщало Училище. 22-го сентября Высокопреосвященнѣйшій Арсеній изволилъ посѣтить Училище во время классныхъ занятій. Въ этотъ день Владыка благословилъ всѣхъ воспитанницъ, собравшихся въ актовомъ залѣ, и благоволилъ раздать похвальные листы лучшимъ изъ нихъ по поведенію и успѣхамъ. Послѣ сего Владыка присутствовалъ на урокахъ въ 7 педагогическомъ классѣ и въ 3-хъ первыхъ классахъ.

4-го декабря, въ день храмоваго училищнаго праздника Св. Великомученицы Варвары, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній вмѣстѣ съ Преосвященнѣйшимъ Теодоромъ, Епископомъ Сумскимъ, совершилъ въ училищномъ храмѣ Божественную Литургію въ сослуженіи о. Ректора Семинаріи, о. Предсѣдателя и членовъ училищнаго Совѣта. За Литургіей было произнесено о. Инспекторомъ классовъ соответствующее празднику слово. Послѣ Литургіи Его Высокопреосвященствомъ въ сослуженіи Его Преосвященства и многочисленнаго духовенства былъ отслуженъ молебенъ Св. Великомученицѣ Варварѣ. По окончаніи Богослуженія, Его Высокопреосвященство привѣтствовало Училище съ храмовымъ праздникомъ, высказало ему благожеланіе всегда пользоваться покровительствомъ Св. Великомученицы Варвары и преподало воспитанницамъ и всѣмъ служащимъ благословеніе. Послѣ церковнаго торжества Владыка благоволилъ вмѣстѣ съ училищною корпораціей раздѣлить хлѣбъ-соль.

Вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Теодора, Епископа Сумскаго, въ училищномъ залѣ состоялось годичное собраніе членовъ Братства Св. Великомученицы Варвары, на которомъ былъ прочитанъ годичный отчетъ. Послѣ засѣданія Братства воспитанницами Училища былъ устроенъ вокально-музыкальный вечеръ. Послѣ концертнаго отдѣленія Преосвященному Теодору, членамъ Братства и гостямъ воспитанницами 6-хъ классовъ былъ предложенъ чай и фрукты.

26-го января Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній снова посѣтилъ Училище. Владыка присутствовалъ на урокахъ въ старшихъ классахъ—въ 7 педагогическомъ, 6-хъ, 5-хъ, 4-хъ и 3-хъ классахъ. Здѣсь Владыка слушалъ уроки настав-

никовъ и отвѣты воспитанницъ, спрашивалъ воспитанницъ по Закону Божию, интересовался занятіями ихъ по другимъ предметамъ и вообще всѣми сторонами училищной жизни.

30-го апрѣля Его Высокопреосвященство присутствовало на экзаменѣ по Закону Божию въ 7 педагогическомъ классѣ. По окончаніи экзамена, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній похвалилъ воспитанницъ за хорошіе отвѣты, преподалъ имъ нѣсколько благожелательныхъ наставленій и благословилъ каждую изъ нихъ.

18-го мая, по случаю исполнившагося 30-лѣтняго служенія Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія въ епископскомъ санѣ, Училище вознесло горячія молитвы о здравіи Архiepаcтыря, а въ лицѣ начальствующихъ лицъ—о Предсѣдателя Совѣта, Начальницы Училища и о Инспектора классовъ принесло поздравленіе Владыкѣ во вновь освященномъ въ этотъ день Епархіальномъ домѣ.

10-го іюня, въ день отпуса воспитанницъ, окончившихъ курсъ, Его Высокопреосвященство присутствовало на Литургіи въ училищномъ храмѣ, совершенной о. Предсѣдателемъ и членами училищнаго Совѣта. За Литургіей, вмѣсто причастнаго стиха, Инспекторомъ классовъ произнесено было прощальное слово окончившимъ курсъ воспитанницамъ. Послѣ Литургіи, Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній въ сослуженіи многочисленнаго духовенства совершилъ благодарственный Господу Богу молебенъ. По окончаніи церковнаго торжества въ залѣ Училища состоялся актъ, на которомъ былъ прочитанъ краткій отчетъ о состояніи Училища и 77 выпускнымъ воспитанницамъ были розданы аттестаты и награды, а 32 воспитанницамъ 7 дополнительнаго класса—свидѣтельства и награды. Каждая воспитанница подходила подъ благословеніе Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, и изъ рукъ Его Высокопреосвященства получала Евангеліе съ собственноручною надписью Владыки и молитвенникъ, а отъ Почетной Попечительницы Училища, Д. Д. Оболенской—награду. Затѣмъ Его Высокопреосвященство напутствовало окончившихъ курсъ ученія трогательною рѣчью, въ которой поздравилъ ихъ съ окончаніемъ образованія и воспитанія въ учебномъ заведеніи и призывалъ ихъ хранить въ послѣдующей жизни все то доброе и благочестивое, что онѣ видѣли и слышали въ продолженіе своего образованія. Столь высокое вниманіе со стороны Его Высокопреосвященства тронуло воспитанницъ и онѣ отъ всего сердца пропѣли ему «Многая лѣта». Затѣмъ о. Предсѣдатель Совѣта, Протоіерей Н. Стеллецкій, обратился къ Его Высокопреосвященству съ рѣчью, въ которой отъ лица училищной кор-

пораціи, питомиць, окончившихъ курсъ, и родителей послѣднихъ высказалъ чувства самой искренней сердечной благодарности за теплую, истинно отеческую любовь къ Училищу, особенно за матеріальную помощь бѣднѣйшимъ воспитанницамъ Училища, благодаря которой нѣкоторыя изъ нихъ имѣли возможность получить въ Училищѣ свое образованіе. Въ отвѣтъ на эту рѣчь воспитанницами и всѣми присутствующими въ училищномъ залѣ Владыкѣ также было пропѣто «Многая лѣта». Актъ закончился пѣніемъ народнаго гимна «Боже, Царя храни», молитвою «Достойно есть» и благословеніемъ Владыки, послѣ чего училищной корпораціи въ квартирѣ Начальницы Училища былъ предложенъ хлѣбъ-соль, который почтилъ своимъ присутвіемъ Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, и Почетная Почетельница Училища, Д. Д. Оболенская.

30-го октября 1911 года Училище посетилъ Его Высокопревосходительство, Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Владиміръ Карловичъ Саблеръ. Его Высокопревосходительство прибылъ въ Епархіальное Училище около половины 2-го часа дня и былъ встрѣченъ полнымъ составомъ Совѣта и корпораціей Училища. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній съ Преосвященнѣйшимъ Θεодоромъ, Епископомъ Сумскимъ. Высокіе гости вошли въ корридоръ, гдѣ Г-ну Оберъ-Прокурору были представлены преподаватели, а затѣмъ всѣ поднялись въ средній этажъ, гдѣ ихъ встрѣтили воспитательницы и учительницы. Удостоивъ каждую изъ нихъ вопросомъ о времени ихъ службы и мѣста воспитанія, Г. Оберъ-Прокуроръ отправился въ сопровожденіи Высокопреосвященнаго Арсенія и Преосвященнаго Епископа Θεодора въ училищную церковь, гдѣ были собраны воспитанницы двухъ 6-хъ классовъ. Высокіе гости вошли въ церковь при пѣніи тропаря храму. Его Высокопревосходительству очень понравилась церковь, равно и расположеніе класенаго и церковнаго корпусовъ и усадьбы Училища. Затѣмъ Его Высокопревосходительство изволилъ пройти въ залъ. Воспитанницы, пропѣвъ «Исполла-эти-деспота» Его Высокопреосвященству, привѣтствовали дорогого гостя глубокимъ поклономъ. Первое, что бросилось въ глаза Его Высокопревосходительству—множество воспитанницъ, и онъ еказалъ, что такого многочлуднаго Епархіальнаго Училища ему еще не приходилось посѣщать. Потомъ Его Высокопревосходительство пожелалъ послушать пѣніе воспитанницъ. Пропѣли два догматика: «Кто Тебе не ублажитъ» и «Царь Небесный» и кантату на 17-е октября 1888 года. Спросивъ

затѣмъ, сколько въ Училищѣ классовъ, Его Высокопревосходительство выразилъ сожалѣніе, что нѣтъ 8-го класса. На это Высокопреосвященный Арсеній отвѣтилъ, что 8-го класса невозможно открыть за недостаткомъ помѣщенія. Послѣ краткихъ вопросовъ о постановкѣ ученія, пѣнія и воспитанія Его Высокопревосходительство обратился къ воспитанницамъ съ слѣдующею рѣчью:

«Много лѣтъ тому назадъ пришлось мнѣ быть въ Римѣ. Гуляя по улицамъ города, я увидѣлъ въ витринѣ одного магазина прекрасную гравюру съ подписью «Діана или Христосъ». Гравюра эта мнѣ очень понравилась, и я поспѣшилъ ее приобрести для своей церковно-учительской школы. Я постараюсь вкратцѣ передать содержаніе этой гравюры. Представленъ Колизей, нереполненный народомъ: посреди стоитъ дивной красоты дѣвушка въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ; лицо ея вдохновенно, глаза сіяютъ. Возлѣ нея стоитъ молодой, красивый, мужественный римскій воинъ и, наклонившись, что то шепчетъ ей; ихъ окружаютъ дѣвушки, подруги юной исповѣдницы Христа въ такихъ же бѣлыхъ одеждахъ. Вблизи ихъ находится статуя богини Діаны Ефесской. Глубокій старецъ-жрецъ по видимому убѣждаетъ христіанку бросить нѣсколько крупицъ ладана на жертвенникъ, находящійся предъ статуей богини, и этимъ незначительнымъ движеніемъ показать, что она отрекается отъ Христа и признала себя служительницей Діаны. Но дѣвушка не соглашается на это. Подруги смотрятъ на нее съ нѣмымъ удивленіемъ, а стоящій рядомъ женихъ-воинъ въ свою очередь проситъ ее о чемъ то, видимо и онъ ее убѣждаетъ бросить горсть ладана на жертвенникъ Діаны. Къ довершенію полноты картины въ сторонѣ сидитъ проконсулъ и, приподнявъ руку, внимательно слѣдитъ за движеніями дѣвушки, а позади расположился скриба-писецъ римскій, который записывалъ слова и дѣйствія дѣвушки, какъ бы заносилъ ихъ въ протоколъ. Дѣвушка не хочетъ сдѣлать такой по видимому незначительной жертвы, какъ нѣсколько крупицъ ладана, и женихъ ея не любовь, не внимаешь увѣщаніямъ его и рѣшается отказаться отъ всѣхъ благъ земныхъ во имя Христа.

Теперь нѣтъ Колизея; отъ него остались одни лишь развалины; не поклоняются теперь и Діанѣ Ефесской, но твердости христіанской приходится и теперь переносить значительныя испытанія. Особенно молодымъ людямъ, молодымъ дѣвушкамъ, вступающимъ въ жизнь, при избраніи ими жизненнаго пути. Приходится выбирать между трудовою жизнью, жизнью полной подвиговъ и лишеній, и жизнью легкой, полной прелести, удовольствій и развлеченій. Этотъ выборъ,

который приходится дѣлать между христіанскимъ идеаломъ и прелестьями міра, бываетъ очень труденъ. Чтобы укрѣпить христіанскую настроенность, выработать нравственную твердость въ дѣвушкахъ христіанскихъ, существуютъ различныя учебныя заведенія. Ваше Епархіальное Училище есть не только учебное заведеніе, но и воспитательное. Оно имѣетъ задачей выпустить твердыхъ, чистыхъ, свѣтлыхъ дѣвушекъ, которыя являлись бы хорошими не только въ своихъ семьяхъ, но и въ школахъ насаждали бы православную христіанскую вѣру. Я не сомнѣваюсь, что именно отсюда вы выходите съ такимъ религіозно-нравственнымъ направленіемъ и это направленіе несете съ собою въ жизнь, насаждая всюду и вездѣ христіанскую твердость и настроенность. Этимъ самымъ вы исполняете долгъ каждаго гражданина. На каждомъ изъ насъ, на какой бы степени службы мы ни находились, лежитъ нравственный долгъ вносить всюду свѣтъ христіанскаго ученія, заботиться о воплощеніи въ жизни христіанскихъ идеаловъ, и за успѣшное или не успѣшное выполненіе этого мы должны дать отвѣтъ предъ Богомъ и людьми.

Я доволенъ, что мнѣ пришлось быть въ вашемъ Училищѣ, слышать ваше прекрасное, стройное пѣніе и, пользуясь случаемъ, выразить вамъ свои пожеланія. Желаю Харьковскому Епархіальному женскому Училищу дальнѣйшаго процвѣтанія. Желаю, чтобы изъ вашего Училища выходили молодыя дѣвушки, готовыя служить народу, Церкви, Царю и родинѣ, сознающія высокія обязанности свои, важность принятаго на себя дѣла. Позвольте пожелать вамъ быть добрыми христіанками, которыя сѣяли бы сѣмена добра, свѣтъ въ сердцахъ вѣрнѣныхъ вамъ дѣтей. Развивайте въ себѣ, въ дѣтяхъ любовь ко всему изящно-прекрасному. Родина зоветъ васъ на службу себѣ. Идите, положите свои молодыя силы на общее дѣло, вносите радость и свѣтъ всюду, гдѣ будете являться; войдите съ миромъ въ школы и способствуйте разсвѣтленію народной тьмы. Я же желаю вамъ успѣха. Еще желаю процвѣтанія Харьковскому Епархіальному женскому Училищу, воспитывающему въ васъ лучшія чувства, которыя будутъ вдохновлять васъ къ чистой, свѣтлой, идеально-прекрасной христіанской жизни».

Въ отвѣтъ на эту рѣчь Его Высокопревосходительства о. Предсѣдатель Совѣта, Протоіерей Николай Стеллецкій, поблагодарилъ отъ лица ученицъ и всего учебно-воспитательнаго персонала за посѣщеніе Училища и пожелалъ Его Высокопревосходительству долгихъ лѣтъ жизни и службы на благо святой Церкви и ея духовныхъ школъ. Между прочимъ о. Предсѣдатель указалъ на насущный вопросъ въ

жизни Епархіальныхъ Училищъ—на необезпеченность служащихъ въ нихъ казенной пенсіей и просилъ объ этомъ его ходатайства. Въ отвѣтъ на это Его Высокопревосходительство высказалъ надежду, что совмѣстными успіями центрального управленія и Епархіальнаго духовенства вопросъ этотъ будетъ скоро разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Простившись съ воспитанницами въ залѣ, Его Высокопревосходительство направился въ квартиру г-жи Начальницы, гдѣ ему предложенъ былъ завтракъ. Здѣсь Его Высокопревосходительство выразилъ свое впечатлѣніе о благоустройствѣ Училища и соблаговолилъ сдѣлать слѣдующую запись въ книгѣ для почетныхъ посѣтителей: «30-го октября съ особымъ утѣшеніемъ посѣтилъ Харьковское Епархіальное Училище. Отрадно было слышать стройное пѣніе. Воспитанницы усвоили себѣ и священный текстъ и величавые напѣвы догматиковъ. Училище производитъ отличное впечатлѣніе здоровымъ видомъ воспитанницъ и образцовымъ порядкомъ.—Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, Владиміръ Саблеръ».

Спустя четверть часа Училище провожало своего высокаго гостя, который отсюда отбылъ въ Школьный музей.

Наконецъ, въ настоящемъ годовомъ отчетѣ не можетъ быть не отмѣчена новая экскурсія воспитанницъ Харьковского Епархіальнаго Училища. По примѣру прежнихъ лѣтъ, съ разрѣшенія и благословенія Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія, воспитанницы 6-хъ классовъ, въ количествѣ 25, 12-го іюня послѣ годичнаго акта двинулись въ путь. Мѣстами посѣщенія служили города—Кіевъ, Москва и С.-Петербургъ—центры религіозной, исторической и общественной жизни. Экскурсіей руководила г-жа Начальница Училища, Е. Н. Гейцыгъ, сопровождали воспитанницъ двѣ старшихъ и одна младшая воспитательницы и помощница больничной надзирательницы.

Во всѣхъ мѣстахъ посѣщенія экскурсантки встрѣчали участливое сердечное отношеніе къ себѣ, радушный пріемъ и гостепріимство. Въ Кіевѣ имъ оказано было милостивое вниманіе со стороны Высокопреосвященнаго Митрополита Флавіана. Благостный Владыка принялъ экскурсантокъ въ своихъ покояхъ и каждую благословилъ образомъ Успенія Божіей Матери.

Юныя путешественницы все время чувствовали себя весело и бодро. Съ свѣтлыми, новыми мыслями, юношескимъ восторгомъ о видѣнномъ, рѣдкими интересными впечатлѣніями, разносторонними знаніями возвратились 1-го іюля экскурсантки на родину и разъѣхались по домамъ. На долго сохранять онѣ и свѣтлыя воспоминанія о видѣнномъ, и благодарную память устроителямъ и руководителямъ

экскурсій. Дай Богъ, чтобы это новос, въ высшей степени полезное и симпатичное въ школьной жизни дѣло съ такимъ же успѣхомъ продолжалось и далѣе въ нашемъ Училищѣ.

Ревизіи со стороны членовъ Учебнаго Комитета Училища въ отчетномъ году не подвергалось.

Б Р А Т С Т В О

во имя Св. Великомученицы Варвара при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ Училищѣ.

При Училищѣ существуетъ благотворительное учрежденіе «Братство во имя Св. Великомученицы Варвары». Открытое 9-го февраля 1903 года Братство находится подъ покровительствомъ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, и состоитъ изъ неограниченнаго числа членовъ обоюго пола, всѣхъ званій и состояній—пожизненныхъ, сдѣлавшихъ пожертвованія Братству единовременно не менѣе 50 р., дѣйствительныхъ, вносящихъ въ пользу Братства не менѣе трехъ рублей, и соревнователей, которые содѣйствуютъ Братству въ его задачъ незначительными денежными пожертвованіями, менѣе 3 руб.

Значительное пожертвованіе въ отчетномъ году поступило отъ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, двѣ 4% ренты по 100 р. въ неприкосновенный капиталъ Братства и 100 р., всего 300 р., отъ Высокопреосвященнаго Флавіана, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, 200 руб., отъ Преосвященнаго Феодора, Епископа Сумскаго, 25 р., отъ Попечительницы Училища Д. Д. Оболенской—25 р., выручено отъ продажи 2110 билетовъ на лотерею по 5 к. въ пользу Братства—105 р., отъ протоіеря Петра Мигулина—100 р., отъ священника Іоанна Мантулина—100 р.

Къ 1-му сентября 1912 года капиталъ Братства являлся 15304 рублямъ 86 коп., въ томъ числѣ % бумагами 14100 р. Благотворительная дѣятельность Братства въ теченіе года выразилась въ пособіи 63 бѣднѣйшимъ воспитанницамъ въ уплату за содержаніе въ училищномъ общежитіи, а также на пріобрѣтеніе теплаго платья и бѣлья нѣкоторымъ изъ нихъ, въ размѣрѣ 2565 р. 50 к. Кроме того, 20-ти бѣднымъ воспитанницамъ выдано пособіе при окончаніи курса въ количествѣ 289 р.

Пожертвованія въ пользу Училища.

Пожертвованія на разныя нужды Училища въ отчетномъ году поступили слѣдующія:

а) Отъ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, сребропозлащенные образки Озерянской Божіей Матери для всего наличнаго состава воспитательницъ, учительницъ руководящихъ, больничныхъ надзирательницъ и всѣхъ воспитанницъ.

б) Отъ Высокопреосвященнаго Арсенія 25 руб. на лотерею.

в) Отъ Попечительницы Училища, Д. Д. Оболенской, 1000 р. для сооруженія иконъ и кіотовъ къ нимъ въ училищную церковь.— Иконы—Св. Николая и Св. Апостола Іоанна Богослова и Св. Мученицы Даріи (святыхъ соименныхъ жертвовательницы и ея мужа) сооружены по заказу въ Москвѣ у Немирова-Колодкина, художественной работы, въ серебряныхъ позолоченныхъ ризахъ въ 325 р. каждая. Кіоты приготовлены въ Харьковѣ рѣзной, изящной работы съ позолотою, цѣною въ 320 р. оба. Мѣдный пруть (вмѣсто ставниковъ) съ подсвѣчниками, ц. 30 р.

г) Отъ священника Іоанна Филипповича икона «Преображеніе Господне»—копія съ иконы художника Крамского въ храмъ Христа Спасителя на мѣстѣ крушенія Царскаго поѣзда, собственной работы.

д) Отъ Попечительницы Училища, Д. Д. Оболенской 26 экземпляровъ нотъ въ изящныхъ переплетахъ въ награду ученицамъ по музыкѣ.

е) Отъ нея же 15 руб. на лотерею въ пользу Братства.

ж) Отъ протоіеря Павла Солнцева 3000 р. на учрежденіе стипендіи его имени въ Училищѣ.

з) Отъ умершаго протоіеря Петра Мигулина (по завѣщанію) двѣ тыщи рублей ренты для выдачи 2% бѣднѣйшимъ воспитанницамъ при окончаніи курса (2000 р.).

и) Отъ члена Совѣта, священника Алексея Жадановскаго, эстрада въ торжественный залъ Училища, стоимостью въ 57 р.

і) Отъ А. А. Ж. сто рублей (100 р.) въ уплату за воспитаніе ученицы 7 класса Анны Лядской.

к) Отъ С. Я. Токаревой 50 р. для учениковъ образцовой школы при Училищѣ и на лотерею для воспитанницъ 15 р.

л) Отъ нея же около 1500 предметовъ для устройства лотерей въ пользу Братства Св. Варвары.

м) Отъ Н. П. Савинова, Инспектора Института Благородныхъ Дѣвицъ, 50 экз. его сочиненія «Сказка о наливномъ яблочкѣ и золотомъ блюдечкѣ» въ стихахъ для раздачи воспитанницамъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе года на разныя нужды Училища, не считая пожертвованій вещами, денежныхъ пожертвованій поступило пять тысячъ двѣсти пять рублей (5205 р.)

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи образцовой одноклассной церковно-приходской школы при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ Училищѣ за 1911-1912 учебный годъ.

Личный составъ служащихъ въ школѣ лицъ въ отчетномъ году былъ слѣдующій: 1) предсѣдатель Совѣта школы, Протоіерей Николай Стеллецкій, профессоръ Богословія въ Университетѣ; 2) Начальница Училища, Евгенія Николаевна Гейцыгъ, 3) Инспекторъ классовъ Училища, Протоіерей Іоаннъ Котовъ, 4) Епархіальный наблюдатель, Ваенлій Федоровичъ Давыденко, 5) руководитель школы, преподаватель дидактики къ Училищѣ, Владимиръ Александровичъ Тихомировъ, 6) Законоучитель школы, священникъ Николай Загоровскій, учительницы: 7) Анна Григорьевна Ладенкова и 8) Викторія Ивановна Петрусенко и 9) Попечительница школы, жена купца, Серафима Яковлевна Токарева.

Число учащихся за отчетный годъ было неодинаково: въ началѣ учебного года было 70 учащихся (27 мальчика и 43 дѣвочки), къ концу же года это число сократилось до 65-ти (26 мальчиковъ и 39 дѣвочекъ). По отдѣленіямъ школы учащіеся распредѣлились къ концу учебного года такъ: въ 1 отдѣленіи 21 ученикъ, во 2 отдѣленіи 21, въ 3—17 и въ 4—66 учениковъ. По своему происхожденію учащіеся принадлежали къ сословіямъ: мѣщанскому, крестьянскому и цеховому классу. По вѣроисповѣданію—все православные.

Обученіе велось въ школѣ во всемъ согласно съ программами церковныхъ школъ. Программы по всеѣмъ предметамъ были выполнены надлежащимъ образомъ. При прохожденіи предметовъ употреблялись слѣдующіе учебники и ученныя пособія: 1) по Закону Божию—«Наставленіе въ Законъ Божіемъ» Архіепископа Агафодора и «Начальныя свѣдѣнія изъ Исторіи Церкви» прот. П. Смирнова; 2) по церковному пѣнію употреблялась «Божественная Литургія» Смирнова; 3) по церковно-славянской грамотѣ—букварь и книга для чтенія Ильминскаго въ 1 и 2 отдѣленіяхъ и Евангеліе въ 3 и 4 отдѣленіяхъ; 4) по русскому языку—букварь Лебедева «Ученые свѣтъ», «Вешніе всходы» (кн. 1—3) Д. Тихомирова и «Практическій курсъ правописанія» Некрасова; 5) по численію задачки Гольденберга и Комарова и 6) по чистописанію—прописи Гербача.

Библіотека школы къ концу отчетнаго года заключала въ себѣ 450 названій въ 880 томахъ. Удовлетворивъ около 800 требованій учениковъ по выдачѣ книгъ изъ библіотеки, учащія въ школѣ лица

сами пользовались при преподаваніи церковно-школьнымъ музеемъ, находящимся при школѣ и заключающимъ въ себѣ до 4000 отдѣльныхъ предметовъ. Въ отчетномъ году школа для той же цѣли приобрѣла на деньги, собранныя съ учащихся (по 1 р. съ учащагося), нѣсколько наглядныхъ пособій по Закону Божию, исторіи и географіи Россіи.

Учебный годъ начался 1-го сентября и окончился 10 мая. Ежедневное распредѣленіе занятій въ школѣ вполне совпадало съ распредѣленіемъ ихъ въ самомъ Епархіальномъ Училищѣ, т. е., уроки вообще и каждый въ отдѣльности начинались и оканчивались въ то же время, какъ и въ Училищѣ.

Въ своей дѣятельности школа не ограничивалась однимъ лишь обученіемъ дѣтей тому или другому предмету, а заботилась также о религіозно-нравственномъ ихъ воспитаніи. Въ этихъ видахъ предъ началомъ занятій читались въ школѣ утреннія молитвы и дневное Евангеліе, каждый урокъ предварялся и заканчивался положенными молитвами; въ воскресные и праздничные дни учащіеся, подъ надзоромъ учительницъ, присутствовали за Богослуженіемъ въ ближайшей къ школѣ Іоанно-Усѣкновенской церкви; въ Рождественскій постъ и на первой недѣлѣ Великаго Поста ученики въ той же церкви говѣли и причащались Св. Таинъ. Въ цѣляхъ религіознаго и нравственнаго воспитанія учащихся послѣ Богослуженія устраивались чтенія историческаго содержанія: одно было посвящено памяти перваго русскаго поэта и ученаго, М. В. Ломоносова (8 января), а другое—мученика за вѣру и отечество, Патриарха Гермогена. Съ тою же цѣлью—религіознаго воспитанія была предпринята 27-го мая экскурсія учащихся въ Күряжскій монастырь, гдѣ они прослѣшали вечерню и молебенъ предъ чтимой Озерянскою иконой Божіей Матери и осматривали достопримѣчательности монастыря. Въ теченіе года ученики вели себя вполне прилично какъ въ школѣ, такъ и за стѣнами ея. Посѣщали школу довольно исправно; опущенія уроковъ были вообще рѣдки и почти всегда по болѣе или менѣе уважительнымъ причинамъ. За отсутствіемъ особо предосудительныхъ поступковъ къ крайней мѣрѣ наказанія—увольненію изъ школы не приходилось прибѣгать ни разу въ отчетномъ году.

Годичныя переводныя испытанія учащихся въ 1—3 отдѣленіяхъ были произведены 7 мая комиссіей изъ законоучителя и учительницъ школы. По малоуспѣшности пришлось оставить на повторительный курсъ въ I отдѣленіи 2 и II отдѣленіи 2 учащихся; остальные были переведены въ слѣдующія отдѣленія. Выпускные экзамены для уча-

щихся 4 отдѣленія были произведены 10 мая особой комиссіей, состоявшей изъ предѣдательницы—Начальницы Училища, Е. Н. Гейцыгъ, Инспектора классовъ Училища, Протоіерея Іоанна Котова, руководителя школы В. А. Тихомирова и учащихся въ школѣ. Всѣ экзаменовавшіеся (6 человекъ) признаны удовлетворительно выдержавшими испытанія, почему и были удостоены установленныхъ свидѣтельствъ объ окончаніи курса одноклассной школы. Изъ числа переведенныхъ и окончившихъ курсъ нѣкоторые были награждены книгами и похвальными листами. Таковыхъ оказалось въ общей сложности 17 человекъ: по три ученика въ 1 и 2 отдѣленіяхъ, въ 3-мъ—5 и 6 учениковъ въ 4 отдѣленіи.

Учебный годъ закончился школьнымъ актомъ 11-го мая. Въ день памяти свв. Кирилла и Меѳодія (11 мая) учащіеся присутствовали на Литургіи и молебнѣ въ церкви Епархіальнаго Училища, при чемъ подъ руководствомъ воспитанницъ Училища исполняли на лѣвомъ клиросѣ многія пѣнопѣнія изъ Литургіи.

Расходы по содержанію школы производились изъ общихъ средствъ Епархіальнаго Училища съ пособіемъ а) отъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ въ размѣрѣ 500 р., б) отъ города Харькова въ размѣрѣ 300 руб. и съ взносами за право ученія по 1 руб. отъ ученика (всего 70 руб.). Изъ образовавшейся такимъ образомъ суммы на удовлетвореніе жалованьемъ учащихся было израсходовано 920 р., а именно: на жалованье законоучителю—260 р., первой учительницѣ—360 и второй—300 р. Попечительница школы С. Я. Токарева пожертвовала 50 р., каковыя деньги были израсходованы на устройство литературно-вокальнаго вечера для учениковъ и экскурсіи ихъ въ Куряжскій монастырь.

Практическія занятія воспитанницъ Училища въ образцовой школѣ.

Воспитанницы 7-го, двухъ 6-хъ и двухъ 5-хъ классовъ посѣщали образцовую школу въ цѣляхъ 1) присутствования на образцовыхъ урокахъ законоучителя и учительницъ школы, 2) наблюденія и критики занятій въ школѣ воспитанницъ Училища, 3) очереднаго дежурства по школѣ и 4) самостоятельныхъ учебныхъ занятій съ учащимися.

Ежедневно въ учебное время школу посѣщало не менѣе 9-ти воспитанницъ: 1 воспитанница 7 класса, 4—6 классовъ и 4—5 классовъ. Воспитанницы 5 классовъ въ первые два мѣсяца ограничивались наблюденіемъ за преподаваніемъ учащихся въ школѣ лицъ и

воспитанницъ 6 и 7 классовъ Училища, а начиная съ третьяго мѣсяца приступали и къ самостоятельнымъ занятіямъ въ школѣ, въ присутствіи и подъ ближайшимъ руководствомъ учительницъ школы. Для подготовки къ самостоятельнымъ занятіямъ воспитанницъ 5 классовъ учительницы, въ присутствіи всѣхъ воспитанницъ 5 классовъ, по назначенію преподавателя дидактики, давали и подробно разбирали типичные уроки по церковно-славянской грамотѣ, диктанту, объяснительному чтенію, рѣшенію задачъ и чистописанію, а потомъ уже заставляли и воспитанницъ 5 классовъ по очереди вести тѣ же самыя занятія. Воспитанницы же 6 и 7 классовъ приступили къ самостоятельнымъ занятіямъ съ самаго начала учебнаго года. Руководство этими очередными занятіями 5—7 классовъ лежало главнымъ образомъ на обязанности учительницъ школы. Последнія въ порядкѣ прохожденія школьныхъ предметовъ назначали матерьялъ для учебныхъ занятій воспитанницъ, наблюдая затѣмъ, чтобы въ теченіе года каждая воспитанница дала последовательно уроки по всѣмъ предметамъ школьнаго курса. Паканунъ очередныхъ занятій учительницы помогали воспитанницамъ составлять планы и конспекты назначенныхъ имъ уроковъ и вообще дѣлали разныя указанія относительно веденія урока. Во время самыхъ уроковъ учительницы, по мѣрѣ возможности, присутствовали на занятіяхъ воспитанницъ съ тѣмъ, чтобы послѣ урока отмѣтить достоинства и недостатки и преподать практиканткамъ другія руководственныя указанія. Такихъ уроковъ ежедневно, начиная съ ноября, давалось воспитанницами въ школѣ отъ 9-ти до 14-ти. Въ теченіе же года такихъ опытовъ преподаванія на долю каждой воспитанницы приходилось отъ пяти до 12-ти.

Изъ числа 9-ти воспитанницъ, ежедневно назначавшихся въ школу, пзбирались 4 дежурныхъ по школѣ, по одной воспитанницѣ на каждое отдѣленіе. Обязанности дежурныхъ по отдѣленіямъ подробно изложены въ составленной руководителемъ школы и надлежаще утвержденной инструкціи.

Всѣ воспитанницы 5 и 6 классовъ обязаны были вести педагогическіе дневники. Въ нихъ онѣ должны были своевременно вносить руководственныя указанія преподавателя дидактики и учащихся въ школѣ лицъ, планы и конспекты своихъ уроковъ, наблюденія надъ преподаваніемъ въ школѣ учащихся и воспитанницъ Училища, критическія замѣчанія по поводу занятій воспитанницъ и вообще всѣ впечатлѣнія отъ школьной жизни за тотъ день, который воспитанница проводила въ школѣ.

Независимо отъ вышеуказанныхъ занятій, воспитанницы 6 и 7 классовъ въ особо установленные расписаніемъ уроковъ въ Училищѣ часы посѣщали школу въ полномъ составѣ класса, воспитанницы 6 классовъ по одному разу въ недѣлю, а воспитанницы 7 класса—по четыре раза. Это время исключительно было посвящено 1) наблюденію и разбору примѣрныхъ уроковъ, дававшихся, по мѣрѣ надобности, то преподавателями дидактики и методикъ, то законоучителемъ и учительницами школы; 2) наблюденію и критическому разбору пробныхъ уроковъ, дававшихся воспитанницами 6 и 7 классовъ по образцу примѣрныхъ уроковъ. Пробные уроки давались воспитанницами 6 и 7 классовъ по всемъ предметамъ школьнаго курса и во все продолженіе учебнаго года, отъ самаго начала до конца его. Каждая воспитанница класса или по собственному выбору или по назначенію преподавателя и подъ его непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ должна была дать по тому или другому предмету пробный урокъ въ извѣстное время. Предъ пробнымъ урокомъ заблаговременно воспитанница по образцу даннаго и разобраннаго примѣрнаго урока, не безъ помощи разныхъ руководствъ и методикъ предмета, а также наставленій со стороны преподавателей, составляла подробный конспектъ предстоявшаго урока и представляла его наканунѣ урока преподавателю для просмотра и исправленія. Когда наступалъ часъ пробнаго урока, то въ комнату занятій собиравшесь всѣ воспитанницы одного класса съ практиканткой, преподаватель и воспитательница соответствующаго класса, учительницы школы и всѣ воспитанницы, бывшія въ школѣ, за исключеніемъ дежурныхъ по отдѣленіямъ. Весьма часто посѣщала пробные уроки и Начальница Училища. По окончаніи пробнаго урока тутъ же въ школѣ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, происходилъ всесторонній критическій разборъ урока. Въ немъ, подъ руководствомъ преподавателя, принимали участіе всѣ наблюдательницы урока, начиная съ воспитанницъ. Иногда разборъ пробнаго урока происходилъ и въ Училищѣ, на ближайшемъ урокѣ дидактики или методики. Иногда преподаватели требовали отъ нѣкоторыхъ воспитанницъ представленія письменныхъ отзывовъ о пробныхъ урокахъ. Въ теченіе года пробныхъ уроковъ на долю каждой воспитанницы 6 класса приходилось по одному, а 7 класса—по 4 урока.

Помимо очередныхъ занятій и пробныхъ уроковъ въ школѣ, воспитанницы 6 и 7 классовъ въ теченіе цѣлаго года, подъ руководствомъ преподавателя методики пѣнія, занимались обученіемъ учащихя церковному пѣнію. Для этой работы воспитанницы 6 и 7 клас-

совъ посѣщали школу въ тѣ часы дня, которые были свободны отъ занятій въ Училищѣ. Въ дни, посвященные памяти Ломоносова и Патріарха Гермогена, воспитанницы 7 класса Училища вели соответствующія чтенія и бесѣды. Нѣкоторыя изъ воспитанницъ 6 и 7 классовъ взяли на себя трудъ подготовить учащихся въ школѣ къ вокально-литературному вечеру, который былъ устроенъ на масленицѣ. Шесть воспитанницъ (2 изъ 7 и 4 изъ 6 классовъ) принимали участіе въ качествѣ руководительницъ въ экскурсіи ихъ въ Куряжскій монастырь.

Такимъ образомъ, образцовая церковно-приходская при Училищѣ школа, давая воспитаніе и обученіе въ церковномъ духѣ дѣтямъ бѣднѣйшихъ жителей города Харькова, вмѣстѣ съ тѣмъ практически подготовляла воспитанницъ Училища къ преподаванію въ начальныхъ школахъ и возбуждала и развивала въ нихъ стремленіе къ педагогической дѣятельности.

Пресѣдатель Совѣта, *Протоіерей Н. Стеллецкій.*

Начальница училища, *Евгенія Гейцыцъ.*

Инспекторъ классовъ, *Протоіерей Іоаннъ Кошовъ.*

Старшая воспитательница, *Аноллинарія Вышемірская.*

Члены Совѣта: { *Священникъ Алексій Жадитовскій.*
Священникъ Михаилъ Энцидовъ.
Священникъ Іоаннъ Петровскій.

Членъ-дѣлопроизводитель, *Священникъ Николай Липскій.*

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіального женскаго училища.

По постановленію Совѣта Харьковскаго Епархіального женскаго училища, утвержденнаго Его Высокопреосвященствомъ 1-го апрѣля с. г., пріемныя испытанія для вновь ноступающихъ въ первый классъ училища назначаются на 20, 21 и 22-е мая. Что же касается пріема въ другіе классы, то до каникулъ экзаменовъ не будетъ, въ виду того, что въ настоящее время еще неизвѣстно, будутъ ли свободныя вакансіи въ какой-либо изъ этихъ классовъ, или нѣтъ.

II.

Содержаніе. Христосъ воскресъ! *Свящ. Василія Григоровича.*—О пользѣ монастырей вообще и въ частности о епархіально-филантропическихъ учрежденіяхъ при монастыряхъ Харьковской епархіи. (Окончаніе). *Архимандрита Анастасія.*—Епархіальная хроника.—Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Духовной Семинаріи и совершеніе имъ литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ въ семинарскомъ храмѣ.—25-лѣтіе священства протоіеря І. Х. Пичеты.—**Иноепархіальный отдѣлъ.**—Архиастырское воззваніе пастырямъ Московской паствы и всѣмъ служителямъ церкви.—Иезуитская организація.—Христіанское содружество учащейся молодежи въ Варшавѣ.—**Разныя извѣстія и замѣтки.**—Къ 300-лѣтію Дома Романовыхъ.—Сила Евангелія.—Библиографія.—Объявленія.

Христосъ воскресъ!

„Христосъ воскресъ! воистину воскресъ!“—повсемѣстно благовѣствуютъ другъ другу православные; воздухъ наполненъ торжественнымъ звономъ церковныхъ колоколовъ; какъ никогда—свѣтлы службы Божіи; христіане объединились общей радостью и другъ друга привѣтствуютъ чистымъ поцѣлуемъ.

Какъ исчезаетъ дымъ, такъ предъ величіемъ радости Воскресенія пусть исчезнутъ изъ сердца всякія тяжелыя и мрачныя переживанія.

Торжество велико и всемірно: обнимемъ другъ друга!

Но, быть можетъ, кто смущается чувствомъ обиды на ближняго? Пусть спадетъ съ души горечь этой обиды при представленіи правды Божіей, которая соединилась съ дѣломъ любви, явленнымъ въ Воскресеніи. Для человѣка, состоящаго изъ души и тѣла, образующихъ одно цѣлое, потеря при смерти тѣла, какъ половины самого себя, ужасна. Христосъ уничтожилъ этотъ ужасъ возстаніемъ изъ мертвыхъ, открывши, какъ Первенецъ въ воскресеніи (1 Кор. 15, 20), путь къ воскресенію всѣмъ—праведнымъ и неправеднымъ (Дѣян. 24, 15). Это—дѣло любви Божіей.

Дѣло же правды Божіей таково: по воскресеніи (1 Кор. 15, 52 и др.), всѣ должны будутъ „явиться на судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому,

что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ, доброе или худое“ (2 Кор. 5, 10). Такимъ образомъ, и душа и тѣло человѣка будутъ участвовать въ полученіи справедливаго воздаяніа за земную жизнь. И тогда утѣшены будутъ обиженные, „ибо праведно предъ Богомъ оскорбляющимъ... воздать скорбію, а... оскорбляемымъ отрадою... въ явленіе Іисуса съ неба, съ Ангелами силы Его“ (2 Тес. 1, 4—7). Господу—праведный судъ (2 Тес. 1, 4; Втор. 32, 35; Рим. 12, 19).

А мы—ненавидящимъ насъ простимъ вся Воскресеніемъ. Иначе, если мы отъ души не простимъ другъ друга, можетъ ли быть доступнымъ для насъ полное участіе въ трепетномъ веселіи дней св. Пасхи? Вѣдь лишившій душевнаго мира другого и томящійся душою пострадавшій—взаимно отравляютъ спокойствіе другъ друга; пострадавшій омрачается, переживая сердечную боль отъ причиненнаго ему душевнаго смятенія, а виновный терзается, видя себя виновникомъ душевнаго безпокойства обиженнаго.

Безъ взмимнаго прощенія и забвенія огорченій, другъ другу принесенныхъ, невозможна полная радость сердца—даже въ дни всеобщаго ликованія о воскресеніи Христа.

Но пусть ничто не затемняетъ для насъ вѣчнаго веселія, оживившаго сердца человѣческаго воскресеніемъ Слова!—Забудемъ о нарушеніи нашего душевнаго мира причинившими намъ скорбь; превозможемъ себя: простимъ другъ друга, чтобы затѣмъ всегда съ нѣжною осторожностью и чистою любовью относиться другъ къ другу. Пусть тотъ, кто обидѣлъ, пойдетъ къ обиженному и сердечностью, отношеніемъ какъ къ родному, любимому человѣку, заживитъ раны, безразсудно сердцу другого нанесенныя имъ; а обиженный пусть проститъ, навсегда забудетъ обиду.

И тогда, освободившись отъ узъ всякихъ огорченій другъ на друга и радостно другъ друга обнявши, все будемъ идти къ свѣту, играюще, насху хваляще вѣчную и вопія: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!“

Священ. Василій Григоревичъ.

О пользѣ монастырей вообще и въ частности о епархіально-филантропическихъ учрежденіяхъ при монастыряхъ Харьковской епархіи.

(Окончаніе *).

10.

Омовскій Успенско-Серафимовскій женскій монастырь.

I. Церковно-монастырское училище.

- 1) Постройка зданія для училища стоитъ 3137 рублей.
- 2) Въ училищѣ 4 комнаты.
- 3) Израсходовано на ремонтъ училища и содержаніе по сіе время 1234 рубля.
- 4) Длина училища 12 арш., ширина 14 аршинъ.
- 5) Квартира для учительницы имѣется, состоитъ она изъ одной комнаты.
- 6) На классную мебель монастыремъ затрачено 47 руб.
- 7) Книгъ для чтенія, кромѣ учебниковъ, состоитъ 190 №.№.
- 8) Жалованья законоучитель не получаетъ, учительницѣ монастырь платитъ 140 руб. въ годъ.
- 9) Монастырь выдаетъ учительницѣ: чай, сахаръ и обѣдъ изъ сестерской кухни.
- 10) Монастырю стоитъ содержать училище ежегодно 240 рублей.
- 11) Попечительницей училища состоитъ настоятельница монастыря игуменія Меланія.
- 12) Завѣдующимъ училищемъ состоитъ монастырскій священникъ Іосифъ Васютинъ.
- 13) Застраховано училище въ 3000 рублей.
- 14) Учениковъ обучалось въ училищѣ со дня его открытія 78 человекъ.
- 15) Окончило полный курсъ ученія по сіе время 23 человекъ.
- 16) Въ 1912 году обучалось учениковъ 28 человекъ. Окончило курсъ ученія 6 человекъ.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 6 за 1913 г.

П. Монастырская больница.

- 1) Больница открыта въ 1904 году.
- 2) Постройка зданія для больницы стоитъ 4000 руб.
- 3) Больница состоитъ изъ 4 комнатъ.
- 4) Должность фельдшерницъ исполняютъ двѣ послушницы, курсъ ученія проходили онѣ при земской больницѣ въ сл. Сватовой Лучкѣ.
- 5) Помѣщеніе для аптеки, фельдшерницъ и ухаживающихъ за больными имѣется, состоитъ оно изъ 3-хъ комнатъ.
- 6) Инвентарь больничной: 10 кроватей, матрацы и одеяла для больницы—куплены Матвеемъ Егоровымъ Шестаковымъ.
- 7) Лекарствъ въ аптекѣ имѣется приблизительно на 100 руб.
- 8) Монастырскія фельдшерницы свои знанія пополняютъ выписываніемъ медицинскихъ книгъ.
- 9) Монастырь въ теченіе 6 лѣтъ платилъ прѣвзjemu доктору 200 руб. въ годъ.
- 10) Содержаніе больницы въ теченіе года стоитъ до 185 рублей.
- 11) Зданіе больницы застраховано въ 4000 руб., Богодѣльни и пріюта для дѣтей нѣтъ, а живутъ сироты-дѣвочки у своихъ родственницъ-монашекъ.

11.

Старобѣльскій Скорбяще - Богородицкій женскій монастырь.

1. Церковно-монастырское училище.

- 1) Зданіе для училища стоитъ 2868 рублей.
- 2) Въ училищѣ 5 комнатъ.
- 3) Израсходовано монастыремъ по сіе время на ремонтъ училища и содержаніе его 7047 рублей.
- 4) Длина зданія 19 ар., ширина 15 аршинъ.
- 5) Квартира для учительницы имѣется изъ 1 комнаты.
- 6) Монастыремъ затрачено на классную мебель 323 рубля.
- 7) Книгъ для чтенія, кромѣ учебниковъ, состоитъ 95 №№.
- 8) Монастырь платитъ жалованіе учительницѣ 200 руб. въ годъ.

9) Содержаніе училища монастырю стоитъ ежегодно до 500 рублей.

10) Завѣдующею училищемъ состоитъ настоятельница.

11) Зданіе училища застраховано въ 1000 руб.

12) Обучалось въ школѣ со дня открытія по сіе время 389 ученицъ, а окончили курсъ ученія 93 дѣвочки.

13) Въ 1912 году обучалось 40 дѣвочекъ, а окончили курсъ ученія 4 дѣвочки.

II. Монастырская больница.

1) Больница при монастырѣ открыта въ 1905 г.

2) Постройка зданія для больницы стоила 7482 рубля.

3) На ремонтъ больничнаго зданія израсходовано 128 рублей.

4) Больница состоитъ изъ 11 комнатъ.

5) Имѣется одна комната для аптеки и одна комната для завѣдующей больницею монахини.

6) Монастыремъ израсходовано на инвентарь 152 руб.; при больницѣ имѣется 6 кроватей, 6 матрацовъ и проч. и для сестеръ 1 самоваръ, 1 столъ и 1 диванъ для аптеки; все новое.

7) Приблизительно имѣется въ аптекѣ лекарствъ на 300 р.

8) Пріѣзжему фельдшеру монастырь платитъ 100 руб. въ годъ.

9) При больницѣ имѣется амбулаторія для мірянъ. Въ теченіе года бываетъ амбулаторныхъ больныхъ до 600 человекъ.

10) Содержаніе больницы съ амбулаторіей стоитъ до 800 руб. въ годъ.

11) Больница устроена на 5 кроватей, а въ остальныхъ комнатахъ живутъ престарѣлыя сестры.

III. Богадѣльня для бѣдныхъ изъ блага духовенства.

Богадѣльня состояла изъ 2-хъ комнатъ; въ настоящее время она отошла, по суду, Марфѣ Коваленковой. Нынѣ хотя и не имѣется богадѣльни въ монастырѣ, но имѣется домикъ на страннопріемномъ дворѣ, въ которомъ живутъ цѣлое лѣто больные бѣднѣйшіе изъ крестьянъ для леченія въ городской земской больницѣ.

Семиренковская Серафимская женская община.

Такъ какъ община эта основана недавно и у нея, по заявленію начальницы общины, монахини Серафимы, рѣшительно нѣтъ никакихъ средствъ для открытія филантропическихъ учрежденій, ибо монашки едва имѣютъ средства для пропитанія, то филантропическихъ учрежденій въ общинѣ пока не имѣется.

Теперь подведемъ итогъ: сколько каждымъ монастыремъ употреблено расхода на филантропическія учрежденія и на какія именно и вообще на дѣла благотворительности.

На постройку зданій, ремонтъ и вообще на содержаніе церковно-монастырскихъ училищъ 130,960 руб.

На постройку зданій, устройство и содержаніе больницъ съ амбулаторіями—89028 руб.

На постройку зданій, на устройство и содержаніе богадѣленъ для бѣднаго духовенства и мірянъ израсходовано 24687 рублей.

Къ сему должно присовокупить, что здѣсь обозначены далеко не всѣ суммы, употребленныя на епархіально-филантропическія учрежденія при монастыряхъ Харьковской епархіи; такъ напр. жалованье преподаватели монастырскихъ училищъ теперь получаютъ изъ уѣзныхъ отдѣленій Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, а прежде содержаніе имъ платили монастыри и нѣкоторые изъ нихъ платили многіе годы. Содержаніе училищъ показано только за одинъ годъ, а нѣкоторыя училища существуютъ давно, слѣдовательно сколько же они, израсходовали всего на учебное дѣло! Это даже и сообразить трудно. Равнымъ образомъ и расходъ по больницамъ и богадѣльнямъ означенъ только за одинъ годъ. По нѣкоторымъ учрежденіямъ недоставлены мнѣ свѣдѣнія; такъ напр. неизвѣстно: сколько стоитъ содержаніе богадѣльни при Богодуховскомъ монастырѣ? и проч. Если все привести къ одному знаменателю, то нужно будетъ прибавить нѣсколько десятковъ тысячъ рублей.

Мнѣ кажется, что всякій безпристрастный читатель изъ вышеизложеннаго увидитъ, что дѣло филантропіи и во-

обще дѣла благотворительности въ Харьковской епархіи поставлены на должную высоту.

Дай Богъ, чтобы и свѣтскія учрежденія приносили обществу столько пользы, сколько приносятъ монастыри Харьковской епархіи. Къ сему долгъ имѣю присовокупить, что всѣ означенныя филантропическія учрежденія въ монастыряхъ возникли благодаря необыкновенной энергіи и распорядительности Епархіальнаго Начальника — Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковского и Ахтырскаго. Да, можно сказать по справедливости, что управление Харьковской епархіей Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ можно назвать выдающеюся эпохою въ жизни сей епархіи. Это вѣдь я изобразилъ только одну часть дѣятельности пренопамятнаго Владыки, а очертить всю его дѣятельность по разнымъ сторонамъ управленія епархіею и во всѣхъ отношеніяхъ — изобразить не моему слабому перу.

Архимандритъ Афанасій.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Духовной Семинаріи и совершеніе имъ литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ въ семинарскомъ храмѣ.

22 марта с. г. Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній, изволилъ посѣтить Харьковскую Духовную Семинарію и совершить въ ея домовомъ храмѣ литургію Преждеосвященныхъ Даровъ.

Владыка-Архіепископъ прибылъ въ Семинарію въ 9^{1/2} часовъ утра. У входа въ Семинарію Его Высокопреосвященство былъ встрѣченъ ректоромъ Семинаріи и двумя іподіаконами, а въ вестибюлѣ зданія — корпораціей семинарскихъ преподавателей во главѣ съ Инспекторомъ Семинаріи. Преподавъ каждому благословеніе, Владыка прослѣдовалъ въ семинарскій храмъ, гдѣ, послѣ совершенія велико-

постныхъ часовъ, были собраны все воспитанники Семинаріи. Приложившись ко св. Кресту и давъ облобызать оный священнослужителямъ, Архіепископъ, при пѣніи «Достойно есть» выслушавъ предъ алтаремъ молитвы входа, приложился къ мѣстнымъ иконамъ и, благословивъ всехъ, при пѣніи «Гонѣ деснотинъ», прослѣдовалъ на архіерейскій амвонъ для облаченія. Во время облаченія хоромъ воспитанниковъ прекрасно была исполнена пѣснь «Свыше пророцы». Облачившись и осѣнивъ молящихся съ трикиріемъ и дикиріемъ въ рукахъ, Его Высокопреосвященство приступило къ совершенію литургіи. Его Высокопреосвященству сослужили: ректоръ Семинаріи— прот. А. Юшковъ, кафедральный протоіерей І. Гончаревскій, членъ Правленія Семинаріи отъ духовенства—благочинный священникъ П. Вишняковъ и духовникъ Семинаріи—священникъ І. Ильинскій, при протоіакопѣ В. Вербицкомъ.

Богослуженіе, совершаемое маститымъ Архіепастыремъ, всегда производитъ сильное, глубоко-назидательное впечатлѣніе на молящихся; въ особенности же совершеніе литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ съ ея трогательными, проникающими прямо въ душу пѣснопѣніями. Но въ этотъ разъ какъ-то особенно чувствовалась эта умирительная торжественность, заставляя всехъ молиться съ особымъ усердіемъ и благоговѣніемъ. Впечатлѣніе усиливалось прекраснымъ, стройнымъ и мелодичнымъ пѣніемъ хора воспитанниковъ Семинаріи, въ особенности же чуднымъ исполненіемъ трогательныхъ молитвъ: «Да исправится молитва моя» и проч., въ которомъ приняли участіе о. протоіакопъ и иподіакопъ о. Кіенко.

По окончаніи литургіи Владыка, разоблачившись, въ мантии вышелъ на солею, благословилъ всехъ общимъ благословеніемъ и сказавъ, что литургія Преждеосвященныхъ Даровъ своими чтеніями и пѣснопѣніями и вообще всеми своими чиновослѣдованіями настолько назидательна, что нѣтъ нужды дополнять ее особымъ поученіемъ: «достаточно будетъ вамъ, сказалъ Владыка, моего благословенія». Благословивъ еще разъ всехъ и снявъ съ себя архіерейскую мантию, Его Высокопреосвященство вышелъ изъ храма и прослѣдовалъ въ квартиру ректора Семинаріи. Сюда же собралась все сослужившіе Владыкѣ и семинарская корпорація въ полномъ своемъ составѣ. Побесѣдовавъ съ преподавателями и откушавъ чаю, Владыка, провожаемый пѣніемъ «исъ полла эти, деспота» и искреннею благодарностью учащихъ и учащихся за доставленное утѣшеніе, въ первомъ часу, при колокольномъ звонѣ, отбылъ въ свои Архіерейскіе покои.

25-лѣтіе священства протоіерея І. Х. Пичеты.

3 апрѣля исполнился 25-лѣтній юбилей широкаго и плодотворнаго пастырскаго служенія настоятеля Іоанно-Усѣкновенской церкви г. Харькова, маститаго и заслуженнаго протоіерея Іоанна Христофоровича Пичеты. Юбиларъ по происхожденію сербъ, родился въ Мостарѣ, главномъ городѣ Герцеговины, 9 сентября 1844 г. Здѣсь онъ получилъ и первоначальное школьное образованіе.

Въ маѣ 1858 г. онъ покинулъ родину и 28 іюня прибылъ въ Одессу, гдѣ номѣщенъ былъ въ пансіонѣ для южно-славянскихъ воспитанниковъ при тогдашней Херсонской семинаріи.

Въ Одессѣ І. Х. обучался одинъ годъ въ тамошнемъ духовномъ училищѣ и четыре года въ семинаріи. Въ 1863 г. поступилъ въ Кіевскую духовную академію въ составъ студентовъ XXIII курса и окончилъ оную въ іюнѣ 1867 г. со степенью кандидата.

По окончаніи академіи, І. Х. надѣялся осуществить свою юношескую мечту—трудиться на учительскомъ поприщѣ на родинѣ и выѣхалъ изъ Кіева въ Сербію съ цѣлью пробраться оттуда въ Герцеговину. Но увы! въ Бѣлградѣ онъ скоро убѣдился, что дѣйствительное положеніе дѣлъ на его родинѣ слишкомъ неблагоприятно для дѣятельности русскихъ воспитанниковъ, состоящихъ въ турецкомъ подданствѣ, и рѣшилъ вернуться въ Россію искать соответствующихъ занятій. Въ русской академіи онъ прочиталъ три пробныя лекціи по церковной исторіи и, получивъ право на занятіе въ одной изъ семинарій свободной кафедры по этому предмету, опредѣленъ былъ, по рекомендаціи академическаго совѣта, на должность преподавателя Полтавской семинаріи по церковной исторіи и соединеннымъ тогда съ нею предметамъ—литургіи и каноническаго права. Здѣсь онъ прослужилъ свыше 20-ти лѣтъ (1867—1888 г.) и одновременно состоялъ преподавателемъ географіи въ епархіальномъ жен. училищѣ и мужскомъ дух. училищѣ. До преобразования семинаріи въ 1877 г., когда исполненіе обязанностей помощниковъ инспектора поручалось преподавателямъ, І. Х. 5 лѣтъ исполнялъ эту должность, 15 лѣтъ состоялъ членомъ педагогическаго правленія семинаріи по выборамъ и назначенію и около 8 лѣтъ гласнымъ Полтавской городской думы.

По назначеніи на должность ректора Витебской духовной семинаріи (24 февр. 1888 г.), І. Х. имѣвшій уже чинъ статскаго совѣтника, рукоположенъ былъ во священники 3-го апрѣля, а черезъ недѣлю возведенъ и въ санъ протоіерея. Въ должности ректора Витебской семинаріи онъ состоялъ 2½ года (по 27 авг. 1890 г.), а

затѣмъ былъ переведенъ въ Полтавскую духовную семинарію, гдѣ пробылъ 12 лѣтъ (по 16 авг. 1902 г.).

По переходѣ на епархіальную службу въ Харьковъ І. Х. назначенъ былъ первоначально (въ іюнѣ 1903 г. на священническое мѣсто въ Петропавловскую церковь, но еще до вступленія въ должность перемѣщенъ на нынѣшнее настоятельское мѣсто при Иоанно-Усѣкновенской кладбищенской церкви. По волѣ епархіальнаго начальства І. Х. состоитъ членомъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, товарищемъ предѣдателя епархіальнаго братства въ честь Озерянской иконы Богоматери, членомъ городского училищнаго совѣта, блюстителемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Харькова и предѣдателемъ пастырско-законоучительскихъ собраній. Два года состоялъ членомъ Совѣта епархіальнаго женскаго училища, три года (1906—1909 г.) предѣдателемъ Совѣта и четыре года депутатомъ отъ духовнаго вѣдомства въ Харьковской городской думѣ (1906—1910 г.)

Изъ перечисленныхъ служебныхъ должностей видно, что протоіерей І. Х. Пичета, на всемъ протяженіи своей свыше 45-лѣтней учебной и епархіальной службы, пользовался довѣріемъ начальства. А какъ онъ проходилъ свое служеніе, лучше всего свидѣтельствуютъ многочисленныя Высочайшія награды, какихъ онъ удостоивался получить, начиная отъ св. Станислава 3-ей степени до св. Анны 1-й степени. Изъ синодальныхъ наградъ, кромѣ камилавки и наперснаго креста, которыхъ удостоился въ первый годъ священства и ректорства въ Витебскѣ, ему пожалованы палица и Библія и преподано благословеніе Св. Синода съ выдачею грамоты «во вниманіе къ усердному прохожденію должности предѣдателя Совѣта Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища».

Протоіерей І. Х. Пичета не мало поработалъ и на литературномъ поприщѣ. Во многихъ духовныхъ и свѣтскихъ изданіяхъ напечатанъ рядъ его глубоководержательныхъ статей по разнымъ вопросамъ.

3-го апрѣля состоялось чествованіе протоіерея Іоанна Христофоровича Пичеты. Въ церкви многочисленнымъ городскимъ духовенствомъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ о здравіи почтеннаго юбиляра. Затѣмъ начались привѣтствія.

Первымъ юбиляра привѣтствовалъ отъ городского духовенства ксѣдральный протоіерей о. Іоаннъ Гончаревскій, который охарактеризовалъ юбиляра, какъ прекраснаго и отзывчиваго пастыря, свято хранящаго завѣты церкви и съ великою пользою несущаго трудныя

и отвѣтственныя пастырскія обязанности. Отъ духовенства юбиляру былъ поднесенъ образъ Спасителя.

Отъ имени причта Іоанно-Усѣкновенской церкви привѣтствовали прот. І. Пичету церковный староста г. Сняковъ, который отмѣтилъ сердечное, справедливое отношеніе юбиляра ко всемъ членамъ причта, за что и выразилъ юбиляру искренною и глубокую благодарность.

Отъ Совѣта Харьк. епархіальнаго женскаго училища юбиляра привѣтствовали инспекторъ училища, прот. І. Котовъ, который отмѣтилъ его дѣятельность въ училищѣ въ бытность председателемъ Совѣта училища и выразилъ сердечную благодарность за труды, которые юбиляръ отдалъ на процвѣтаніе училища. Директоръ 3-й мужской гимназіи А. Н. Гуссаковскій остановился на педагогической дѣятельности юбиляра и отмѣтилъ его труды по должности блюстителя за преподаваніемъ Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ.

Юбиляръ былъ чрезвычайно растроганъ привѣтствіями и выразилъ всемъ лицамъ свою сердечную благодарность. Храмъ во время чествованія былъ переполненъ народомъ.

На квартирѣ юбиляра лично поздравилъ Высокопресвященный Архіепископъ Арсеній, благословившій юбиляра иконой Спасителя.

Для гостей въ квартирѣ юбиляра былъ устроенъ обѣдъ, во время котораго по адресу юбиляра было произнесено много теплыхъ рѣчей и восторженныхъ тостовъ.

Въ теченіе дня юбиляра на дому привѣтствовали многіе его знакомые и почитатели. Кромѣ того, юбиляромъ получено свыше 150 телеграфныхъ привѣтствій, среди нихъ отъ Епископа Сумскаго Теодора.

ИНОЕПАРХІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Архипастырское воззваніе пастырямъ Московскои паствы и всемъ служителямъ церкви.

*„Вы есте свѣтъ міра.
Вы есте соль земли“.*

Се тьма покрываетъ землю русскую, тьма заблужденій, нестроений, тьма нечестія и развращенія, тьма отпаденія отъ Бога, отъ церкви; тьма поклоненія мамонѣ, вмѣсто Бога; тьма пороковъ пьянства и разврата. Кто освѣтитъ эту тьму, тьму безбожія, нечестія и

развращенія? Русскій народъ, какъ нѣкогда Израиль, по пророческимъ вѣщаніямъ, подобенъ сталъ гніющему тѣлу, отъ подошвы ногъ до теменн главы покрытому струпами и ранами. Кто омоетъ гной его, кто наложитъ пластырь на него? Земля русская тлѣетъ и готова къ разложенію, кто осолить ее, чтобы очистить отъ червей, грызущихъ ее?

Пастыри церкви! Вы—свѣтъ міра, вы—соль земли. Измите ваши свѣтильники изъ-подъ спуда и поставьте ихъ на высоту, чтобы освѣтить эту тьму, облекшую страну нашу. Преемники апостольскаго служенія! Вы—соль земли: осоляйте гніющія мѣста земли. освободите ихъ отъ червей порока и нечестія, чтобы они не растлили все народное тѣло.

Вотъ мы,—слышится изъ нѣкоторыхъ мѣстъ,—вотъ мы, пастыри, стережемъ наши стада, кормимъ и питаемъ ихъ. Вотъ мы,—слышится съ другихъ сторонъ,—мы высоко держимъ свѣтильники наши, чтобы освѣщать темноту народную. Вотъ мы,—слышимъ еще,—мы осолняемъ гніющія мѣста народной жизни, чтобы предохранить ихъ отъ гной пороковъ, пьянства и разврата.

Видимъ, слышимъ васъ и знаемъ, добрые и вѣрные рабы Христовы, видимъ васъ, стерегущихъ стадо Христово, слышимъ о васъ, просвѣщающихъ народную тьму, видимъ и васъ, осоляющихъ словомъ обличенія народные струпы пороковъ и призывающихъ къ покаянію. Вѣдомы вы намъ, но васъ такъ мало! Гдѣ же другіе, подобные вамъ, поставленные быть стражами стада и свѣтильниками міра и солью? Гдѣ они? Увы! Одни спятъ, другіе меркнутъ, третьи обуяли и годны лишь для псыпанія вонъ, на поправіе ногъ.

Перейдемъ отъ этой иносказательной рѣчи къ дѣйствительности. Дѣйствительно, многіе пастыри не пасутъ ввѣреннаго имъ стада, хотя одѣваются шерстью и питаются толокомъ отъ него. Дѣйствительно, многіе держатъ народъ во тьмѣ, не давая ему свѣта обученіемъ его вѣрѣ и благочестію. Дѣйствительно, многіе, долженствующие быть солью для православнаго народа, потеряли силу соли, обуяли настолько, что годны стали только для псыпанія подъ ноги и поправіе. Многіе пастыри небрежно относятся къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ: нѣкоторые рѣдко совершаютъ богослуженіе, особенно литургію; а иные хотя и служатъ въ церкви, но весьма небрежно, неохотно; въ храмѣ такъ все убого, уныло, что пасомые охладѣваютъ къ вѣрѣ и перестаютъ посѣщать богослуженіе; храмъ пустуетъ, пастырю какъ бы нѣтъ дѣла до этого, а пасомые идутъ въ домъ увеселенія и разгула, или идутъ на моленіе къ раскольникамъ или

сектантамъ. Нѣкоторые пастыри, забывши свое призваніе, занялись житейскими дѣлами, торговыми предпріятіями. У иныхъ въ приходѣ множится сектантство, растетъ расколъ, у иныхъ народъ пьянствуетъ, развращается, а они какъ бы и не замѣчаютъ этого. Нѣкоторые сами предаются порокамъ, свободное и несвободное время проводятъ въ чтеніи пустыхъ книгъ, газетъ, почти исключительно съ дурнымъ направленіемъ. Многіе до того забыли свое званіе, что, не боясь Бога и не стыдясь людей, открыто нарушаютъ уставы святой церкви о постахъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ духовенства, даже священниковъ, къ позору духовнаго званія, ѣдятъ мясную пищу даже въ Великій постъ; а посты, среды и пятницы, совсѣмъ пренебрегаютъ. Въ такихъ обычаяхъ воспитываются и дѣти ихъ. Сіи послѣднія, во время пребыванія въ учебныхъ заведеніяхъ соблюдая посты, пренебрегаютъ ими, когда пріѣзжаютъ въ дома родителей. По примѣру сихъ, они со спокойной совѣстью ѣдятъ скоромную пищу; въ церковь не ходятъ, даже по праздникамъ. Когда народъ толпами идетъ въ храмы Божіи, дѣти духовенства въ это время спятъ или сидятъ возлѣ домовъ, смотри на идущихъ въ храмъ благочестивыхъ прихожанъ.

Такъ потемнѣло злато, помрачилось серебро доброе; такъ обуяла соль, меркнули свѣтильники.

Убоимся, отцы и братія, убоимся суда Божія! Вѣдь рабъ, вѣдѣвый волю Господина своего и не сотворившій по волѣ Его, бѣенъ будетъ много. Горе міру отъ соблазновъ, но горе тому, чрезъ кого соблазнъ приходитъ!

Изъемъ бревно изъ глазъ нашихъ, чтобы имѣть возможность изъять сучекъ изъ глазъ меньшихъ братій нашихъ. Покаемся, исправимся. Сдѣлаемъ это, чтобы путемъ покаянія и исправленія пошла за нами ввѣренная намъ паства.

Митрополитъ Макарій.

Иезуитская организація.

Два года тому назадъ была раскрыта иезуитская организація, охватившая своей сѣтью много русскихъ городовъ.

Подъ видомъ благотворительныхъ или учебныхъ заведеній производилась самая интенсивная пропаганда католицизма не только среди взрослыхъ, но и среди дѣтей.

Одно время объ этой пропагандѣ очень зашумѣли, но затѣмъ дѣло погасло; ограничили лишь репрессіями противъ нѣкоторыхъ лицъ, особенно ярко проявившихъ свою дѣятельность.

Но католическая пропаганда продолжала свою работу именно иезуитскимъ способомъ чрезъ обманное завлеченіе православныхъ.

Чтобы заманить послѣднихъ, католическіе патеры, въ лицѣ отступника отъ православія разстриженного священника Зерчанинова и тайно принявшаго санъ католическаго патера преподавателя одного изъ учебныхъ заведеній Дейбнера, стали совершать католическія службы по восточному обряду, и мало того, благодаря тому, что въ Петербургскомъ великоевѣтскомъ обществѣ много со-
вращенныхъ тайно въ католичество, ихъ жертвами и стараніями устроена была сначала на Полозовой улицѣ, а затѣмъ на Бармалѣевой улицѣ католическая каплица, но на ней была прибита надпись: «православно-католическая церковь».

Православные жители, думая, что это дѣйствительно православная церковь, ходили въ эту каплицу, удивляясь только тому, что здѣсь при видимомъ православномъ богослуженіи поминали папу.

Кромѣ богослуженія здѣсь велись бесѣды, разумѣется, имѣвшія своей цѣлью пропагандировать католичество.

До мѣстной епархіальной власти дошли свѣдѣнія о дѣятельности этой странной «православно-католической церкви».

Желая разслѣдовать, насколько справедливо сообщеніе о характерѣ совершаемаго богослуженія, епископъ Нарвскій Искандръ посѣтилъ помѣщеніе католической каплицы, причемъ подтвердилось, что подъ видомъ «православно-католическаго» храма православные завлекались въ католическій костелъ, гдѣ совершали службу католическіе патеры во главѣ съ разстриженнымъ бывшимъ православнымъ священникомъ Зерчаниновымъ.

Христіанское содружество учащейся молодежи въ Варшавѣ.

8 января 1913 года закончился первый годъ существованія и дѣятельности «Христіанскаго содружества учащейся молодежи», состоящаго при Варшавскомъ Обществѣ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви. Открывая содружество, Общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви шло навстрѣчу ясно опредѣлившемуся религіозному теченію въ настроеніи русской учащейся молодежи Варшавы. Оно видѣло, что многіе молодые люди Варшавы, воспитываемые въ интеллигентныхъ семьяхъ, иногда въ совершенномъ равнодушіи къ вѣрѣ и Православной Церкви, тяготеютъ однако къ этому вѣчно-живому источнику истины, ищутъ удовлетворенія

своихъ религіозно-нравственныхъ запросовъ, но не находятъ благоприятныхъ къ тому условій ни въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, ни въ общественной жизни, а иногда и въ семьѣ.

Желая помочь религіозно настроенной учащейся молодежи въ удовлетвореніи ея религіозныхъ запросовъ, Общество сочло полезнымъ открыть для нея соотвѣтствующее учрежденіе по образцу существующаго въ Петербургѣ христіанскаго содружества учащихся молодыхъ людей.

Ближайшій поводъ этому поданъ былъ самою учащейся молодежью.

Нѣкоторые студенты Императорскаго Варшавскаго Университета, узнавъ, что ихъ профессоръ Павелъ Владимировичъ Верховской былъ однимъ изъ основателей христіанскаго содружества учащейся молодежи въ Петербургѣ, обращались къ нему съ просьбой помочь организовать и въ Варшавѣ подобное же содружество.

Павелъ Владимировичъ откликнулся на ихъ просьбу и подъ его руководствомъ студентами В. Г. Александровичемъ, Н. Н. Войтомъ, Н. Ѡ. Фабриціусомъ и В. Б. Халютинымъ были разсмотрѣны правила Петербургскаго содружества.

Признано было желательнымъ участіе въ совѣстныхъ съ молодежью занятіяхъ пастырей церкви, профессоровъ и другихъ лицъ, которыя своими свѣдѣніями и жизненнымъ опытомъ могли бы помочь молодежи разобратся въ сложныхъ вопросахъ религіозно-нравственнаго міровоззрѣнія. При этомъ, самостоятельности молодежи предположено было отвести самое широкое мѣсто, какъ лучшему средству для усвоенія выработанныхъ общими силами убѣжденій.

Ближайшее завѣдываніе дѣлами содружества, какъ и въ Петербургѣ, рѣшено было поручить особому распорядителю изъ числа членовъ Совѣта Общества и Комитету изъ семи лицъ подъ предѣтельствомъ распорядителя; въ составъ Комитета входятъ четыре члена изъ учащихся молодыхъ людей. Комитету предоставлено право принимать заявившихъ ему письменно о своемъ желаніи быть членами Христіанскаго содружества, назначать собранія какъ закрытыя, такъ и публичныя, на которыхъ могутъ присутствовать и постороннія лица, желающія познакомиться съ дѣятельностью содружества.

Вообще правила Петербургскаго содружества были приняты почти цѣлкомъ и одобрены Совѣтомъ Общества. Совѣтомъ же Общества распорядителемъ содружества избранъ былъ П. В. Верховской.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

КЪ 300-лѢТІЮ Дома Романовыхъ.

Въ Московскомъ архивѣ м-ва юстиціи, благодаря работамъ директора архива проф. Цвѣтаева, найдены новыя данныя о родѣ Романовыхъ, удостоверяющія, что родоначальникъ этого Дома, вопреки создавшимся до сихъ поръ исторической наукой взглядамъ, не былъ пришельцемъ. Какъ извѣстно, родоначальникомъ Дома Романовыхъ считается Андрей Ивановичъ Кобыла, бояринъ великаго князя Симеона Гордаго, причемъ предполагалось, что онъ пришелъ изъ Руси или изъ Литвы. Теперь новыми документами, добытыми въ Московскомъ архивѣ, удостоверяется, что Кобыла—выходецъ изъ Твери, гдѣ была неконная вотчина бояръ Романовыхъ. Въ Тверь же онъ ѣздилъ въ 1348 году по невесту Симеона Гордаго, а по невесту посылалась только люди близкіе къ невестѣ. На дочери младшаго сына Андрея Ивановича Кобылы, — Феодора Андреевича Кошки, — женился сынъ великаго князя тверекого, Михаилъ Алексѣевичъ. Внуки Кошки носили фамилію Захарыныхъ, которые затѣмъ именовались Юрьевыми и наконецъ Романовыми. Въ старой вотчинѣ Романовыхъ, близъ села Хабацкаго, въ Твери, имѣются села съ наименованіями: Кобылино, Кошкино и Юрьево, и такія названія селъ удержались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были Романовскія вотчины. Трудъ профессора Цвѣтаева, доказывающій, что Андрей Кобыла не былъ пришельцемъ, вскорѣ выйдетъ въ свѣтъ и будетъ предметомъ обсужденія въ нѣкоторыхъ ученыхъ обществахъ. Проф. Цвѣтаеву также удалось достать «Дозорную книгу» по Торжку, которая до сихъ поръ не попадала въ руки историковъ, и вотъ въ этой книгѣ по списку значится въ числѣ вотчинниковъ Михаилъ Владиміровичъ Романовъ, на котораго до сихъ поръ не было указаній. Проф. Цвѣтаевъ нашелъ также два важныхъ документа, указывающихъ, что Михаилъ Феодоровичъ Романовъ, 12 лѣтъ отъ роду, былъ стольникомъ царя Василія Шуйскаго. Это выяснено изъ столбца различныхъ столовъ распределительнаго приказа, который по приказанію Василія Шуйскаго издалъ въ 1607 г. списокъ всѣхъ служилыхъ чиновъ. Имя Михаила Феодоровича было помѣщено вмѣстѣ съ именами сыновей Трубецкихъ и Нагихъ. («Нов. Вр.», № 13257).

Сила Евангелія.

Въ ж. „Христіанинъ“ (январь) интересна статья подъ заглавіемъ «Сила Евангелія».—«Одинъ европеецъ, не признающій религіи, однажды такъ сказалъ одному изъ христіанскихъ владетельнонъ острова Фиджи:—«я очень сожалѣю, что вы, будучи такимъ вліятельнымъ и сильнымъ княземъ, сдѣлались жертвой миссіонера; нѣтъ ни одного умнаго человѣка, который бы вѣрилъ въ исторію Іисуса Христа; теперь мы очень развиты и не вѣримъ въ такіе разсказы.—Засверкали глаза князя и онъ отвѣтилъ: «Вы видите этотъ большой камень? Были времена, когда на немъ разбивали головы рабовъ. Видите, не далеко печь, вблизи того камня? Тамъ мы жарили людей, понавшихся въ наши руки, и ѣли ихъ. Хорошенько обратите ваше вниманіе на то, что если бы миссіонеры не пришли къ намъ, не принесли бы Библии и не научили насъ той любви, чрезъ которую мы, люди, сдѣлались сыновьями Бога, тогда бы вы не вернулись живымъ съ этого острова. Прославьте Бога за Евангеліе, потому что вы безъ него были бы разбиты на этомъ камнѣ и поджарены въ той печи».

БИБЛІОГРАФІЯ.

Іона Брхничевъ. Христосъ въ міровой поэзіи. Москва. 1912 г. стр. 1—284, I+VI, ц. 2 р.

Книга носитъ весьма значительное заглавіе. Согласно намѣченной цѣли авторъ долженъ былъ изъ области «міровой поэзіи» выбрать все лучшее, важнѣйшее, все чистѣйшее и благороднѣйшее, въ чемъ представляется божественный образъ Христа Спасителя. Авторъ долженъ былъ широко и основательно ознакомиться съ этою областью, съ тонкимъ поэтическимъ и религіознымъ чувствомъ отобрать наиболѣе достойное и божественно-высокое во Христѣ отмѣтить перлами поэтическаго творчества людей. Однако, г. Брхничевъ не оказался на высотѣ поставленной задачи. Видимо онъ торопился съ изданіемъ этой книги, наполняя ее всѣмъ, что подвертывалось подъ руку. Въсѣтъ съ неподдѣльными жемчужинами поэзіи онъ ставитъ самыя заурядныя, безцвѣтныя, слабыя и даже совсѣмъ не подходящія стихотворенія на религіозныя темы. Къ числу этихъ послѣднихъ мы относимъ неудачныя съ декадентскимъ пошибомъ произведенія Бальмонта, З. Гиппіусъ, С. Городецкаго, А. Блока, В. Брюсова, С. Соловьева, И. Бунина, В. Иванова, Н. Минскаго и Ю. Балтру-

шайтисъ, помѣщенные здѣсь рядомъ съ вдохновенными и высокохудожественными произведеніями на евангельскія темы К. Р., А. Майкова, Тютчева, С. Надсона, Полонскаго, А. Хомякова, А. Толстого, В. Гюго, Ф. Коппе, П. Верленъ. Такая неразборчивость въ выборѣ матеріала чрезвычайно понижаетъ достоинство книги. Грубость нѣкоторыхъ стихотвореній декадентовъ, какъ напр. Благовѣщеніе (стр. 20—21), «расцвѣлъ миндаль»... (стр. 26), «по алтарямъ пустымъ» (стр. 34) рѣзко и болѣзненно поражаетъ читателя; становится жаль, что авторъ въ этой своей книгѣ напрасно далъ мѣсто этому сорному балласту. Съ виѣшней стороны книга издана хорошо. Желательно, чтобы при новомъ изданіи ненужный элементъ былъ изъятъ изъ книги, отъ чего она несомнѣнно только выиграетъ.

Павель Новгородскій. Райскіе цвѣты съ Русской земли. Сборникъ назидательныхъ повѣствованій о жизни и дѣятельности благочестивыхъ людей нашего времени для чтенія при виѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ. Сергіевъ посадъ. 1912 г. стр. 1—316 I—II. ц. 1 р.

Настоящій сборникъ служитъ продолженіемъ первой части «Райскіе цвѣты съ Русской земли» и содержитъ образцы любви къ Богу и ближнимъ. Заключающіеся въ книгѣ рассказы о хорошихъ и доблестныхъ людяхъ нашей родины не составлены авторомъ самостоятельно, а заимствованы изъ разнообразныхъ духовныхъ журналовъ, наиболѣе изъ «Русскаго Паломника». Въ этихъ рассказахъ проходитъ обыденная, бытовая жизнь русскаго народа, и въ ней выдѣляются тѣ незамѣтные герои духа, вѣры и любви, которыми еще богатъ нашъ народъ и которые въ захолустьяхъ нашей обывальщины поддерживаютъ православный и даже подвижническій укладъ жизни: священники, блаженные подвижники, самоотверженные дѣвушки дворянки («Мірская черница»), старцы крестьяне, купцы, городскіе интеллигенты («По слову Твоему»), одинокіе доживающіе вѣкъ обыватели, необычайные благотворители, рѣдкія семьи, герои-ямщики, святые дѣти и многіе другіе. Этимъ сборникомъ можно широко пользоваться какъ для домашняго чтенія, такъ и для виѣбогослужебныхъ собесѣдованій. Правда, литературный стиль рассказовъ не достаточно обработанъ и крайне разнообразенъ. Лучшіе по художественно-литературному изложенію рассказы взяты изъ «Русскаго Паломника». Если бы авторъ изъ бывшаго у него матеріала выдѣлилъ наиболѣе обработанныя и художественно-обрисованныя картины жизни и дополнилъ ихъ образцовыми отрывками изъ

классической русской литературы, въ которыхъ изображены высоко христіанскіе типы русской жизни, то его сборникъ далъ бы высоко интересное и облагораживающее чтеніе и для людей самаго взыскательнаго литературнаго вкуса изъ русской интеллигенціи.

Сборникъ П. Новгородскаго изданъ весьма опрятно, крупнымъ шрифтомъ, а по цѣнѣ—не дорогъ.

Сергѣй Булгаковъ. Два града. Изслѣдованіе о природѣ общественныхъ идеаловъ. Томы I и II. Москва. 1911 г. Стр. I—I—XXI+1—303., т. II 1—313. Цѣна оба тома 3 р.

Для всякаго, кто слѣдитъ за эволюціей общественныхъ идеаловъ въ современной русской интеллигенціи, эта книга должна имѣть особое значеніе. Здѣсь собраны изслѣдованія и этюды, написанные на протяженіи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ и посвященные разнымъ вопросамъ философскаго, социологическаго, религіозно-историческаго, экономическаго характера. Но при этой виѣшней нестротѣ ся темъ одна дума, одинъ замыселъ объединяетъ ихъ и составляетъ духовный нервъ всей книги. Это—вопросъ объ истинной природѣ культурно-общественнаго идеала, объ его послѣдней основѣ. Для автора является аксіомой, имѣющей аподиктическую достовѣрность, то, что истинную основу общественности надо видѣть въ религіи. Современное человѣчество въ устроеніи своего града—культурнаго бытія—двоится между христіанскимъ теизмомъ и пантеистическимъ человѣкобожіемъ. Тѣ же теченія усматриваются и въ русской интеллигенціи. Въ душѣ ея борется мертвящая «интеллигенщина» съ порывами истинно культурнаго творчества. Авторъ эту «интеллигенщину» опредѣляетъ какъ крайнее человѣкобожіе, сосредоточиваемое притомъ лишь на интеллигенціи, т. е. на самихъ себѣ, въ соединеніи съ примитивною некультурностію, отсутствіемъ воспитанія въ культурѣ, понимаемой какъ трудовой, созидательный процессъ. Вина наша предъ родной въ личномъ самопревозношеніи, высокоумно покровительственномъ отношеніи къ народной, исторической и церковной стихіи. Этотъ внутренній отрывъ отъ родной почвы можетъ быть преодоленъ только изнутри. Въ покаянномъ возвращеніи интеллигенціи нашей къ христіански національнымъ устоямъ жизни—залогъ созданія нашего истинно-культурнаго града. Таковы основныя мысли автора въ этой интересной, живой, увлекательно написанной и искренней книгѣ. Пастырю полезно остановить на ней свое вниманіе, чтобы уяснить себѣ духовный міръ и современныя переживанія нашей

интеллигенціи—передовой общественной силы, рядомъ съ которой и рука объ руку церковно-общественнымъ дѣятелямъ приходится работать на общее благо.

С. Лагерлефъ. Легенды о Христѣ. Изд. книгоиздательства „Польза“. Москва. 1913 г. ц. 20 к.

Эта книга въ разныхъ изданіяхъ стала въ послѣднее время очень распространенной среди читающей публики. Особенно любятъ ее учащаяся молодежь.

Авторъ книги—извѣстная талантливая шведская писательница. По преимуществу она въ литературно-художественныхъ картинахъ представляетъ міръ релігіозной мистики и христіанскихъ сказаній, легендъ. Въ озаглавленной нами книгѣ авторъ даетъ такія легендарныя сказанія: святая ночь, видѣніе императора, кладезь мудрецовъ, вифлеемскій младенецъ, бѣгство въ Египетъ, въ Назаретъ, въ храмъ, плать св. Вероники, красношейка, Господь и ап. Петръ, и святое пламя. Въ каждомъ изъ этихъ разсказовъ на канвѣ подлинныхъ евангельскихъ повѣствованій изображаются чудесныя сплетенія подробностей, въ которыхъ открывается возвышенно благородный обликъ евангельскихъ событій и дѣйствующихъ лицъ. Чудесно-божественный образъ Спасителя здѣсь всюду проходитъ въ обаяніи святости, благодати и крестнаго мученичества. Обстановка событій изображается высоко художественно съ глубокимъ знаніемъ Святой земли, ея археологій и исторіи. Въ каждомъ разсказѣ проводится возвышенно гуманная, назидательная мысль.

Въ составленіи легендарныхъ подробностей своихъ сказаній С. Лагерлефъ видимо обильно пользовалась древне христіанскими апокрифами, причемъ изъ нихъ позаимствовала наиболѣе возвышенное и близкое къ евангельскому подлиннику. Однако при употребленіи этой книги дѣтьми, имъ долженъ быть разъясняемъ въ достаточной степени ея легендарный характеръ, и особенное ихъ вниманіе должно было обращено на основную нравственную идею, заключающуюся въ каждомъ разсказѣ книги.

Прот. П. Томинъ.

По распоряженію Высокопреосвященнаго Арсенія отъ 31 Марта н. г. за № 1413 печатаемъ слѣдующее объявленіе:

Изданія **Е. И. ФЕСЕНКО**, въ Одессѣ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА И ПОРТРЕТЫ:

Краткій Историческій обзоръ царствованія

ДОМА РОМАНОВЫХЪ,

иллюстрированная 18-ю портретами русскихъ царей и императоровъ. Св. Правит. Судномъ допущена въ библіотеки церковно-приходскихъ школъ. Цѣна 20 коп.

ПОРТРЕТЫ:

Государя Императора Николая II

И

Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

Мѣрою 13×10¹/₂ верш. на плотной бумагѣ, отпечатаны въ 14 масляныхъ красокъ, цѣна за каждый экземпляръ по 25 коп.

Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя АЛЕКСѢЯ НИКОЛАЕВИЧА.

Форматомъ 8×14 верш. Цѣна та же.

Тоже КАБИНЕТНАГО ФОРМАТА, на плотной бумагѣ въ одну черную краску и лакированные. Цѣна за 1000 экземпляровъ 15 руб.

Требованія до 5 руб. можно оплачивать марками.

ОПТОВЫМЪ ПОКУПАТЕЛЯМЪ ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ УСТУПКА.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ:

ОДЕССА, РИШЕЛЬЕВСКАЯ ул. № 49.

ПАСТЫРИ!

БОРИТЕСЬ СЪ ПЬЯНСТВОМЪ!

ИСКОРЕНЯЙТЕ НАРОДНОЕ ЗЛО!

**Списокъ брошюръ, листовъ и картинъ для борьбы
съ пьянствомъ.**

Изданія **Е. И. ФЕСЕНКО**, въ Одессѣ.

БРОШЮРЫ:

Страшный порокъ пьянство, въ 32 стр., съ 3 рис. ц. 8 коп. Сотня 6 руб., тысяча 50 руб. Путь къ трезвости, въ 24 стр., съ 2 рис. ц. 6 коп. Сотня 4 руб., тысяча 30 руб. Пьянство—могила семейнаго счастья, въ 16 стр., съ 3 рис. ц. 5 коп. Сотня 3 руб., тысяча 20 руб.

ЛИСТЫ односторонніе съ рисунками, формата 8×12 вершковъ:

Пьянство—гибель ц. 1 коп. Призывъ къ трезвости ц. 1 коп. Завѣтъ пастыря ц. 1 коп. Противъ пьянства ц. 1 к. О вредѣ пьянства ц. 1 к. Горе семьи пьянаго мужа (стихи) ц. 1 коп. Трезвость счастье и свѣтъ нашей жизни. ц. 1 к. Сотня 70 коп., тысяча 6 руб.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ КАРТИНЫ формата 12×8¹/₂ верш., на плотной бум., въ 12 красокъ и лакированныя:

Жизнь трудолюбиваго и честнаго человѣка ц. 20 коп. Жизнь лѣниваго и порочнаго человѣка ц. 20 коп. Обѣ картины ясно рисуютъ жизнь труженника и жизнь пьяницы. Сотня 15 руб., тысяча 120 руб.

СВЯЩЕННЫЙ ЛИСТЪ на плотной бумагѣ форм. 8×9 верш. въ 3 краски, ц. 5 коп., сотня 5 рубля.

ОБЪТНАЯ ГРАМАТА

листокъ въ ¹/₂ писчаго формата съ рисункомъ—за сотню 1 рубль.

ИЗОБРАЖЕНІЯ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ, съ соответствен. текстомъ, наклеенныя на плотную папку, ц. 5 к., при требованіи сотнями по 4 коп. (При заказѣ не менѣе 50 экз. можно изготовлять названія изображеній по желанію).

Приходо-Расходная книга ц. 1 руб. Книга для записи членовъ ц. 1 р. Квитанціон. книга въ получ. денегъ ц. 20 коп.

Пересылка на счетъ покупателей.

Полный каталогъ нашихъ изданій высылаемъ по требованію бесплатно.

Съ требованіями просимъ обращаться по слѣдующему адресу:

Въ типографію и хромолитографію **ЕВФИМА ИВАНОВИЧА ФЕСЕНКО**, Ришельевская ул., собств. д. № 49, въ Одессѣ.

При требованіи до 5 руб. можно платить почтовыми марками.

НОВЫЙ ИКОНОСТАСЪ

сдается поставить въ церкви

с. Ново-Павловки, Бердянскаго уѣзда, 1-го округа. Письменно: Ногайскъ, Ново-Павловка. Проѣздъ до ст. Трояны, Екатериин. жел. дор.

Строительный Комитетъ.

При семъ № прилагается проспектъ за № 232 отъ К^н Эксцельзіоръ въ Елисаветградѣ.

ОТЧЕТЪ

БРАТСТВА

св. Амвросія Медіоланскаго

**ПРИ СУМСКОМЪ ДУХОВНОМЪ УЧИЛИЩѢ ДЛЯ ВСПОМОЩЕСТВО-
ВАНІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ВОСПИТАНИКАМЪ СЕГО УЧИЛИЩА,**

ЗА ПЕРІОДЪ ВРЕМЕНИ

отъ 7-го декабря 1911 г. по 7-е декабря
1912 г.

ХАРЬКОВЪ.

„Епархіальная Тинографія“ Каплуновская ул., д. № 2.
1913.

Отдѣльное приложение къ № 7 ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1913 г.

О Т Ч Е Т Ъ.

Братство св. Амвросія Медіоланскаго при Сумскомъ духовномъ училищѣ для вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ сего училища, за періодъ времени отъ 7-го декабря 1911 года по 7-е декабря 1912 года.

Въ отчетномъ году Братство состояло подъ высокимъ покровительствомъ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, и имѣло въ своемъ составѣ 47 членовъ, изъ которыхъ почетныхъ и пожизненныхъ было 14, а именно: 1) Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковский, 2) Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ, Митрополитъ Кіевскій; 3) Смотритель Сумскаго духовнаго училища, протоіерей о. Аркадій Грузовъ; 4) бывший помощникъ смотрителя Сумскаго духовнаго училища, нынѣ смотритель Рижскаго духовнаго училища, священникъ о. Іаковъ Матушевичъ; 5) законоучитель Сумскаго Кадетскаго корпуса, священникъ о. Василій Виноградовъ; 6) настоятель соборной г. Ахтырки церкви, протоіерей о. Гавріиль Бѣлоусовъ; 7) пот. поч. гр. Николай Іосифовичъ Лещинскій; 8) жена его, Марія Матвѣевна Лещинская; 9) д. с. с. Павелъ Ивановичъ Харитоненко; 10) д. с. с. Иванъ Михайловичъ Степурскій; 11) пот. поч. гр. Павелъ Николаевичъ Лещинскій; 12) учитель пѣнія Сумскаго Кадетскаго корпуса Василій Моисеевичъ Посельскій; 13) врачъ А. В. Лебедевъ; и 14) священникъ села Буймера, Лебединскаго уѣзда, Онисимъ Семеновъ и 33 дѣйствительныхъ члена.

Членами Правленія Братства, членами ревизіонной комисіи и кандидатами къ нимъ, на основ. § 15 Устава Братства, въ Общемъ годичномъ Собраніи членовъ Братства 7-го декабря 1911 года были избраны прежнія лица, за исклю-

ченіемъ умершаго священника о. Павла Хижнякова, вмѣсто котораго кандидатомъ къ членамъ Правленія избранъ священникъ с. Степановки, Сумскаго уѣзда, о. Павелъ Власовскій.

Такимъ образомъ, Правленіе Братства въ отчетномъ году было въ слѣдующемъ составѣ: Предсѣдатель его, протоіерей о. Аркадій Грузовъ. Члены: пом. смотрителя, свящ. о. Василій Яновскій, прот. Сумской Соборной церкви о. Іоаннъ Дмитріевъ, священникъ о. Симеонъ Недѣлька, преподаватели училища: В. В. Покровскій, Ф. Ф. Горайнъ. При этомъ священникъ о. Василій Яновскій былъ назначаемъ Братства, а Ф. Ф. Горайнъ дѣлопроизводителемъ. Кандидатами къ членамъ Правленія были: священникъ с. Степановки, Сумскаго уѣзда, Павелъ Власовскій и надзиратель Сумскаго духовнаго училища Дмитрій Александровичъ Грызодубовъ. Членами ревизіонной комиссіи были: священникъ Сумской Покровской церкви о. Димитрій Виноградскій, священникъ Сумской кладбищенской церкви о. Николай Мощенко и надзиратель Сумскаго духовнаго училища Сергѣй Яковлевичъ Сушковъ. Кандидатами къ членамъ ревизіонной комиссіи были: учитель пѣнія Сумскаго духовнаго училища П. К. Карповъ, учитель пѣнія Сумскаго кадетскаго корпуса В. М. Посельскій, препод. Сумскаго духовнаго училища А. М. Серебrenицкій.

Въ отчетномъ году скончался дѣйствительный членъ Братства и кандидатъ къ членамъ ревизіонной комиссіи, преподаватель Сумскаго духовнаго училища Александръ Митрофановичъ Серебrenицкій. Общему собранію предстоитъ избрать новаго кандидата къ членамъ ревизіонной комиссіи.

Въ общемъ годичномъ Собраніи членовъ Братства 7-го декабря 1911 года постановлено было ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ измѣненіи § 6, лит. б, Устава Братства относительно уменьшенія взноса со 100 р. до 50 р. для полученія званія пожизненнаго члена Братства, въ виду того, что съ уменьшеніемъ взноса Правленіе Братства надѣется имѣть большее количество пожизненныхъ членовъ Братства. Ходатайство это было Его Высокопреосвященствомъ уважено.

Въ виду этого, въ число пожизненныхъ членовъ Братства вступили: врачъ свекло-сахарнаго завода с. Степановки,

Сумскаго уѣзда, Александръ Васильевичъ Лебедевъ и священникъ с. Буймера, Лебединскаго уѣзда, о. Онисимъ Семеновъ, внесшіе въ неприкосновенный капиталъ Братства по 50 руб.

Правленіе Братства въ отчетномъ году имѣло три очередныхъ засѣданій, во время которыхъ предметомъ занятій служило: а) слушаніе отчетовъ казначея Братства о положеніи и движеніи братскихъ суммъ и б) обсужденіе прошеній родителей воспитанниковъ о вспомошествованіи.

Въ заботахъ объ увеличеніи средствъ, Правленіе Братства принимало слѣдующія мѣры: а) выдавало членамъ ревнителямъ квитанціонныя книжки для сбора по нимъ пожертвованій въ пользу Братства; б) каждое полугодіе рассылало о. о. Благочиннымъ училищнаго округа подписные листы, съ просьбой содѣйствовать сбору пожертвованій въ пользу Братства.

На основаніи постановленія Общаго Собранія членовъ Братства отъ 7-го декабря прошлаго года 1912, накопившіеся по книжкѣ сберегательной кассы 459 рублей обращены въ процентныя бумаги. Къ этой суммѣ присоединены еще тѣ 50 рублей, которые въ отчетномъ году поступили отъ священника о. Онисима Семенова, для обращенія ихъ въ неприкосновенный капиталъ.

На эти деньги приобрѣтено Правленіемъ Братства свидѣтельство Государственной 4% ренты въ 500 р. (№ 1970, серія 237), а оставшіяся отъ этой покупки деньги, составляющія разницу курсовой и номинальной цѣны, оставлены на книжкѣ Сберегательной Кассы. Въ отчетномъ году отъ Высокаго Покровителя Братства, всегда неизмѣнно внимательнаго къ его нуждамъ, Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Харьковскаго Арсенія поступилъ (при особой препроводительной бумагѣ отъ 23 февр. 1912 г. за № 26) щедрый даръ: два свидѣтельства государственной ренты 4% на номинальную стоимость въ 200 р. (№ 02218, серія 87; № 03908, серія 240).

Минувшій годъ, вообще, былъ очень благопріятнымъ для Братства. Кромѣ указанныхъ поступленій въ неприкосновенный капиталъ Братства, въ кассу Братства поступила наличными давно неслыханная сумма—825 р. 26 к. (какъ это видно изъ дальнѣйшей отчетности). Значительному усиле-

нію этой доходности въ пользу Братства способствовалъ данный хоромъ крестьянъ с. Михайловки Лебединскаго уѣзда, подъ управленіемъ свящ. о. Георгія Полтавцева, концертъ, принесшій въ кассу Братства чистой прибыли 272 р. 80 к. Благодаря всему этому, Правленіе Братства въ минувшемъ году не чувствовало такой крайне острой нужды и не испытывало такого затрудненія въ оказаніи помощи воспитанникамъ, какъ въ прошломъ году.

Все это даетъ Братству глубокую увѣренность, что духовенство, которому такъ близки матеріальные интересы своихъ дѣтей и такъ знакома матеріальная нужда, а также и всѣ щедрые благотворители, блико къ сердцу принимающіе нужды Братства, не оставятъ его безъ своей посильной матеріальной поддержки и на будущее время.

Средства Братства въ отчетномъ году состояли:

1. Изъ 5 свидѣт. госуд. 4 ⁰ / ₀ ренты на сумму	2800 р. — к.
2. По книжкѣ сберегательной кассы	94 р. 18 к.
3. Изъ закл. 4 ¹ / ₂ ⁰ / ₀ листа Харьк. Зем. Банка.	100 р. — к.
И Т О Г О	2994 р. 18 к.

Въ теченіе отчетнаго года поступило на приходъ:

I. Взносовъ по подписнымъ листамъ о. о. Благочинныхъ училищнаго округа:	
1-го Ахтырскаго окр., свящ. Θεодора Юшкова	22 р. 90 к.
2-го Ахтырскаго окр., свящ. Аполлонія Гончаревскаго	32 р. 55 к.
3-го Ахтырскаго окр., свящ. Григорія Шебагинскаго	17 р. 93 к.
1-го Богодуховскаго окр., прот. о. А. Станиславскаго (и и. д. Благоч., свящ. Вергуна)	38 р. 75 к.
2-го Богодуховскаго окр., свящ. Петра Θεодоровскаго	18 р. 32 к.
1-го Лебединскаго окр., свящ. Василія Лихницкаго	13 р. 36 к.
2-го Лебединскаго окр., свящ. Іоанна Браиловскаго	13 р. — к.

3-го Лебединскаго окр., свящ. Антонія Дикарева	44 р. — к.
1-го Сумскаго окр., прот. Іоанна Дмитріева	39 р. 99 к.
2-го Сумскаго окр., прот. Михаила Подлущкаго	19 р. 30 к.
3-го Сумскаго окр., прот. Василя Петровскаго	20 р. 39 к.

И Т О Г О 280 р. 49 к.

II. Остатка отъ расходной суммы прошлаго года 9 р. 79 к.¹⁾

III. Отъ даннаго въ пользу Братства хоромъ крестьянъ с. Михайловки, Лебединскаго у., подъ управленіемъ О. Георгія Полтавцева, духовнаго концерта выручено чистой прибыли и поступило въ кассу Братства 272 р. 80 к.

IV. По квитанціоннымъ книжкамъ поступило:

1. Предсѣд. Правл. Братства прот. А. Грузова 104 р. — к.
2. Члена Братства, діак. о. В. С. Полтавцева 35 р. — к.
3. Процентовъ отъ капиталовъ Братства (отъ государственныхъ бумагъ и по книжкѣ сбер. кассы) 123 р. 18 к.

Кромѣ этого, отъ свящ. о. Онисима Семенова поступило 50 р., которые, какъ сказано выше, отчислены въ неприкосновенный капиталъ и обращены на покупку процентныхъ государственныхъ бумагъ, а всего въ теченіе отчетнаго года поступило наличными **875 р. 26 к.**

И з р а с х о д о в а н о :

1. На ушлату за содержаніе воспитанниковъ въ училищномъ общежитіи. 425 р. — к.
2. На обмундировку воспитанниковъ. 252 „ 48 „
3. На учебники для воспитанниковъ. 14 „ 55 „
4. Редакціи „Вѣра и Разумъ“ за напечатаніе отчета Братства. 4 „ 10 „
5. Въ неприкосновенный капиталъ отчислено (считая въ этой суммѣ и остатокъ прошлаго года) 79 „ 9 „

¹⁾ *Примѣчаніе.* Остатокъ этотъ получился не потому, чтобы въ распоряженіи Правленія Братства оказался избытокъ средствъ, а потому, что часть денегъ, выданная въ концѣ отчетнаго прошлаго братскаго года передъ Рождественскимъ праздн. 1911 г. на проѣздъ воспитанникамъ, была въ послѣдствіи нѣкоторыми изъ нихъ возвращена.

6. Выдано на проѣздъ воспитанникамъ въ теченіе перваго полугодія 1912 братскаго года	20 р. 70 к.
7. Выдано казначею на проѣздъ воспитанникамъ къ предстоящимъ рождественскимъ каникуламъ и на другія могуція встрѣтиться неотложныя нужды Братства	29 „ 41 „
8. Отчислень въ неприкосновенный капиталъ членскій взносъ свящ. о. Онисима Семенова	50 „ — „

И т о г о . . . 875 р. 26 к.

Остается къ 7-му Декабря 1912 г.

1. Въ свидѣтельствахъ госуд. 4 ⁰ / ₀ ренты	2800 р. — к.
2. Въ закладномъ 4 ¹ / ₂ ⁰ / ₀ листѣ Харьк. Земельн. Банка	100 „ — „
3. По книжкѣ Сберегательной кассы	94 „ 18 „

И т о г о . . . 2994 р. 18 к.

Каковая сумма (2994 р. 18 к.) и составляетъ неприкосновенный капиталъ Братства.

Предсѣдатель Правленія Братства, *Прот. А. Грузовъ.*

Ч л е н ы : { *Священникъ Василій Яновскій.*
Священникъ Симеонъ Недѣлька.
Протоіерей Іоаннъ Дмитріевъ.
В. Покровскій.

Дѣлопроизводитель. *Θ. Гораннъ.*

Списокъ членовъ Братства св. Амвросія Медиоланскаго въ 1912-мъ братскомъ году.

Почетные и пожизненные члены:

1. Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепискомъ Харьк. Высокопреосвящен. Флавіанъ, Митрополитъ Кіевскій. Протоіерей о. Аркадій Грузовъ, Смотритель Сумскаго духовнаго училища. Священникъ о. Іаковъ Матусевичъ, Смотритель Рижскаго духовнаго училища.
5. Протоіерей о. Гавріилъ Бѣлоусовъ, настоятель Соборной г. Ахтырки церкви.

Свящ. о. Василій Виноградовъ, законоучитель Сумского Кадетскаго корпуса.

Священникъ о. Онисимъ Семеновъ (с. Буймера, Лебед. уѣзда).

Д. с. с. Павелъ Ивановичъ Харитоненко.

Д. с. с. Иванъ Михайловичъ Степурскій.

10. Пот. поч. гр. Николай Іосифовичъ Лещинскій.

Жена его, Марія Матвѣевна Лещинская.

Пот. поч. гр. Павелъ Николаевичъ Лещинскій.

Колл. Сов. Василій Моисеевичъ Посельскій.

14. Врачъ Александръ Васильевичъ Лебедевъ.

Дѣйствительные члены:

1.	Артюховскій о. Алексѣй, свящ.	3	р.	—	к.
	Басовъ Валентиъ Васильевичъ, Сумской купецъ	3	"	—	"
	Бугуцкій о. Поликарпъ, свящ.	3	"	—	"
	Борисоглѣбскій, прот., законоучит. Сумск. мужск. учил.	3	"	—	"
5.	Булгаковъ Н. Н. надз. Сумск. дух. учил.	3	"	—	"
	Власовскій о. Павелъ, свящ.	3	"	—	"
	Виноградскій о. Димитрій, свящ. Сумск. Покр. ц.	3	"	—	"
	Горайнъ Ф. Ф., препод. Сумск. дух. уч.	3	"	—	"
	Грызодубовъ Д. А., надз. Сумск. дух. уч.	3	"	—	"
10.	Карповъ П. К., надз. и учит. пѣнія Сумск. дух. учил.	3	"	—	"
	Мазаревъ Л. Д., надз. Сумск. дух. уч.	3	"	—	"
	Литкевичъ А. М., препод. Сумск. дух. уч.	3	"	—	"
	Недѣлька о. Симеонъ, свящ. Сумск. Ник. ц.	3	"	—	"
	Петровскій о. Василій, прот. сл. Юнаковки Сумск. у.	4	"	—	"
15.	Петрусенко о. Василій, свящ.	3	"	—	"
	Покровскій В. В., учит. Сумск. дух. учил.	3	"	—	"
	Полтавцевъ о. Всеволодъ, діак. экон. Сум. д. уч.				
	Преображенскій П. В., Сумской уѣздный исправникъ	3	"	—	"
	Самойловъ о. Петръ, свящ.	3	"	—	"
20.	Сахаровъ П. С., училищный врачъ	3	"	—	"
	Сирятскій о. Димитрій, свящ.	3	"	—	"

	Станиславскій о. Алексѣй, Прот. настоят.		
	Богодух. Соборной ц.	6 р.	— к.
	Стелецкій о. Петръ, свящ.	10 „	— „
	Тумановъ Ибр., Сумской купецъ,	17 „	— „
25.	Серебсеницкій А. М., преп. Сумск. дух. уч.	3 „	— „
	Спѣваковъ М. В.	3 „	— „
	Сушковъ С. Я., надз. Сумск. дух. уч. . .	3 „	— „
	Сукачевъ В. В. преп. Сумск. дух. уч. . .	3 „	— „
	Тейфель А. Ф., Сумской купецъ	3 „	— „
30.	Труфановъ о. Василій, свящ.	3 „	— „
	Черниговскій о. Николай, свящ. сл. Юна-		
	ковки, Сумск. у.	3 „	— „
	Яновскій, о. Василій, свящ., пом. Смотр.		
	Сумск. дух. учил.	3 „	— „
33.	Осодоровскій о. Петръ, свящ., Благочин. 2-го		
	Богодух. окр.	4 „	50 „

Списокъ членовъ Братства можетъ оказаться неполнымъ, въ виду того, что во многихъ подписныхъ мѣстахъ о. о. Благочинные указываютъ лишь общую собранную сумму, безъ обозначенія, отъ кого именно пожертвованія поступили, а относительно самихъ жертвователей свѣдѣнія, касающіяся ихъ мѣста службы и званія, въ подписныхъ листахъ и квитанционныхъ книжкахъ обыкновенно очень неполныя.

Дѣлопроизводитель *Ө. Горанинъ.*

ЖУРНАЛЪ

Общаго Собранія Братства Св. Амвросія Медиоланскаго

при Сумскомъ духовномъ училищѣ

1912 года, декабрь 18-го дня.

Члены Братства Св. Амвросія Медиоланскаго при Сумскомъ духовномъ училищѣ, въ числѣ 15 человекъ,

прибывъ въ собраніе въ 7 часовъ вечера,

послѣ молитвы „Царю Небесный“, избравъ единогласно Предсѣдателемъ Общаго Собранія священника села Боброва, Лебединскаго уѣзда, отца Іоанна Браиловскаго,

З а с л у ш а л и

годовой отчетъ о дѣятельности Братства, составленный Правленіемъ, и докладъ членовъ ревизіонной комиссіи о произведенной имъ ревизіи приходо-расходныхъ книгъ Братства съ оправдательными къ нимъ документами.

П о с т а н о в и л и:

- а) Годовой отчетъ Правленія Братства и докладъ членовъ ревизіонной комиссіи принять.
- б) Щедрому жертвователю, Высокому Покровителю Братства, Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, выразить отъ имени Общаго Собранія Братства глубокую благодарность за его пожертвованіе въ пользу Братства 4⁰/₀ Госуд. ренты въ 200 руб., за что своевременно принесена была благодарность Его Высокопреосвященству отъ имени Правленія Братства.

в) Принимая во вниманіе особенное усердіе о.о. Благочинныхъ: 1-го Сумскаго округа, Протоіерея Іоанна Дмитріева, и 1-го Богодуховскаго округа, Протоіерея Алексѣя Станиславскаго, по сбору пожертвованій въ теченіе многихъ лѣтъ въ пользу Братства, избрать ихъ почетными и пожизненными членами Братства.

г) Священника о. Георгія Полтавцева, давшего съ хоромъ крестьянъ слоб. Михайловки, Лебединскаго уѣзда, духовный концертъ въ пользу Братства, избрать почетнымъ и пожизненнымъ членомъ Братства.

д) Дѣлопроизводителя Правленія Братства Ѳ. Ѳ. Го-раина за его усердную и полезную десятилѣтнюю безвозмездную службу въ должности дѣлопроизводителя Братства избрать почетнымъ и пожизненнымъ членомъ Братства.

е) Память скончавшагося въ отчетномъ году дѣйствительнаго члена Братства и кандидата къ членамъ ревизіонной комиссіи, преподавателя училища А. М. Серебренницкаго, почтить вставаніемъ съ пѣніемъ вѣчной памяти, что и было исполнено всѣми присутствующими.

ж) Кандидатомъ къ членамъ релизійонной комиссіи, вмѣсто скончавшагося А. М. Серебренницкаго, избрать священника с. Никитовки, Ахтырскаго уѣзда, о. Симеона Владовскаго.

з) Членами Правленія Братства и членами ревизіонной комиссіи просить остаться прежнихъ лицъ.

З а с л у ш а л и:

Словесное заявленіе члена Правленія Братства В. В. Покровскаго объ освобожденіи его отъ обязанности члена Правленія.

П о с т а н о в и л и:

а) Съ сожалѣніемъ соглашаясь на удовлетвореніе заявленія члена Правленія Братства В. В. Покровскаго, выразить ему отъ имени Общаго Собранія Братства благодарность за ревностную и усердную службу въ должности члена Правленія Братства.

б) Вмѣсто выбывшаго члена Правленія Братства В. В. Покровскаго, избрать членомъ Правленія Братства канди-

дата къ членамъ Правленія священника слоб. Степановки, Сумскаго уѣзда, о. Павла Власовскаго, а кандидатомъ къ членамъ Правленія избрать дѣйствительнаго члена Братства, училищнаго врача П. С. Сахарова.

в) Жертвователямъ выразить благодарность за пожертвованія, дающія возможность удовлетворить самыя неотложныя нужды многихъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ училища, а Правленію Братства.— за его труды по удовлетворенію этихъ нуждъ воспитанниковъ училища.

Послѣ этого всѣми присутствующими пропѣта была молитва „Достойно есть“ и Собраніе объявлено было закрытымъ.

Предсѣдатель Общаго Собранія Братства,

Благочинный Свящ. Іоаннъ Браиловскій.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“, Проф. П. Корсунскаго.— „Религіозно-правственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Проф. В. Надлера.— „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.— „Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).— Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.— „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.— „Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичествомъ“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.— „Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“?—В. Ковалевскаго.— „Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.— „Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Теософическое общество и современная теософія“. П. Глубоковскаго.— „Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.— „О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.— „О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.— „Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.— „Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.— „Зло, его сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла. Проф. Н. Глубоковскаго.— „Основное или Апологетическое Богословіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— Статьи объ антихриствѣ. Проф. А. Д. Бѣляева.— „Книга Руувъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузіи).— „Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Естественное Богопознаніе“. Проф. С. С. Глаголева.— „Философія монизма“. Проф.—прот. Т. Буткевича.— „Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.— „Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Проф. П. И. Линицкаго.— „Законъ причинности“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“.— Проф. И. И. Соколова.— „Очеркъ современной французской философіи“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Очеркъ исторіи философіи“. Н. И. Страхова.— „Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Проф. А. Шилтова.— „Психологическіе очерки“. Проф. В. А. Снегирева.— Чтеніе по космологіи. Проф. В. Д. Кудрявцева.— „Законъ жизни“ Проф. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ Г.Г. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производится по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и **съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы** о томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи **не позже**, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: **въ г. Харьновъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.**

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавныя листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истоминоу.